

ГЛАВА 1 Неудавшееся представление

Холодный январский день. Далёкие времена, 1482 год. В Париже, рядом с собором Богоматери, как обычно, царила суета: народ бежал туда-сюда, дети резвились и кричали от радости, а родители пытались не потерять их в толпе. Лишь некоторые молча любовались архитектурой собора. А из-за чего вся эта шумиха? Так на площади был праздник шотов!

Во Дворце Правосудия должны были по такому случаю поставить новую пьесу молодого поэта Пьера Гренгуара. Он с самого утра суетился во дворце, репетируя с актёрами и поторапливая доделывающих декорации плотников — его белокурая макушка мелькала то тут, то там. Несмотря на вид слегка «не от мира сего», который ему придавали рассыпавшиеся по плечам длинные волосы и небрежно наброшенный на плечи камзол, у молодого человека были умные глаза, и постановкой он распоряжался вполне толково, хотя и излишне нервничал. Впрочем, его можно было понять — за свою поэтическую карьеру он написал уже много стихов, но пьесу такого масштаба ставил в первый раз.

В Большом зале собралось много народа. Всё больше и больше любопытных взглядов устремлялось на сцену, но поэт по-прежнему стоял за кулисами, а занавес ещё не был поднят. По рядам зрителей прошёл ропот. Особенно выделялся юный Жеан Фролло, младший брат архидьякона собора — он громче всех требовал поскорее начинать. Наконец, занавес поднялся, и представление началось.

Пьеса была перенасыщена множеством аллегорий, любовных стихов и бытовых сцен из жизни главного героя. Такого сюрприза от Гренгуара никто не ожидал, да и ему самому пьеса казалась ни на что не похожей.

Но в разгар представления, когда полёт Гренгуаровой фантазии уже порядком утомил зрителей, в зале внезапно появился нищий в лохмотьях. Всё внимание моментально переключилось на него, и никому уже не было дела до заумной пьесы.

— Подайте, Христа ради, бедному человеку! — жалобно взывал бродяга, протягивая сложенную ковшиком ладонь. — Мне есть нечего, подайте на хлеб! Я на рынке был, на Гревской площади, у собора... — Он замялся, словно припоминая, где ещё мог оказаться. — А подаяния всё нет!

В этот момент у него чуть не вывалился из-за пазухи кошель. В зале поднялся невероятный шум. Даже архидьякон Клод Фролло встал со своего места и смерил попрошайку строгим взглядом.

Жеан, словно дразня брата, достал свой кошель и кинул нищему пару монет.

— Спасибо, мэтр, очень вы меня выручили! — выдохнул попрошайка, пряча монеты. — Меня зовут Клопен Труйльфу. Без вашей помощи я бы умер с голоду.

— Хватит болтать, убирайся отсюда! — взорвался наконец старший Фролло. Но Клопен и не подумал уходить, а лишь сел подальше, спрятавшись от взгляда грозного архидьякона.

Гренгуар обрадовался, видя, что пьесу можно продолжить. На лицах актёров

заиграли улыбки. Но зрители, на которых малопонятное действо только нагоняло скуку, явно не разделяли их воодушевления и, воспользовавшись перерывом, принялись обсуждать последние городские сплетни. Несколько человек и вовсе покинули зал.

Первым не выдержал Клод Фролло. Когда гул толпы окончательно перекрыл все остальные звуки, он встал и быстрым шагом удалился из зала.

— Всё, братец ушёл, теперь-то можно повеселиться! — воскликнул Жеан и направился к притаившемуся в задних рядах Клопену.

— Вот скажи: неужели тебе, неграмотному бедняку, интересно смотреть такую нелепицу? — громко поинтересовался он у нищего. — Мне кажется, ты появился здесь не просто так. Тебе ведь даже нечем заплатить поэту! Или ты думаешь, что тут всё бесплатно? — Жеан засмеялся и скорчил гримасу.

— Ну вот, — вздохнул Клопен. — Даже тут нет покоя от насмешек! Ну что за день! Сначала я ждал милостыни. А теперь ещё и этот школяр ко мне привязался...

— К чёрту пьесу! Я устал и хочу отдохнуть! — прокричал Жеан.

Новые зрители всё продолжали подходить. Толпа заполнила весь зал, свободных мест совсем не осталось.

— Эй, Жеан! — окликнул младшего Фролло другой такой же юнец. — Недаром тебя зовут Жеан Мельник, твои руки и ноги совсем как крылья ветряной мельницы, ха-ха-ха! Давно ты здесь?

— Уже часа два, не меньше, — отозвался школяр, — но что-то ничего путного в этом представлении не вижу. Скучно и неинтересно. Вот раньше был театр так театр, а сейчас одни сплошные шуты.

— Мельник, ты прав... — поддержал его чулочник Жак Копеноль и тут же воскликнул, указывая на Клопена: — Ба, кого я вижу! Это же Клопен, король нищих и бродяг! Зачем пожаловал сюда? Попрошайничать?

— Я хотел посмотреть пьесу Гренгуара, но теперь вижу, что ничего не может быть скучнее.

Гренгуар покраснел от злости и попытался возобновить пьесу, но даже актёры уже утомились и не выказывали желания продолжать.

— Давайте же, бездельники! — крикнул им рассерженный поэт.

— Долой пьесу! — завопили со всех сторон.

— У меня есть замечательная идея! — закричал Жак, и все мгновенно притихли, повернувшись к нему. — Давайте прекратим уже этот балаган и займёмся делом. Как насчёт того, чтобы избрать Папу шутов? Тут неподалёку есть часовня. Пусть каждый просунет голову в её окно и скорчит физиономию. Тот, у кого получится самая отвратительная гримаса, и будет Папой. Итак, кто за это предложение?

Эта затея толпе явно понравилась — по всему залу моментально вырос лес рук. Только Гренгуар молчал и оглядывался на своих актёров, ища поддержки. Ему хотелось продемонстрировать своё творение до конца, и он никак не мог понять, почему его сложная, насыщенная сценами на любой вкус пьеса не нравится зрителям настолько, что они предпочитают сомнительное зрелище избрания Папы шутов.

Пьеса всё ещё продолжалась, но никто уже не смотрел на сцену. Толпа устремила к выходу из Дворца Правосудия.

— Дамы и господа! — взывал поэт, тщетно пытаясь перекрыть весёлый гомон. — Куда же вы уходите? Пьеса ещё не закончена!

Ответом ему были свист и улюлюканье.

На зрительских местах осталось всего несколько человек, но Гренгуар решил продолжить пьесу хотя бы для них, надеясь получить хоть какое-то вознаграждение. Но, высунувшись из дверей, он мог только скорчить унылую физиономию. Последние из числа его бывших зрителей последовали общему примеру и быстро удалялись в сторону часовни.

ГЛАВА 2 Папа шутов

Замысел Жака удался на славу. Вокруг часовни собралась большая толпа. Все ждали выборов шутовского Папы, а сам чулочник суетился у входа и всех организовывал. Постепенно к часовне подходили всё новые и новые люди — каждому хотелось победить в этом веселом состязании. Больше всех, кажется, оно радовало Жеана — он носился вокруг часовни, заливаясь смехом, и то и дело принимался едко вышучивать кандидатов в Папы. Но сам школяр, втайне гордившийся своей миловидной мордашкой, желанием к ним присоединиться не горел, так что просто нарезал круги в толпе и покрикивал на людей, по очереди заходящих в часовню.

Постепенно все желающие посостязаться за титул Папы шутов оказались внутри, а зрители и просто любопытные собрались возле окна. Раньше в него было вставлено круглое стекло, но со временем оно растрескалось, так что теперь в отверстие можно было просунуть голову.

Наконец первый претендент на роль Папы шутов высунулся из окна. Он был совершенно лысый, со скрюченным носом, а на его лице явственно виднелись глубокие морщины. Но его гримаса, хоть и была уродливой, не произвела впечатления на зрителей.

— Следующий! — крикнул чулочник.

Все кругом загалдели и стали ждать продолжения.

Мероприятие длилось довольно долго. Жеан не умолкая комментировал внешность кандидатов:

— Не то... Ну вы посмотрите на него! У него же просто нос картошкой! Какой же он Папа шутов!

Чулочник с ним соглашался, и выборы продолжались. В них поучаствовал даже Клопен Труйльфу, скорчив унылую гримасу, но удача не улыбнулась ему и на этот раз.

— Он просто нищий урод, видали уже! — крикнул школяр. — И совсем не страшный.

Веселье продолжалось.

— Поглядите, эта гримаса точь-в-точь как морда быка! — кричал народ, тыча пальцами в очередного претендента.

И действительно, в отверстии часовни красовалось лицо, очень похожее на бычью морду. Жеан снова затараторил, но его уже никто не слушал. Вокруг часовни стоял оглушительный гул.

Каких только лиц тут не было: и худые, и круглые, и с кривыми носами, мужчины и женщины всех возрастов — каждому хотелось соорудить самую отвратительную гримасу и стать Папой шутов.

— Глядите, а у этого голова даже в отверстие не пролезает! — заметил кто-то.

В отверстие высунулось лицо другого участника.

— А этот похож на чёрта... — добавил другой зритель.

Наконец в отверстии показалось страшное лицо. Молодой мужчина с рыжими волосами, большой бородавкой над левым глазом и вздёрнутым носом довольно внушительных размеров вызвал у толпы приступ безудержного веселья.

— Глядите, какой урод! — визжали мальчишки ещё младше Жеана, кидая в претендента огрызки и мелкие камушки.

— Посмотрите, люди добрые, на эту рожу! — потешался уже кто-то из взрослых. — Можно подумать, что сам дьявол нынче вечером заглянул в Париж!

— И не говори! — соглашался другой голос. — Клянусь моей лавкой, даже черти, что являются с перепоею, и то краше!

После этого продолжать выборы не было смысла. Под всеобщее ликование из часовни вывели этого «красавчика», у которого, как оказалось, был ещё и огромный горб. Толпа громкими воплями одобрила этот выбор.

— Да здравствует Папа шутов! — закричал Жак-чулочник.

— Папа шутов! Папа шутов! — подхватили остальные.

— Да это же звонарь Квазимодо из Нотр-Дама! — воскликнул Жеан и пояснил тем, кто стоял рядом: — Воспитанник моего брата.

— Он просто отвратителен! Достойный победитель, — отметил гордый собой Жак.

Толпа бесновалась:

— Ура! Ура! Да здравствует Папа!

На горбуна надели мантию с мишурой, картонную тиару, вручили цветной посох и посадили на большие деревянные носилки.

— Это твой день, Квазимодо! Ты наш главный шут! — ухмыльнулся один старичок из носильщиков, поднимая новоизбранного Папу над толпой.

Квазимодо уносили всё дальше и дальше от часовни. Процессию сопровождали зрители, число которых увеличивалось с каждой минутой. Они тоже придавали колорит: громко дудели и стучали деревянными палочками, каждый играл, на чём мог — на колокольчиках, дудочках, тамбуринах, образовав самый странный во всём Париже оркестр. А впереди на тележке, запряжённой собаками, ехал король нищих Клопен Труйльфу.

Простодушный горбун смеялся вместе со всеми, не понимая, что его вовсе не чествуют, а лишь смеются над его уродством. Но пока ему было весело.

Внезапно на пути шумной процессии появилась девушка изумительной красоты — с золотисто-смуглой кожей, сверкающими изумрудными глазами и роскошными тёмными волосами, заплетёнными в затейливые косы. Её синеголубое платье с пёстрыми узорами радовало глаз в серой толпе, тонкую талию подчёркивал золотой корсаж. Походка её была легка и грациозна, словно танец, а изящные туфельки подчёркивали красоту стройных ножек. Девушка держала в руках бубен.

Процессия Папы шутов остановилась. Красавица подходила всё ближе и ближе, и все взгляды были прикованы к ней. Люди моментально забыли о шутовском празднике. Квазимодо тоже не мог оторвать от неё глаз. Она казалась неземным созданием, ангелом, случайно оказавшимся в шумной городской толпе.

Наконец она подошла совсем близко, и прекрасные зелёные глаза встретились с восторженным взглядом горбуна.

— Эсмеральда! Эсмеральда! — закричали люди, узнав красавицу.

Но некоторые продолжали пристально смотреть на Квазимодо и хихикать.

— Как вам не стыдно смеяться над ним? — возмутилась девушка. — Разве он виноват в том, что некрасив? И разве не вы сами провозгласили его королём уродов?

Но отвечать цыганке никто не торопился. Большинство просто любовались, ослепленные её красотой.

— Но у нас праздник! Мы хотим веселиться, — наконец подал голос Жеан.

Большинство людей с ним согласилось, процессия продолжилась, оставив девушку позади. Вскоре они потеряли её из виду.

Толпа направилась к Гревской площади.

Между тем у Гренгуара дела были хуже некуда. Он вернулся в Большой зал и велел актёрам продолжать пьесу. Те честно доиграли до конца, хотя зрителей осталась совсем мало. Время от времени они громкими криками выражали своё недовольство, а затем и вовсе уходили.

Гренгуар успокаивал себя:

— Ну и хорошо, что крикуны уходят! Без них будет легче.

Но когда «крикуны» покинули Большой зал, выяснилось, что осталось всего два человека, да и те мирно дремали в своих креслах. Требовать плату Пьеру оказалось не с кого. Он даже не смог заплатить обещанный гонорар своим актёрам.

— И для чего мы вообще тут старались? — возмущался актёр, игравший Юпитера. — Только время даром потеряли. Не будем больше для вас играть, месье Гренгуар!

— Я заплачу вам позже, обещаю! — пытался выкрутиться поэт. — Я напишу новую поэму. И уж за неё-то точно получу хорошие деньги!

Издали послышалась весёлая музыка, но расстроенный Пьер едва ли обратил на неё внимание. Погружённый в печальные мысли, он вышел из Дворца Правосудия и уныло побрёл по улице, не замечая, куда идёт.

ГЛАВА 3 Эсмеральда

На душе у Гренгуара было скверно. По пути он обдумывал всё, что произошло за этот день, и всё больше погружался в уныние. Ему казалось, что, если бы его пьеса была более интересной, он смог бы оплатить работу актёров, купить еду и снять комнату на ночлег. А теперь из-за его поэтической никчёмности карманы его пусты, и ему приходится в одиночестве брести по холодной улице.

Всюду горели огни, освещая улицы, нарядно украшенные в честь Праздника Шутов флажками и лентами. Даже гуляющие горожане ради такого случая сменили повседневную немаркую одежду на яркие и пестрые наряды.

— Праздник преследует меня всюду, — ворчал поэт. — Никогда не видел такой толпы... Но, может, эти люди, если я буду держаться к ним поближе, они дадут мне хоть кусочек хлеба? А там как получится!

С такими рассуждениями Пьер шёл всё дальше и дальше, а музыка, которую он услышал уже у Дворца Правосудия, становилась все громче и громче.

Наконец неудачливый поэт вышел на Гревскую площадь. Тут было ещё больше празднующих, чем на улице. Где-то на противоположном краю площади, едва различимый в быстро сгущающихся сумерках, играл незамысловатый народный оркестр. Посреди площади горел костер, и Пьер подошел поближе, чтобы согреться. Но его отвлекло другое зрелище...

В свете костра на старом персидском ковре с узорами плясала прекрасная цыганка, в которой люди из свиты Папы шутов без труда узнали бы Эсмеральду. Гренгуар, видевший её впервые, был очарован её танцем: девушка кружилась под звуки бубна, поднимая его высоко над головой и отбивая задорный ритм, грациозно взмахивала платьем, а стройные ножки выделяли невероятные па.

Потом, отложив бубен, цыганка взяла две шпаги и стала танцевать с ними. Хрупкая девушка с удивительной ловкостью вертела шпаги в разные стороны, так что восхищённые зрители могли видеть только блеск лезвий, отражающих блики костра.

И никто не обратил внимания на совершенно обыкновенного человека в священническом облачении, пока он вдруг не вышел вперёд и не закричал:

— Богохульство! Кошунство!

Зрители, включая Гренгуара, с возмущением уставились на того, кто посмел помешать им наслаждаться пляской. У него была совершенно обычная, ничем не примечательная внешность: лысина на затылке, тонкие губы, строгие серые глаза и нос с небольшой горбинкой. Однако Пьер узнал его сразу же: «Да это же архидьякон Клод Фролло, мой учитель!»

Но девушка не обратила на этот выпад никакого внимания и продолжала танцевать. Со всех сторон ей под ноги посыпался град монет.

— Молодец, Эсмеральда! — кричали зрители. — Ты восхитительно танцуешь! «Эсмеральда! — восхитился про себя Пьер. — Это имя так же прекрасно и музыкально, как сама девушка. Я никогда такого раньше не слышал... Наверное, цыганское».

Сама Эсмеральда, кажется, была довольна своим успехом.

— Джали, теперь твой черёд! — радостно позвала девушка, и тут же к ней подбежала очаровательная белая козочка с позолоченными рожками. Повинуясь знакам хозяйки, она начала показывать фокусы и кувыряться.

— Джали, который час? — спросила Эсмеральда.

Козочка ударила семь раз по бубну. В это время часы на башне собора и впрямь пробили семь часов. Зрители громко зааплодировали.

— А месяц какой? — продолжила цыганка.

Джали ударила по бубну один раз. На дворе был январь, и она ответила правильно.

— Богохульство! Кошунство! — снова послышался голос архидьякона. — Не может коза быть такой умной. В неё, верно, вселился дьявол!

Но Эсмеральда и в этот раз не обратила на него внимания.

Гренгуар стоял в стороне и наблюдал за происходящим. За этот удивительный танец, выдернувший его из пучины уныния, он готов был отдать Эсмеральде всё золото мира. Но у него, увы, не было ни гроша, и поэт потупил голову, ещё больше страдая от своей никчёмности.

В это время на площадь въехала процессия шутовского Папы. Квазимодо с высоты своих носилок первым увидел девушку и с радостью понял, что она та самая цыганка, которую он недавно видел на улице. Его страшное лицо расплылось в широкой и искренней улыбке.

Девушка тем временем закончила фокусы с козой и запела песню на диговинном, неизвестном даже образованному Пьеру языке:

*Un cofre de gran nqueza
Hallaron dentro un pilar,
Dentro del, nueuus banderas,
Con figuras de espantar*

Она пела и широко улыбалась, а её изумрудные глаза сверкали в темноте, подобно звёздам.

*Alarabes de caballo
Sin poderse menear,
Con espadas, y los cuellot,
Ballestas de buen echar...*

Закончив петь, девушка пошла собирать плату. Она подходила к каждому зрителю, протягивала ему свой бубен, и он бросал туда несколько монеток.

Дошла очередь и до Гренгуара, но он не смог ничего заплатить.

— Простите, у меня совсем нет денег, — вздохнул поэт, смущённо отводя взгляд.

К счастью для него, внимание цыганки отвлек Клод Фролло. Он наконец перестал прожигать плясунью ненавидящим взглядом и сразу же заметил Квазимодо. Лицо священника исказила злобная гримаса, и он поспешил к горбуну.

— Кто тебе разрешил участвовать в этом празднике? — накинулся он на воспитанника. — Ты понимаешь, что натворил? Ты выставил себя посмешищем перед всем городом, и меня, своего покровителя, тоже!

Радость на лице Квазимодо постепенно сменялась виноватым выражением.

— Простите меня, отец! — жалобно прошептал он, и по его щеке скатилась крупная слеза.

Фролло, не тронутый этим раскаянием, быстро сдернул с него тиару и мантию. Затем грубо вырвал из дрожащих рук посох и с силой сломал его об колено.

Горбун упал перед Клодом на колени, цепляясь за сутану и умоляя о прощении. Эта сцена возмутила добрую плясунью.

— Пожалуйста, не обижайте его, — попросила она, подходя поближе к Фролло. — Неужели вы не видите, как ему плохо!

Теперь даже участники процессии решили вступить за своего развенчанного папу.

— Он же ничего не сделал! — кричали они. — Это всё Жак-чулочник, его и накажите! При чём тут бедный малый?

Но Клод не слушал их. Злобно зыркнув на цыганку, которая попыталась было в знак утешения погладить горбуна по плечу, он крепко взял Квазимодо за руку и повёл в сторону собора. Но, уходя всё дальше и дальше, он то и дело оглядывался на Эсмеральду, застывшую в осуждающей позе.

Квазимодо понуро брёл за своим учителем, не смея его послушаться. Он слышал, как эта прекрасная, как майское утро, девушка заступалась за него, и в груди щемило от нежности и горячей благодарности — ведь до этого никто, кроме архидьякона, никогда его не защищал! Больше всего на свете ему хотелось обернуться, посмотреть в прекрасные зелёные глаза, сказать, как он ей благодарен... Но как можно заставлять красавицу смотреть на такого уроды! О, Матерь Божья, если бы он не был настолько ужасен! Если бы...

ГЛАВА 4 Похищение

Когда чёрная фигура архидьякона, тащившего за собой несчастного горбуна, скрылась из виду, у Гренгуара стало легче на душе. При всём его уважении к учителю, присутствие Фролло всё же обычно не способствовало радостному расположению духа, а Пьер за сегодня уже порядком устал грустить. «Ну ничего, несмотря на все неудачи, я всё же в тепле, у костра, — утешил он себя. — К тому же у меня очень приятная компания... хотя бы из вот этой очаровательной плясуньи!»

Эсмеральда сидела чуть поодаль от него, но всё же довольно близко к огню, чтобы было удобно её разглядывать. Хотя было уже очень поздно, музыканты всё не унимались, и девушка даже сидя едва заметно пританцовывала в такт нехитрой мелодии. Монетки в её волосах при каждом движении искрились и поблёскивали в свете костра, придавая облику девушки ещё больше очарования. Поэт не скрываясь любовался ею, и в голове его сами собой рождались совершенно гениальные строки.

Но пустой желудок, как известно, не способствует сочинению од. Тем более что рядом с Пьером сидел мужчина отвратительной наружности — в поношенном костюме, обросший и явно давно не мывшийся — и одну за другой поглощал пресные лепёшки из корзины, которую держал на коленях. Время от времени он прикладывался к стоявшему тут же кувшину, в котором могла быть вода, а возможно, и вино.

Неудивительно, что от такого зрелища у Пьера, с утра не проглотившего ни крошки, разыгрался аппетит. Он хотел попросить еды и для себя, однако, глядя на хмурую физиономию едока, не решался. Но в конце концов, слушая громкое довольное чавканье в унисон с бурлением собственного пустого желудка, он не выдержал:

— Мэтр, вы не могли бы, пожалуйста, дать и мне одну лепёшку? Я с утра не ел и очень голоден...

— Обойдётся! — хрипло возмутился крестьянин, покрепче прижав к себе корзинку. — Я сам ещё голодный. А лепёшек мало, чтоб ещё и всяких бездельников кормить!

— Да что вы такое говорите! Я поэт, и весьма успешный, только сегодня во Дворце Правосудия мою мистерию играли! — обиделся Гренгуар, и тут его осенило: — А хотите, я вам монолог Юпитера прочту?

Но в ответ все, кроме Эсмеральды, разразились громким хохотом. Гренгуар пытался прочитать первые строчки, но крики заглушили его голос.

— Видели мы твою мистерию, скука смертная! — насмехался кто-то из толпы.

— Какие стихи? Ты с ума сошёл? — поддержал его другой голос. — Мы и так за целый день устали от шума. Да и поздно уже, по домам пора!

Гренгуар, до этого воспрянувший было духом, снова загрустил. Воспользовавшись тем, что его сосед отвлёкся на перебранку, он заглянул в корзину с лепёшками, но она уже была пуста. День кончался совсем плохо... — На, поешь! — неожиданно предложила Эсмеральда и протянула Пьеру остаток своей лепёшки.

После всего, что случилось, такой поступок очень удивил и даже растрогал поэта. Он, обычно красноречивый, даже не сумел толком поблагодарить девушку:

— Большое спасибо, Эс... Эсмеральда... Ты просто ангел доброты!

— Да будет тебе! — звонко рассмеялась девушка и вернулась на своё место.

Длинный и суматошный день наконец подошёл к концу. Праздник Шутов закончился, музыканты разошлись, костёр погас. Те немногие, кто ещё оставался на площади, тоже засобирались домой. И только Гренгуару идти было некуда. Без огня в своём дырявом камзоле он мигом замёрз, его ужасно клонило в сон. А заснуть на голой холодной земле, подобно нищему, чувство собственного достоинства ему пока не позволяло.

Эсмеральда тоже поспешила к себе вместе с Джали. А поэт остался сидеть на корточках возле потухшего костра, тщетно пытаясь согреться теплом остывающих углей. И он решил последовать за Эсмеральдой — в конце концов, эта девушка сегодня единственная была к нему добра. Как знать, не приютит ли она его и на ночь?

Цыганка с козочкой уже успели уйти довольно далеко по улице, и Пьеру пришлось их догонять. Однако напроститься в провожатые от всё же постеснялся и просто крался за чудной парочкой. Впрочем, следовать за девушкой было даже интересно — он и представить не мог, куда она его приведёт. На улице становилось все темнее и темнее, и поэт давно бы потерял их из виду, если бы не яркое платье Эсмеральды и снежно-белая шубка Джали.

Большинство добрых парижан уже спали, лишь иногда попадались освещённые окошки. Из одного такого донёсся спор — два сварливых старческих голоса о чём-то препирались, напоминая своим скрипом несмазанную телегу. Гренгуар по старой привычке остановился послушать, о чём они говорят, — никогда не знаешь, кто подкинет очередную идею! — и даже не заметил, что Эсмеральда свернула за угол. Не услышав ничего интересного, поэт увидел её исчезновение и побежал прямо по улице, надеясь догнать.

Эсмеральда спокойно шла домой. Ей часто приходилось поздно возвращаться, поэтому она не беспокоилась и не оглядывалась по сторонам, а то, наверное, заметила бы Пьера. Девушка пританцовывала по пути, напевая одну из мелодий с площади, а умница Джали спокойно бежала рядом.

Внезапно она услышала грохот приближающихся шагов и резко обернулась. Прямо за её спиной выросла зловещая фигура в длинном плаще. Низко надвинутый капюшон скрывал его лицо, придавая ещё больше таинственности.

Девушка даже пикнуть не успела, как он крепко вцепился в её плечо и попытался зажать рот рукой. Но Эсмеральда, не растерявшись, укусила его за палец и, когда похититель инстинктивно отдернул руку, закричала что было сил:

— Помогите, спасите!

Внезапно рядом с ней появился Квазимодо. Мощным ударом гигантского кулака он сбил с ног странную фигуру и тут же неожиданно бережно подхватил Эсмеральду на руки.

— Не бойся меня, — шептал он дрожащей девушке. — Я тебя спасу, я не опасен...

Эсмеральда, вняв этим ласковым уговорам, перестала кричать и робко выглянула из-за горба спасителя. Фигура в капюшоне быстро оправилась от удара и теперь бежала за ними по улице, неумолимо догоняя. Горбун был силен, но бегал, к сожалению, не слишком быстро. Эсмеральда зажмурилась и крепче обхватила его за короткую шею — он её не пугал.

Тут-то на эту процессию и наткнулся Гренгуар, поспешивший на крики о помощи. В темноте он разглядел только, что испуганную цыганку уносит какаято массивная фигура, а другая, высокая и тощая, бежит за ними следом — и непонятно, преследователь это или сообщник... Сам поэт выручать девушку побоялся, поэтому закричал во всю мощь своих лёгких:

— Стража, сюда!

Из окон соседних домиков стали выглядывать люди, кое-кто даже выбежал на улицу. Вскоре Квазимодо с цыганкой на руках оказался под плотным огнём неприязненных взглядов. Кто-то в толпе уже кричал:

— Скорее, горбун похитил девушку!

Квазимодо в нерешительности приостановился, и в этот миг преследователь наконец настиг его. Поставив горбуну подножку, он воспользовался тем, что тот на миг потерял равновесие, и выхватил у него из рук безвольную от страха Эсмеральду. Но скрыться со своей ношей он не успел — дорогу ему преградил отряд конных стрелков во главе с офицером.

— Отпусти девчонку, негодяй! — рявкнул командир и, наклонившись с седла, вырвал у него Эсмеральду. Пока он устраивал девушку в седле, человек в капюшоне растворился в темноте.

Вооружённые стражники тем временем опутали верёвками бедного Квазимодо. Горбун даже не сопротивлялся, только приговаривал: «Я не виноват, я не виноват!» Но ему не поверили, тем более что жители соседних домов единодушно подтвердили, что именно он нёс цыганку. Про человека в капюшоне никто не вспомнил, как будто его и не было.

Эсмеральда медленно приходила в себя. Как только голова у неё перестала кружиться от страха, она заметила, что сидит необычайно высоко. Девушка запаниковала, — до этого ей, конечно, не доводилось ездить верхом, — но заметила, что её придерживает за талию чья-то сильная рука. А подняв глаза, она увидела его, своего спасителя.

Он был ещё совсем молод. В свете факелов поблёскивали богато украшенные латы, и такие же золотистые искорки проскальзывали в светлых волосах. Под такого же цвета щегольскими усами распустилась широкая белозубая улыбка, а от взгляда голубых глаз почему-то снова слегка закружилась голова.

— О, месье, я так вам благодарна за моё спасение! — воскликнула цыганка. — Как вас зовут?

— Капитан де Шатопер, милочка, но для такой прелестной девушки — просто Феб! — представился офицер, довольно пригладив усы. — Позвольте, я провожу вас домой.

— Спасибо, но я дойду и одна... — смутилась Эсмеральда. Хотя ей нравился этот молодой человек, мысль, что он будет её провожать, почему-то пугала.

Тут она очень вовремя заметила Джали, о которой совершенно забыла в этой суматохе. Козочка бежала за конём, но, конечно, не могла его догнать.

— Что вы, что вы! — не унимался капитан. — Такой красавице, как вы, просто опасно ходить ночью одной. Вдруг на вас ещё кто-нибудь... позарится, а?

Эсмеральда была совершенно очарована. В его навязчивых попытках набиться ей в провожатые она видела только заботу и беспокойство, но никак не домогательства.

— Как вас зовут, красавица?

— Эсмеральда, — кокетливо улыбнулась девушка, надеясь, что необычное имя понравится такому благородному рыцарю.

— Эсимиллярд... Симиляр... А, неважно! Ангел мой, прошу, оставайтесь! — настаивал капитан, сверкая глазами. Кажется, в воображении он уже успел нарисовать довольно пикантные сцены...

Вероятно, это цыганским чутьём поняла и Эсмеральда. Еле слышно прошептав: «Благодарю вас, Феб, и прощайте!», она быстро спрыгнула с коня и вместе с Джали исчезла в лабиринте парижских улочек.

ГЛАВА 5 Двор Чудес

Проводив долгим взглядом капитана Феба, Гренгуар продолжил свой путь. Была уже поздняя ночь, и ему всё больше хотелось наконец найти себе пристанище. Но большинство горожан уже спали, и поэт не решался их будить, справедливо опасаясь, что в этом случае вряд ли его примут радушно. Наконец Гренгуар заметил огонёк в окне ветхого домика и постучался в дверь.

На пороге появилась цыганка. Ещё довольно молодая, она, однако была полной противоположностью Эсмеральде: неприятное лицо, злые тёмные глаза, неопрятная, больше напоминающая лохмотья одежда — никакого сходства с милой плясуньей.

Гренгуар всё же попытался воззвать к жалости девушки:

— Прошу вас, прелестная мадемуазель, пустите меня переночевать, я так замёрз...

Но она даже не дала ему договорить и замахала руками:

— Иди отсюда подальше, бродяга! Ты думаешь, у меня самой в доме тепло? Да мне почти месяц не на что купить дров, а тут ещё ты! Пошёл вон!

— Но я же с ног валюсь! — взмолился поэт.

— Нет! Мне есть нечего. А ты наверняка обед будешь кланчить!

Прежде чем Гренгуар успел возразить, девушка схватила палку, и он счёл за благо унести ноги.

Услышав, как вдалеке захлопнулась дверь неприветливого домика, поэт остановился и устало прислонился к стене. Над Парижем скоро встанет солнце, а он никак не может найти себе кров! Горестно вздохнув, Гренгуар собрал последние силы и побрёл дальше.

Он уже окончательно заблудился и не понимал, куда идёт. Впрочем, не будь поэт так погружён в свои нерадостные мысли, он заметил бы, что зашёл в весьма подозрительные места. Ему всё чаще встречались нищие и оборванцы, говорящие на непонятных языках, но он старался держаться от них подальше. Подать ему было нечего, а без звонкой монеты эта публика обычно весьма невежлива.

— Если уж не повезёт с самого утра, весь день испорчен! — вздыхал про себя поэт.

Домики становились все беднее. Кое-где в окнах мелькали люди, но проситься на ночлег Пьер уже боялся. Он просто шёл дальше, размышляя о своей печальной участи, пока совсем не выбился из сил и не сел прямо на холодную землю.

Однако не успел поэт перевести дух, как к нему подошли двое нищих.

— Эй, ты кто такой? И чего здесь валяешься, пьяный, что ли?

Гренгуар осмотрел себя. Действительно, рубашка его была порвана и заляпана грязью, ботинки стоптались.

— Поэт Пьер Гренгуар! — представился он, выпрямившись и стараясь выглядеть внушительно.

— Первый раз слышим! — захохотали бродяги.

— А где я? — робко поинтересовался поэт.

— Во Дворе Чудес!

Пьер содрогнулся. Ему не раз приходилось слышать, что в закоулках Парижа есть загадочное место, где живут бродяги и воры. Где оно находится, естественно, никто не знал, но слухи о нём ходили самые жуткие: будто бы любого постороннего мужчину, оказавшегося там, бродяги сразу же убивают, а женщин и детей заставляют на них работать... Впрочем, это, конечно, были байки — ведь ни один человек по доброй воле не пошёл бы туда.

— Так ты не местный? — догадался один из бродяг.

— Нет, я здесь впервые.

Ухмылки нищих внезапно сменились кровожадным оскалом:

— Ах, так ты чужак!.. К королю его, к королю!

«Похоже, это всё-таки были не байки», — грустно констатировал поэт, когда ещё двое бродяг с силой схватили его под руки и куда-то поволокли.

Его тащили по каким-то грязным закоулкам, время от времени подталкивая в спину, когда у уставшего поэта начинали заплетаться ноги. Какие-то цыганские ребятишки путались под ногами и кричали что-то непонятное, но явно оскорбительное — теперь-то Гренгуар искренне посочувствовал несчастному Квазимодо. Встреченные нищие мерзко ухмылялись и грозили кулаками, и чем дальше, тем больше их становилось.

Поначалу безразличный от усталости Пьер теперь испугался не на шутку. Он попытался поговорить со своими конвоирами:

— Отпустите, отпустите! Зачем вы меня тащите? Я не сделаю вам плохого, клянусь!

— Конечно, не сделаешь! — ухмыльнулся один из бродяг. — Король Алтынный тебе не позволит!

Наконец Пьера дотащили до довольно большой (по сравнению с тесными улочками) площади. Её освещало множество больших костров, возле которых стояли деревянные столы. За ними на грубых лавках, а то и бочонках сидели бродяги — они выпивали, резались в карты и поначалу не заметили Пьера, тщетно пытавшегося вырваться из рук своих провожатых.

Зато, когда процессию заметили, над столами прокатился взрыв грубого хохота. Поэт зажмурился, чтобы не видеть этих искажённых жестоким весельем рож.

Наконец его проволокли через всю толпу, и шум немного утих. Когда Гренгуар решился открыть глаза, то увидел довольно странную картину: на бочке около самого большого костра сидел смутно знакомый человек. В отличие от остальных бродяг, одетых большей частью в лохмотья, на нём был вполне приличный синий костюм, хотя и кое-где заштопанный. На голове его красовалась шапочка, в которой человек с буйной фантазией (как у самого Пьера, например) мог разглядеть корону.

— Зачем пожаловал, чужак?

Пьер со стыдом оглядел свой костюм, ещё больше пострадавший от прогулки по Двору Чудес, и попытался оправдаться:

— Я зашёл сюда случайно...

— Ты не бродяга! По нашим законам ты не имеешь права здесь находиться.

Голос этого человека, звучавший громко и угрожающе, показался поэту знакомым. Он наконец отважился поднять глаза и рассмотреть получше этого короля нищих.

Каково же было удивление Гренгуара, когда он узнал Клопена Труйльфу, того самого нищего, который нанёс первый и роковой удар его пьесе!

— Кто ты такой? — громко спросил король бродяг.

— Я поэт Пьер Гренгуар. Сочинил много стихов и пьес.

Теперь и на лице Клопена отразилось узнавание:

— А, так это ты написал ту скучищу, которая шла сегодня утром?

— Да, я! — Голос поэта дрожал от страха и обиды. — Как позволите вас называть?

— Называй меня как угодно, но поверь, тебя ждет незавидная участь. Выбирай, или мы тебя казним, или ты будешь обязан до конца жизни работать на Двор Чудес.

Гренгуара ни то, ни другое не устраивало. Он догадывался, что придворный поэт этому королю вряд ли нужен, а при мысли, что он должен будет обслуживать этот сброд, просто подкашивались ноги. Поэт бессильно повис на руках державших его бродяг.

— Но у тебя есть шанс, — неожиданно смиростивился Клопен. — Если ты вступишь в ряды бродяг, мы отпустим тебя. Согласен?

— Да! — воодушевился поэт.

— Готов стать бродягой?

— Да!

— Клянешься?

— Да, хочу стать бродягой, только отпустите меня!

— Но сперва ты должен доказать, что можешь быть полезен. Попробуй, обшарь чучело.

На площадь выкатили бочку, на которой стояло нечто, отдалённо напоминающее огородное пугало. Его одежда была расшита множеством колокольчиков. К бочке, довольно высокой, прислонили широкую доску.

— Иди! — скомандовал Клопен. — Пройди по доске и вытащи кошелек из кармана чучела. Колокольчики не должны издать ни звука. Тогда ты станешь бродягой, и мы сможем тебя отпустить.

Поэт, дрожа от страха, прошёл по доске и забрался на бочку. Неловким движением он потянулся к кошельку. Но в этот момент его рука предательски дрогнула, и колокольчики подняли громкий трезвон.

Клопен был в ярости:

— Ты провалил задание! Ну так что, я ещё раз спрашиваю, каторга или казнь?

— Пощадите! — взмолился Гренгуар.

Клопен наморщил лоб, будто что-то припоминая.

— Ладно, даём тебе последний шанс. По нашему обычаю, если кого-то возьмёт в мужья жительница Двора чудес, он сам становится бродягой.

Поэт обречённо вздохнул — женщины, которых он здесь видел, были ничем не лучше мужчин. Но лучше уж так, чем в петлю головой!

— Я согласен.

Клопен взял в руки нечто вроде посоха, тоже с колокольчиками на конце, и громко зазвонил. На звон мгновенно сбежались бродяги.

— Дамы, кто хочет взять этого чужака в мужья? — спросил король.

Поэта окружила толпа женщин. Но все они довольно быстро уходили, недовольно качая головами. Кто-то находил его некрасивым, кто-то — слишком молодым, кто-то — слишком бедным.

В других обстоятельствах Пьер был бы этому даже рад. Эти неопрятные, одетые в лохмотья и даже не вполне трезвые девушки внушали ему только отвращение. Конечно, в теперешнем его положении он принял бы любую...

Но вдруг из этой отвратительной толпы вынырнуло прелестное создание и ободряюще взяло поэта за руку. Пьер сразу же узнал Эсмеральду. Но... что она делает среди этих оборванцев?

— Берёшь ли ты поэта в мужья? — снова спросил Клопен.

— Да, беру! — подтвердила Эсмеральда, и толпа нищих ответила восторженным рёвом.

Клопен протянул Эсмеральде большую глиняную кружку, а она передала её Гренгуару и шёпотом подсказала:

— Разбей!

Гренгуар бросил кружку на землю, и она разбилась на четыре крупных осколка. Клопен взобрался на свою бочку и положил руки на головы Пьера и Эсмеральды.

— Поэт Пьер Гренгуар, теперь ты наш брат! — торжественно провозгласил он. — Я объявляю вас мужем и женой на четыре года!

Радости Гренгуара не было предела. Он жив, да ещё и муж такой очаровательной девушки! Уже прикидывая в голове драматический сценарий по мотивам собственных приключений, поэт направился вслед за Эсмеральдой.

ГЛАВА 6 Знакомство

Вопреки опасениям Гренгуара, новоиспечённая жена привела его в довольно уютную каморку. Она была небольшой, но светлой и даже отапливалась большим очагом. Скромная обстановка — столик с парой маленьких табуреток, тюфяк и большой деревянный сундук — показалась уставшему поэту верхом изящества.

Эсмеральда, как всегда обворожительная, усадила его рядом с собой за стол. У ног девушки, словно составляя с ней единое целое, уселась Джали.

— Огромное спасибо, что спасли мне жизнь! — искренне поблагодарил цыганку поэт. — Теперь я в долгу перед вами за то, что меня не казнили и не заставили работать на этих бродяг.

— Я очень рада помочь, — улыбнулась девушка, но тут же посерьёзнела. — Но имейте в виду, что я не смогу быть вашей возлюбленной. Может быть, мы станем хорошими друзьями, но не более.

Поэт было приуныл, но вспомнив, что девушка как-никак спасла его, смирился. Ему всё равно нравилась компания этой красавицы, и он не хотел её терять.

— Как вас зовут? — спросила Эсмеральда. — Мы же ещё как следует не познакомились.

— Пьер Гренгуар, мадемуазель. Я очень известный поэт, — не упустил тот случая похвастаться.

— Поэт? — В зелёных глазах девушки зажглось любопытство. — Может, вы прочтёте что-нибудь? Пожалуйста!

Пьеру был очень приятен её интерес. Он встал, принял важную позу, облокотился о столик и начал читать. Это стихотворение, длинное и романтическое, он сочинил только вчера, глядя на очаровательную девушку.

— Твой облик красотой сияет, твой взгляд, как сто мечей, пронзает! Один лишь взгляд — и я сражён, огнём любовным обожжён!

Эсмеральда слушала, подперев кулачком щёку, а перед её глазами стоял капитан Феб — невероятно красивый, в сияющих доспехах, улыбающийся... И этот взгляд, от которого начинают пылать щёки!

Весь вечер она думала о нем, хотя и старалась не подавать виду. Он казался ей идеальным во всём: красивый, сильный, благородный! Она даже не подумала, что стихи Гренгуара посвящены ей.

Поэт закончил и посмотрел на неё выжидательно. Девушка зааплодировала и закружилась по комнате, радостно напевая последние строчки.

У Пьера наконец потеплело на душе. Перед ним была та девушка, о которой он мечтал долгие годы — добрая, весёлая, красивая, всегда его поддерживающая. И пусть она не захотела быть его любовью, может быть, ей понравится другая роль...

— Скажите, мадемуазель, если вы не смогли стать мне женой, можете ли вы быть моей музой?

— Ну, наверное, да! — улыбнулась девушка. — Знаете, мне очень понравились ваши стихи! Они напомнили мне одного человека, который... Наверное, это талант!

— Спасибо! Но многие меня ругают, — смущённо заметил Пьер. — Вот сегодня я ставил пьесу, и она никому не понравилась. Ни одной монетки не заплатили!

— У всех бывают ошибки, — утешила его Эсмеральда. — Не вините себя. Вот когда я была ещё маленькой девочкой, надо мной часто смеялись, говоря, что я никогда не смогу танцевать. Думаю, со временем и у вас всё получится!

— Как я надеюсь, что вы правы! — вздохнул Гренгуар. — Знаете, как нелегко быть поэтом? Впрочем, всё было бы не так уж плохо, если бы не провал моей пьесы. Во всем виноват этот проказник Жан Фролло! Он всё представление смеялся надо мной!

Про Клопена Пьер все же решил умолчать, опасаясь, что неуважение к здешнему королю обидит Эсмеральду.

— Но ведь вы могли просто прервать представление, — сказала цыганка.

— Что вы, что вы, как можно? Я обещал актёрам большой гонорар. Но, увы, ошибся... И вот теперь я у вас.

— Живите сколько хотите, — успокоила его девушка. — Вы же теперь часть Двора Чудес.

— О, вы очень добры!

После стихов настало время ужина. Эсмеральда накрыла на стол, и в уютной, почти домашней обстановке супруги разделили скромную трапезу из хлеба, яблок и похлёбки. Гренгуару, конечно, случилось отведать и более изысканные блюда, но сейчас он был голоден, и эта простая еда казалась ему самой вкусной. Время от времени Джали поднимала мордочку, и её тоже угощали хлебом.

— Какая у вас чудесная козочка! — заметил Пьер, отламывая кусочек для Джали. — Беленькая, чистенькая и такая умная вдобавок! Никогда раньше такой не видел.

— Она мне как сестра, — пояснила Эсмеральда и вдруг поинтересовалась: — Скажите, а что значит имя Феб?

Гренгуар погладил Джали по мягкой белой шёрстке.

— Это значит «солнце» на латыни. Так звали одного из богов. По-гречески его ещё называют Аполлоном.

— Богов? — удивилась Эсмеральда, и на губах её заиграла мечтательная улыбка. Больше девушка не проронила ни слова.

Пора было наконец ложиться спать. Эсмеральда легла на свой тюфяк, рядом, грея ей бок, пристроилась Джали. Поэту указали на сундук, и он, растянувшись на крышке, быстро заснул.

Эсмеральда проснулась ни свет ни заря. Пьер же ночью спал плохо, то и дело просыпаясь от кошмаров: то ему снился обидный смех уходящих зрителей, а то — угрозы Клопена и улюлюканье бродяг.

Цыганке пришлось разбудить его и заставить умыться — в каморке был ещё деревянный ушат с водой. На столе уже стоял нехитрый завтрак.

За едой супруги снова разговорились.

— Вот скажи, — спрашивал Пьер, откусывая яблоко, — как ты научилась танцевать? И... давай перейдем на ты, мы же друзья?

— Давай, — легко согласилась девушка. — Я и не помню, когда научилась, это было давно... Но я и теперь учусь. В каждом танце есть свой смысл, свое настроение, своя душа, и это нужно понять, пережить и показать людям. Так их жизнь станет чуточку светлее, а в моём бубне, — она звонко рассмеялась, — будет больше монет!

Поэт с замиранием сердца слушал эти рассуждения. В том, что говорила эта необразованная плясунья, было что-то настолько важное, что-то... Пожалуй, это могло пригодиться и ему в написании стихов.

Впрочем, цыганка не дала ему обдумать всё как следует:

— Доедай быстрее, нам нужно торопиться на площадь!

— Как на площадь? — встрепнулся поэт. — Что я буду там делать?

— Клопен всё равно не позволит тебе бездельничать, — сочувственно пояснила девушка. — Лучше пусть ты будешь работать со мной. Если не умеешь танцевать, можешь показывать фокусы — с Джали ведь ты уже подружился!

— Да-да, конечно, — со вздохом согласился Пьер и поспешил перевести разговор на другую тему: — Скажи, а почему ты вчера спрашивала про Феба?

Эсмеральда смутилась.

— Ну, понимаешь... Он спас меня. От какого-то страшного человека в плаще. Я обязана ему жизнью!

— Это Феб де Шатопер? — осенило Гренгуара. Он иногда встречал капитана и знал, какое впечатление тот производит на девушек.

Эсмеральда смутилась ещё больше, так что даже смуглые щёки покрылись румянцем, и замолчала.

Пьер сразу всё понял и загрустил. Он не дружил с капитаном, но всё же знал о нём достаточно, чтобы не пожелать такого кавалера своей подруге. Впрочем, Эсмеральда вряд ли была готова выслушать неприятную правду, а ему не хотелось омрачать их начинающуюся дружбу.

Быстро убрав со стола, Эсмеральда захватила бубен, ковёр, козочку и вышла из дому. Поэт, была не была, поплёлся за ней.

Площадь, как всегда, была полна людей. Эсмеральда, найдя в центре площади свободное местечко, расстелила ковёр и начала выступление. Гренгуар быстро убедился, что танцор из него совсем никудышный, и стал показывать фокусы с Джали.

Их рабочий день был в самом разгаре, когда на площади появился Клод Фролло. Обычно угрюмый, сегодня он был совсем мрачен. Зеваки, криками и аплодисментами выражавшие

одобрение Эсмеральде и смеявшиеся над выходками Джали, при виде фигуры в чёрной сутане стали замолкать, а некоторые и вовсе поспешили уйти с площади. Парижане и так избегали иметь дело с архидьяконом Фролло, а уж если он в таком настроении, то ему лучше даже не попадаться на глаза.

Сегодня Фролло, против обыкновения, не кричал и не сыпал обвинениями в адрес Эсмеральды, но метнул на пляшущую девушку взгляд, полный такой неистовой ярости, что даже она, привыкшая отстраняться от происходящего вокруг на время представления, испуганно вздрогнула.

Гренгуар похолодел от страха при мысли, что учитель его заметит и, не дай бог, догадается о его связи с цыганкой. «Если он узнает, мне больше никогда не разрешат ставить пьесы во Дворце Правосудия!» — с ужасом подумал поэт. Действительно, как бы ни была скромна его поэтическая карьера, без покровительства (пусть и не всегда охотного) архидьякона Фролло дела у Пьера шли бы куда хуже.

К счастью, Гренгуар выступал на площади довольно далеко от Эсмеральды, поэтому архидьякон его даже не заметил. Когда фигура в сутане оказалась к нему спиной, Пьер вздохнул с облегчением и даже позволил себе пофантазировать на тему, что так рассердило его учителя — ведь, насколько он помнил, Фролло обычно старался быть сдержанным и не проявлять своих эмоций. Почему же сегодня он — просто воплощение недовольства? «Не иначе как Его Величество изволит гневаться, — размышлял Пьер. — Вряд ли что-то другое могло настолько вывести его из себя... Или всему виной арест Квазимодо? Ну конечно! — Поэт даже рассмеялся, довольный своей догадкой. — Собор остался без звонаря, и кому же, как не архидьякону, искать горбуну замену! Клянусь моей будущей мистерией, хотел бы я посмотреть на тех бедолаг, которым пришлось нынче утром сдвигать с места Гросс Мари!»

И всё же Гренгуар окончательно успокоился только тогда, когда Фролло покинул площадь и затерялся в толпе. Пьер покосился на свою подругу и с облегчением увидел, что Эсмеральда тоже вернулась к танцам. Теперь, когда опасность разоблачения миновала, он и сам готов был пуститься в пляс. Кажется, вчерашние приключения научили поэта ценить простые радости, и теперь он просто был счастлив, что над Парижем светит солнце, у него есть такая замечательная подруга и совсем скоро, когда народ разойдётся, они пойдут куда-нибудь перекусить.

ГЛАВА 7 История Клода Фролло

Клод Фролло родился в дворянской семье. Он рос очень тихим и послушным ребёнком. Его родителям очень хотелось, чтобы он стал священником, и маленький Клод покорно следовал их желаниям. Впрочем, подобная перспектива привлекала и его самого, и он целыми днями с удовольствием читал церковные книги.

Когда Клод подрос, его определили в колледж Торши. Умный и старательный, он очень преуспел в учении и без особого труда поступил в университет, а позднее и получил звание доктора наук.

Увы, полоса счастья и благополучия оборвалась неожиданно и трагически. Страшная чума, разразившаяся в Париже летом 1466 года, не пощадила и родителей Клода. Юный школяр, сам ещё не устроившийся в жизни, оказался единственным опекуном маленького брата. Единственное, что он мог сделать для малыша Жеана — отдать его на попечение почтенной семье мельника и навещать время от времени.

С тех пор Церковь, единственная Клодова опора, стала делом всей его жизни. Ещё довольно молодым он получил весьма почётную должность — стал архидьяконом Собора Парижской Богоматери. Кроме того, он увлекался науками: не только, как и положено священнику, хорошо знал теологию, но также разбирался в юриспруденции и медицине. К нему порой обращались за врачебной помощью, и, несмотря на нелюдимый характер, Клод ни разу никому не отказал.

Но если свои жизнь и карьеру Клод мог считать вполне благополучными и успешными, то подрастающий Жеан доставлял старшему брату сплошные огорчения. Мальчишка рос хотя и обаятельным, но довольно хулиганистым. Став юношей, он, к ужасу благонаправного Клода, быстро пристрастился к вину и гулянкам, не вникая ни в увещевания, ни угрозы. Иногда архидьякону и вовсе казалось, что брат видит в нём лишь ходячий кошель с монетами.

Имя Жеана Мельника — как прозвали выросшего на мельнице мальчишку — по-прежнему куда чаще звучало в самых знатных кварталах Парижа, чем в стенах колледжа Торши, куда брат определил его для получения образования. Единственное, чем мог утешать себя Клод — доброе дело, совершённое им много лет назад, должно было искупить все грехи юного недотёпы.

В Фомино Воскресенье, первое после Пасхи, в Собор Парижской Богоматери вошла старушка со свёртком в руках. Не произнеся ни слова, она положила его в деревянный ящик — ясли для подкидышей — и незаметно исчезла.

Когда монахи и священники заглянули в ясли, то вздрогнули от ужаса: то, что там лежало, с трудом можно было принять за младенца. Это существо с кривым лицом, словно искажённым злобной гримасой, и огромным горбом скорее напоминало, по выражению одного из монахов, «отродье самого дьявола». Нечего было и думать, что кто-нибудь возьмёт такого подкидыша. Каково же было всеобщее удивление, когда молодой священник Клод Фролло решил приютить младенца. Не зная о том, что тот думает лишь о искуплении грехов младшего брата, одни считали его чернокнижником, а другие — почти святым.

Клод назвал воспитанника Квазимодо, в честь латинского названия Фомина Воскресенья. Это название произошло от первых двух слов молитвы, которую обычно читали в этот день.

Когда мальчик подрос, Фролло обучил его читать, писать и считать. За пределы собора Квазимодо выходил редко, встречая там лишь насмешки горожан, а то и оскорбления. Единственным его развлечением было кормить птиц, которые гнездились на колокольне. Впрочем, не зная в жизни никого и ничего, кроме собора, Квазимодо доволен своей участью и, пожалуй, даже счастлив. Разумеется, он был бесконечно предан своему приёмному отцу и слушался его во всём.

Четырнадцатилетие стало для Квазимодо переломным временем — он получил должность соборного звонаря. Эта работа стала для него не просто единственным занятием, а его счастьем, смыслом его довольно безрадостной жизни. Он очень трепетно относился к колоколам, давал им имена и беседовал с ними, дружелюбными и никогда не обижавшими его друзьями. Колокольный звон стал для Квазимодо самой сладостной музыкой, и в это занятие он вкладывал всю свою душу. С этих пор колокола собора стали парижской достопримечательностью, хотя ограниченные горожане и предположить не могли, что причиной этому был презираемый ими уродливый горбун.

А между тем его приёмный отец Клод Фролло увлёкся алхимией и стал искать путь получения золота и серебра из неблагородных металлов: железа, свинца и других. За ним окончательно закрепилась слава колдуна и чернокнижника. По природе необщительный, он стал совсем нелюдимым, часто запирался в своей келье и редко общался с другими служителями собора.

Но вся налаженная жизнь Клода внезапно рухнула, когда осенью, за полгода до Праздника шутов, он увидел на площади прекрасную цыганку. Танец, который она исполняла, просто заворожил священника, пробудив неведомые доселе мысли и желания. А когда красавица запела, её голос показался ему похожим на пение соловья. Не зная других эпитетов, Клод сравнивал девушку с ангелом, хотя её вид внушал ему отнюдь не благочестивые мысли.

Тот день разделил жизнь Клода Фролло на «до» и «после». Никогда раньше не любивший женщину, он вспылал к цыганке безумной, безудержной страстью.

Фролло пытался бороться. Всю жизнь свято соблюдавший celibat и презиравший тех священников, которые не смогли устоять перед плотским искушением, он просто не мог позволить себе дать волю чувствам. Он старался отвлекать себя молитвами, постом, чтением церковных книг. Но стоило зазвучать на площади звукам бубна, он моментально бросал все свои дела и, словно околдованный, наблюдал за Эсмеральдой из окна собора.

Запретное чувство со временем только нарастало, сдерживать себя становилось всё труднее. Образ танцующей Эсмеральды всё чаще возникал перед ним, не отпуская даже во сне. Архидьякон стал нервным и раздражительным, а по собору поползли слухи, что Фролло окончательно продал душу дьяволу. Никто из тех, кто знал его хоть немного, даже предположить не мог, что причиной мучений архидьякона была женщина.

В голове отчаявшегося священника стал постепенно вызревать план: похитить девушку, запереть в соборе, а дальше... Он боялся подумать, что будет делать дальше, и пока сосредоточился только на похищении.

Для осуществления этого плана ему нужен был Квазимодо. Увы, звонарь, несмотря на преданность Клоду и зависимость от него, имел строгие моральные принципы, внушённые ему учителем в более спокойные времена. Впрочем, после Праздника шутов, когда Квазимодо был растерян и чувствовал себя виноватым перед приёмным отцом, последнему удалось, казалось, заручиться его поддержкой.

Кто же знал, что простодушный с виду горбун вынашивает собственный план! Благодарность к девушке за то, что она пыталась за него вступить, оказалась гораздо глубже и горячее, чем мог бы подумать Фролло. Узнав о планах Клода, звонарь, хоть и согласился для виду ему содействовать, твёрдо решил спасти её.

Гнева приемного отца он не боялся. Это был первый раз, когда Квазимодо решился его послушаться, и это, конечно, его расстраивало. Но полный ужаса крик Эсмеральды, схваченной похитителем, причинял ему куда большие муки, чем любое наказание, которое мог бы придумать разгневанный Фролло.

Но планы Квазимодо рухнули так же, как и планы его учителя. Спасителем Эсмеральды оказался капитан королевских стрелков. Квазимодо заметил, как смотрела девушка на красивого офицера — её чувства были понятны даже такому неопытному существу, как всю жизнь запертый в соборе звонарь. Самоотверженный поступок Квазимодо остался незамеченным, более того, его, приняв за похитителя, арестовали. Клод же скрылся и сумел выйти сухим из воды.

Но в чистой душе Квазимодо не было места обиде ни на приёмного отца, ни на цыганскую красавицу. Он знал, чем отличается от других людей, и не рассчитывал на её любовь. Разве это возможно: такая юная и прелестная девушка — и уродливый горбун! Единственное, о чём он молился в темнице — чтобы Эсмеральда была счастлива.

ГЛАВА 8 Жеан и Феб

Вчерашний рабочий день Гренгуара и Эсмеральды прошёл просто замечательно. Вопреки ожиданиям поэта, в выступлениях на площади не было ничего страшного или унижительного, а смех публики, которую забавляли проделки Джали, приятно льстил его самолюбию — как любая творческая натура, он, конечно, был чувствителен к зрительскому отклику. Когда их с козочкой осыпали градом монет, Пьера даже посетила крамольная мысль, что показывать фокусы, пожалуй, приятнее, чем играть для неблагодарной публики мистерии.

Хотя целый день выступлений его всё же вымотал, и ночью Гренгуар спал очень хорошо, несмотря на неудобный сундук.

Следующий день начался ничуть не хуже. Они с Эсмеральдой встали пораньше и болтали за завтраком. Девушка интересовалась, понравилось ли её новому другу выступать на площади — какая же она всё-таки милая! Пьер смутился поначалу, но потом признался:

— Знаешь, это было очень интересно. Я даже не думал, что подобное... ну, народное искусство может приносить такое удовольствие. — Он испугался, что девушка обидится, и поспешил сделать ей комплимент: — А ты и впрямь замечательно танцуешь! Я даже жалею, что не видел тебя раньше, хотя приходилось слышать про какую-то цыганскую плясунью... Кстати, почему тебя так называли?

— За изумрудные глаза, — смеясь, пояснила девушка. — Клопен говорит, что по-испански это значит «изумруд». Он совсем не жестокий, хотя чужаки считают его таким. Но всегда, когда мне было грустно, он напоминал мне, что я ношу имя драгоценного камня, а значит, должна сверкать! — Она задумалась. — Я тебе уже как-то рассказывала, что моё детство было не очень счастливым. Я рано потеряла родителей и жила во Дворе чудес на попечении у одной старой цыганки. Она была не злая и старалась заботиться обо мне, но мать, конечно, не заменила. Однако я выучилась танцевать и теперь могу сама зарабатывать себе на жизнь.

— А от меня пока одни убытки... — пригорюнился поэт. — Но, кажется, у меня появилась идея, как заработать больше! Фокусов с Джали недостаточно, чтобы надолго удержать публику, но я мог бы стать шутом. Например, жонглировать и читать короткие забавные стишки. А хочешь, я напишу тебе несколько новых песен? Их будешь исполнять только ты!

Девушка радостно подпрыгнула:

— Пьер, ты чудо! Уверена, что ты напишешь замечательные песни! Мне и самой не нравится петь на языке, которого я не знаю... Но ты точно сможешь выступить?

— Джали мне в этом поможет, — успокоил её поэт. — Вот только мне не хватает костюма...

— Я спрошу у Клопена, — пообещала Эсмеральда. — Может, он что-нибудь придумает. Это только кажется, что здесь все ходят в лохмотьях, на самом деле в тайниках бродяг есть много интересного.

Пока поэт заканчивал завтракать, девушка убежала и вернулась с разноцветным костюмом, который сумел раздобыть Клопен. Костюм оказался довольно старым, но вполне подходящим для их целей — шляпа с бубенчиками, разноцветная рубашка и трико. Остаток утра цыганка потратила на то, чтобы зашить многочисленные прорехи, зато Гренгуар, одевшись, остался доволен.

— Большое спасибо! — искренне поблагодарил он девушку. Та радостно кивнула и тоже ушла переодеваться.

Через четверть часа супруги-друзья готовы были отправиться на площадь.

А у Жеана были большие проблемы. За неуспеваемость его отчисли из колледжа Торши, но он не решался сказать об этом брату. Однако, приходя за деньгами, якобы на учёбу, всё время боялся нарваться на гневную отповедь. Жеан отнюдь не был глупцом и понимал, что это ему уж точно не сойдёт с рук.

Сегодня он в очередной раз, скрывая предательскую дрожь в коленках, направлялся к собору Богоматери. Что поделаешь, если уже в самых низкопробных кабачках перестали наливать ему в долг, а красотки с улицы Глатиньи даже за красивые глаза не соглашались пустить переночевать! Настроение у Жеана, конечно, в предвкушении беседы с братом было хуже некуда, и даже сияющее утро не способно было рассеять его хандру. Наоборот, школяру казалось, что даже солнце насмехается над ним.

Как ни старался Жеан идти помедленнее, оттягивая неприятный разговор, но собор становился всё ближе, на что указывал становившийся всё громче и громче утренний звон колоколов. Погружённый в свои мысли, юноша не сразу заметил, что здесь не так. А когда прислушался, ему показалось, что звон изменился. Он был... не таким чистым, не таким светлым и радостным. Колокола гремели, но души в их перезвоне больше не было.

«Однако горбун отлынивает!» — подумал Жеан, и эта мысль его немного развеселила. Он не мог знать, что Квазимодо арестовали.

Но буквально через несколько минут юнцу стало не до смеха. Жеан стоял перед дверью в келью архидьякона и никак не мог заставить себя решиться. Наконец он набрался смелости и, выругавшись для храбрости, громко постучал в дверь.

— Братец Клод, открой, это я!

Но никто не отзывался. Он постучал ещё раз, другой, третий... Всё без толку.

На четвертый раз дверь открылась, и на пороге появился Клод. Даже Жеан, привыкший к угрюмому виду брата, заметил злобное выражение его лица.

— Что тебе от меня нужно? — раздражённо спросил архидьякон. — Ты же никогда не приходишь ко мне просто так. Ты ценишь не брата, а только его кошелек. Тебе опять нужны деньги, негодный сорванец?

— Дорогой братец, — заюлил юный повеса, — мне в самом деле нужно немного денег на учебу. Совсем немного, братец Клод! Ты же знаешь, я нигде не работаю, всё время на лекциях...

— Ты плут! — возмутился Клод. — Мне прекрасно известно, как ты посещаешь лекции. Или, быть может, ты за последние месяцы стал таким старательным? Пока я занят, но, как только немного освобожусь, непременно навещу ректора колледжа Торши...

Жеан похолодел. Если Клод действительно так сделает, ему несдобровать! Нет-нет, надо срочно отвлечь брата.

— Очень прошу, помоги мне! — взмолился он, состроив трогательную мордашку.

Старший Фролло, несмотря ни на что, любил Жеана, и хитрец прекрасно умел играть на этом чувстве. Вот и теперь Клод, хоть и сохранял внешнюю суровость, сжалился над ним:

— Хорошо, я дам тебе немного денег, но больше ко мне не приходи только за этим. Заходи по делу.

— Но я и так по делу, — резонно возразил Жеан. — Ты же поможешь, да?

С горьким вздохом Клод отошёл в глубь кельи и, взяв с письменного стола небольшой кошелек, передал его брату. Жеан с удовлетворением заметил, что кошелек, несмотря на скромные размеры, вполне увесистый. Но его больше заинтересовало другое — когда Клод отошёл, брат успел заметить, что келья, всегда идеально убранная, теперь выглядит совершенно запущенной.

— Почему у тебя такой беспорядок? — поинтересовался Жеан, пряча кошелек в карман.

Но Клод не удостоил его ответом и постарался побыстрее выпроводить за дверь. Когда он подошёл поближе, чтобы перекрестить брата на прощание, Жеан заметил синяки у него под глазами, но спрашивать, откуда они, не стал. «Наверняка ночами не спит из-за молебнов!» — решил он. Мальчишка и не догадывался, что верно угадал причину состояния брата, вот только молебны были совершенно ни при чём.

Впрочем, Жеан вовсе не собирался забивать себе голову проблемами брата и, весело насвистывая какую-то непристойную песенку, направился к выходу. Он был очень доволен, что получил деньги от Клода и сумел скрыть от него своё отчисление, и теперь намеревался это хорошенько отметить.

У Гренгуара дела шли просто отлично. В новом шутовском костюме он не только показывал фокусы с Джали, а ещё и жонглировал и рассказывал коротенькие забавные стишки, которые сочинял тут же. И даже кувырчался на деревянных чурбачках, хотя Эсмеральда предупредила его, что без подготовки это делать опасно.

У Эсмеральды тоже всё было хорошо. Сегодня она попробовала танцевать босиком — у неё была очень изящная ножка, и она имела все основания рассчитывать, что такое необычное зрелище привлечёт толпу. К тому же, к радости самой девушки, оказалось, что танцевать без обуви гораздо удобнее — она легко парила на цыпочках, подпрыгивала, пружинила, и выглядело это просто потрясающе. Цыганка решила, что будет и впредь так выступать, но нечасто — ноги всё же болели.

Обходя с бубном восторженных зрителей, девушка заметила чулочника Жака Копеноля и моментально припомнила, где видела его раньше — в процессии Папы шутов.

— Ах, это вы? — насмешливо спросила она, останавливаясь напротив него. — Может быть, расскажете, для чего вы тогда выставили бедного Квазимодо на всеобщее посмеище?

— Но я просто хотел повеселить народ!

— Конечно, издеваться над беззащитными — это очень весело! Вы могли придумать другой способ.

Жак смутился и замолчал. Его впервые стыдила девушка, да ещё такая красивая.

Однако народ Эсмеральду не поддержал — напротив, у многих слова девушки вызвали смех. Некоторые, услышав, что она осуждает их развлечения, даже ушли не заплатив.

Это могло бы перерасти в настоящую травлю, но тут Гренгуар весьма кстати упал во время исполнения трюка. Эсмеральда тут же подбежала к нему:

— С тобой все в порядке?

— К-кажется, да... — пробормотал Пьер, осторожно приподнимаясь с её помощью. — Большое спасибо, дорогая.

Вокруг происшествия тут же собралась толпа любопытных, к которым примкнул уже пребывавший в прекрасном настроении Жеан.

— Гренгуар — поэт великий, всех богов опишет лики! — насмехался юноша. — Что ты тут делаешь, сочинитель мистерий? Никак решил в бродячие шуты податься, раз с высоким искусством не заладилось?

Гренгуар не то от стыда, не то от злости стал таким же красным, как его костюм. Но на помощь другу тут же пришла всё ещё взвинченная после стычки с чулочником Эсмеральда.

— Он делает, как может! — заявила она, решительно вклинившись между школяром и поэтом. — У каждого есть призвание. И если его талант — сочинять стихи и смешить людей, то что в этом плохого? Если его пьеса один раз не удалась, то это не значит, что он плохой поэт. Может быть, вы сами, — тонкий изящный пальчик негодуя упёрся в грудь Жеана, — поставили уже десяток мистерий? А если нет, как вы смеете его судить?

Мальчишка поспешно отступил от указующего перста цыганки («Ох, и острые же у неё ногти!») и тут же обрушил на неё всю свою язвительность:

— А почему ты, красавица, так яростно вступаешься за этого шута? Э, да не любовники ли вы часом?! — Он рассмеялся, в восторге от пришедшей ему в голову мысли. — Надо же, у принца парижских улиц проявилась принцесса! Как трогательно!

— Не судите всех по себе, — сухо заметила цыганка. Гренгуар за её спиной только возмущённо пискнул.

— И почему ты босая? — продолжал допытываться Жеан. — Фу, как не стыдно! Конечно, ни одна благонравная француженка не стала бы разгуливать в таком виде, на это способна только, как выражается мой братец, «египетская саранча»!

Эсмеральда промолчала и отвернулась от него.

Впрочем, школяр не стал задерживаться на площади — он слишком спешил в кабак. Кошель, выданный братом, приятно позвякивал в кармане, и Жеан уже предвкушал, какими интересными способами может его облегчить.

На входе в свой любимый кабак «Яблоко Евы» Жеан столкнулся с капитаном Фебом. Это была довольно приятная встреча — они часто выпивали вместе и поэтому считались приятелями. Впрочем, это действительно было так — большую часть времени эти молодые люди проводили именно в подобных заведениях, так что у них были общие интересы.

У капитана, как всегда, в карманах было пусто, поэтому всю выпивку и закуску оплатил деньгами Клода Жеан — естественно, не переставая подшучивать над приятелем по этому поводу.

Застольный разговор, как обычно, быстро свернул на обсуждение женщин.

— Представляешь, — говорил школяр, разливая по стаканам дешёвое вино, — я сегодня видел на Гревской площади цыганку, которая почему-то стала танцевать босиком. Вот же чудачество! Хотя ножки у неё и вправду хороши...

— А, я тоже её видел! Между прочим, мы знакомы, — не упустил случая похвалиться Феб. — Её вроде Симиляр зовут... или нет... в общем, имя какое-то басурманское!

— Боюсь, дружище, ты опоздал! — ехидно заметил Жеан. — С ней был один мой знакомый шут, — ну, помнишь, тот поэт, чья пьеса на недавнем празднике провалилась? — над которым она трясётся, как наседка над цыплёнком. Сам посуди, стала бы она так делать, если только он не её любовник?

— Подумаешь, я не ревнив, — отмахнулся уже изрядно захмелевший капитан. — Видел бы ты, какими влюблёнными глазами она на меня смотрела! Ну а если с шутком, так с шутком. У меня ещё много знакомых девушек.

— Твоё дело. Но она вроде хорошенькая такая... Хотя как я мог забыть, ты же женишься! — Жеан театрально хлопнул себя по лбу, опрокинув стакан, а капитан поморщился:

— Не напоминай.

— Надо же, дружище, совсем скоро ты станешь примерным мужем и отцом кучи ребятишек! — продолжал ёрничать школяр. — Наверное, ты уже в предвкушении? Каждый день проводишь у ног своей невесты, как её там?..

— Флёр-де-Лис. На самом деле я стараюсь заходить к ней пореже, хотя старуха-мать меня за это бранит. Но как подумаю, что нужно сидеть и битый час любоваться на её вышивание, то, пуп

Вельзевула, удавиться хочется! И ругаться тоже нельзя, так что сиди молчком... Нет, она прехорошенькая малютка, но такая благонравная и скучная, что сил никаких нет.

— Тогда зачем тебе такая жена?

— У неё нет братьев, так что отец оставил ей неплохое состояние, — разоткровенничался уже совсем пьяный Феб. — Жеан, дружище, клянусь брюхом Папы, после моей свадьбы уже я буду оплачивать наше вино!

— Говоришь, она красивая? — поинтересовался чуть более трезвый Жеан.

— В общем-то да. Хотя Симиляр тоже красивая. Даже слишком...

— Но ведь надо выбрать кого-то одного, Феб.

— Я ещё не решил. Но, пожалуй, всё же Флёр. Красивые-то обе, но деньги есть только у одной...

Жеан разлил остатки вина и провозгласил тост:

— За красивых девушек и их приданое!

На этом беседа прервалась, ибо после этой крайней порции приятелям отказались повиноваться не только языки, но и все прочие части тела. Через полчаса Феб уже мирно похрапывал, положив голову на тарелку с сыром. А Жеан, сожалея, что он не капитан и у него нет подчинённых, которые могли бы отволочь его домой, всё-таки встал и пошёл к выходу.

ГЛАВА 9 Потешный суд

Рабочие будни Гренгуара и Эсмеральды текли интересно и радостно. Поэта не покидало вдохновение, хотя и не совсем обычного для него толка: он, очень сдружившийся с Джали, каждый день придумывал новые фокусы, которые они могли бы показать вместе. Умная козочка уже умела приносить палку, подавать передние копытца, брать невысокие барьеры и важно прогуливаться на задних ногах. Последний номер, когда Джали брала в зубы шляпу Гренгуара и вместе с ним обходила зрителей, пользовался особым успехом — рогатой фокуснице никогда не отказывали в плате.

Будь у Эсмеральды другой характер, она могла бы даже приревновать свою любимицу к мужу. Но добрая девушка только радовалась успехам обоих своих друзей, тем более что их забавы улучшали материальное положение странной семейки. Да и мысли самой цыганки в последнее время были заняты одним офицером...

Фантазия Гренгуара не иссякала. Однажды за завтраком он сказал Эсмеральде:

— У меня появилась замечательная идея! — Девушка, уже привыкшая слышать это каждое утро, постаралась заинтересованно улыбнуться. — Давай сделаем таблички с буквами и научим Джали составлять из них слова?

Такое необычное предложение действительно понравилось Эсмеральде, но этим утром на воплощение гениального плана времени уже не было. Пьер успел только повторить с Джали несколько выученных недавно фокусов, и пришло время отправляться на площадь — выступать лучше всего при свете дня, тем более что он зимой короток.

Зато вечером в маленькой хижине закипела работа. Гренгуар, как и любой поэт, не очень хорошо умеющий делать что-то руками, в конце концов сумел выпилить двадцать шесть более или менее одинаковых дощечек. За это время Эсмеральда раздобыла у товарищей по Двору Чудес чёрную краску и кисточку, и утомлённый Пьер с удовольствием взялся за более привычное ему дело — писать буквы. Сама цыганка, к его немалому удивлению, тоже была грамотна, но вот каллиграфией, в отличие от образованного поэта, не владела.

Пока Пьер увлечённо выписывал на дощечках весь французский алфавит, девушка догадалась сшить из старого платья небольшой мешочек, в котором его можно было хранить. Поэт в очередной раз умилился, когда увидел результат её трудов — сам бы он до такой важной детали не додумался! Всётаки иногда женщины бывают сообразительнее мужчин.

После этого можно было приступать к самой увлекательной части его плана. Эсмеральда составила из букв собственное имя и показала его козе. Джали только заблела и стукнула копытом.

— Может, сначала моё? Оно короче, — предложил Гренгуар.

Девушка согласилась. Они несколько раз перемешивали буквы и составляли из них слово «Пьер». Джали следила за их действиями с внимательным выражением на мордочке, быстро поняла, как двигать дощечки, но сложить нужное слово самостоятельно у неё пока не получалось.

— Наверное, мы что-то не так делаем, — вздохнул поэт, когда Джали в очередной раз собрала из букв какую-то абракадабру.

— Ничего, это не так просто, — утешила его цыганка. — Я её считать и отстукивать время очень долго учила. Месяца два, если не больше.

— Это же так долго! — расстроился Гренгуар. Впрочем, у него про запас была ещё парочка менее трудновоплотимых идей.

Теперь каждый вечер они с Эсмеральдой учили Джали составлять слова, и у неё даже начинало получаться. Хотя показывать этот фокус было ещё слишком рано, девушка всё же повесила мешочек с буквами на шею своей любимице — то ли в качестве приманки для зрителей, то ли ей просто нравилось, как выглядит Джали с таким «ожерельем».

Но пока и без новых фокусов всё шло замечательно. Посмотреть на красавицу-плясунью и забавного шута с козой приходило всё так же много зрителей. Противный чулочник на площади больше не появлялся — видимо, его всё же задело осуждение Эсмеральды. Иногда по дороге в очередной кабак на площадь заглядывал Жеан — несмотря на то, что почти каждый день он приятно проводил время за бутылкой вина то с Фебом, то ещё с кем-нибудь из своих приятелей, денег в его кошеле оставалось ещё довольно много, поэтому он был спокоен, доволен и не придирался к окружающим. Тем более что Эсмеральда в последние дни танцевала в обуви, а Пьер был осторожен и больше не падал, так что они не давали повода для насмешек.

Очередной рабочий день не предвещал никаких неожиданностей. Эсмеральда танцевала и пела, Пьер и Джали потешали публику. Зрителей, как всегда, было много, и платили они щедро. В толпе мелькала белокурая макушка Жеана — ему надоели кабаки, и он пользовался хорошей погодой, чтобы погулять на свежем воздухе и полюбоваться на красивую цыганку. Школяр неожиданно обнаружил, что танцы девушки ему нравятся, и как-то даже кинул ей мелкую монетку, стараясь, впрочем, чтобы она его не заметила.

Внезапно выступление плясуньи прервал грохот шагов. Обернувшись, зрители увидели, как двое рослых солдат ведут под руки связанного Квазимодо.

— Да это же звонарь! — изумился Жеан.

— Наш недавний Папа шутов, — заметил чей-то голос.

— Точно, он! — отвечал ему другой. — Интересно, за что его связали? Он хоть и урод, но за это не арестовывают.

— Наверно, стукнул кого-нибудь, — предположил третий. — Глядите, какой верзила — от такого чего угодно можно ожидать!

В первые ряды любопытных осторожно пробралась Эсмеральда. При виде связанного звонаря её глаза наполнились слезами. Она вдруг вспомнила, как этот некрасивый, но добрый человек спасал её от страшной фигуры в плаще — а она, неблагодарная, увлечшись Фебом, совершенно забыла о нём! Увы, сейчас при всём желании она была бессильна ему помочь.

В это время раздался звон колоколов собора.

— А кто же это звонит? — удивился Жеан. — Звонарь-то наш здесь.

В это время горбун, увидев цыганку, чуть заметно улыбнулся.

— Эсмеральда... — вырвалось у него. Он заметил слёзы, текущие по щекам девушки, и, хотя ему было приятно её сочувствие, он не хотел, чтобы она плакала из-за него. Но не успел он сказать ей хотя бы слово утешения, один из солдат грубо ткнул его в спину.

— Молчать! Пошевеливайся, урод!

— Надо же, наш горбатый Аполлон пленился цыганской принцессой! — рассмеялся Жеан, но тихо, не желая, чтобы красавица застыдила его так же, как незадачливого Жака.

Сама цыганка, к его разочарованию, куда-то пропала — видимо, печальное зрелище на время отбило у неё охоту танцевать. Жеан наматывал круги по площади и скучал. Идти в кабак было ещё рано — он решил попытаться быть экономным и помедленнее расходовать деньги Клода, ибо у него не было уверенности, что брат захочет давать ему ещё.

Послonyaвшись по площади, Жеан наткнулся на нескольких бывших товарищей из колледжа Торши, которые направлялись к Дворцу Правосудия. Он них бывший школяр узнал, что сегодня должны судить Квазимодо, над которым жестокие мальчишки собирались вдоволь потешиться. Жеан за неимением лучшего решил присоединиться к ним — всё равно на площади стало чертовски скучно!

Зал суда был довольно просторным: он вмещал столы для секретаря, который уже был на месте и что-то строчил, и прочих судейских чиновников, кресло судьи, скамью для осуждённого, и ещё оставалось достаточно места для публики.

Судейское кресло уже занял величественный старик в шапке, отделанной белым барашком. Жеану тут же сообщили, что это и есть судья Флориан Барбедьен.

Несмотря на шум, который подняли зрители и в особенности школяры, он казался погружённым в дремоту. Все знали, что старик почти глух, хотя и старается не показывать этого. Ему совершенно не хотелось, чтобы за его спиной шептались, что Барбедьен уже стар и ему пора искать замену. Если бы он знал, сколько насмешек обрушивается на него за спиной! Но та же глухота хранила его от подобного потрясения.

Когда компания школяров, расталкивая всех локтями и непрестанно ругаясь, пробилась в первые ряды, солдаты уже посадили Квазимодо на скамью.

— Глядите-ка, мэтры и мессеры, — вещал Жеан, пользовавшийся особыми привилегиями как знакомый обвиняемого, — это наш гримасник, наш чудачок, Папочка шутов!

— Чей папочка? — переспросил рассеянный школяр Жоффруа.

— Ну, Папочка шутов. Он как Папа римский. Только для шутов. Все скоморохи мира подчиняются ему. Мы его собственноручно избрали!

В зале раздался смех. Жоффруа сперва озадаченно промолчал, а потом тоже засмеялся.

— Тишина в зале суда! — закричал секретарь.

Суд начался. Судья, просмотрев дело обвиняемого, приступил к допросу:

— Как вас зовут?

— Квазимодо, — ответил горбун.

Секретарь записал его ответ. А Барбедьен вдруг покраснел как рак.

— Ты сказал, что я похож на уроды? — грозно спросил он.

Горбун испуганно замотал головой, и судья, немного успокоившись, продолжил допрос.

— Ваше занятие?

— Звонарь!

У старика-судьи волосы встали дыбом.

— Что? Какой я тебе пономарь?

— Звонарь собора Богоматери, — повторил Квазимодо.

Судья вышел из себя:

— Ты сказал: «Иди к чёртовой матери?» Ты хоть знаешь, с кем говоришь?!

Секретарь прилежно записывал нелепый диалог.

Барбедьен, к этому моменту уже больше напоминавший варёную свёклу, чем вершителя правосудия, постарался принять внушительный вид, соответствующий такому важному моменту, как обвинение.

— Вы обвиняетесь в нарушении общественного порядка и попытке похищения девушки. Что вы можете сказать в своё оправдание?

— Я не похищал цыганку. Я хотел её спасти.

— Что-что? Лицо девушки было как поганка? — переспросил судья. — Значит, вы и девушку оскорбляете?

В толпе зрителей послышался смех.

— Ну и суд! — возмутился Жеан. — Такому судье надо сажать цветочки в собственном особняке, а не людей приговаривать!

Секретарь долго скрипел пером и наконец поставил точку. Все замечания судьи были тоже записаны.

Под конец с опозданием в зал вошел прево Робер д'Эстувиль. На заседание он прибыл в крайне скверном расположении духа. Его должность всегда была связана со множеством хлопот, но сегодня прево просто вывели из себя! Ему казалось, что чуть ли не каждый парижанин решил в это утро обратиться к нему с какой-либо просьбой или напомнить о старой. Как будто он колдун и может по щелчку пальцев решить любое дело! Устав объяснять, что любые судебные дела требуют времени, право в конце концов просто сбежал во Дворец Правосудия, но всё равно опоздал. А опаздывать он крайне не любил, поэтому теперь готов был сорваться на любого, и в первую очередь — на подсудимого. Если бы этот уродец вёл себя смирно, ему не пришлось бы сегодня опоздать!

— Этот негодяй надо мною потешается, — пожаловался судья, как только право занял своё место. — А ещё он потерпевшую назвал поганкой! Издевается над судом!

— Ужесточить наказание! — припечатал обозлённый д'Эстувиль.

— Приговариваю его к пяти часам у позорного столба! — провозгласил судья, а секретарь послушно записал.

— Нет, — возразил прево, — этого мало. Ещё пять ударов плетью! И добавить час!

Старик Барбедьен сделал вид, что всё услышал. Секретарь записал окончательный приговор. Квазимодо увели.

— Очень потешный был суд, — тихо фыркнул Жеан, обращаясь к школяру Жоффруа.

— Так ему и надо! — заметил другой школяр.

Суд был окончен. Однако после увиденного даже на душе у Жеана было беспокойно. Как знать, вдруг однажды и ему придётся предстать перед таким вот «вершителем правосудия»? Прогоняя внезапную хандру, он тряхнул кудрями и крикнул:

— Друзья, я приглашаю вас выпить со мной! После такого зрелища, чёрт возьми, мне необходимо пропустить стаканчик вина, а лучше не один!

Школяры, разумеется, отказываться не стали. Вскоре хохочущая толпа пересекла площадь и направилась к всегда гостеприимному кабачку «Яблоко Евы».

ГЛАВА 10 Наказание для звонаря

Гренгуар ушёл с площади. Сначала он собирался увести и Эсмеральду, которая так расстроилась из-за звонаря, что больше не могла выступать. Но девушка по какой-то причине упорно желала остаться, и Пьеру ничего не оставалось, кроме как прихватить Джали и ковёр цыганки и отправиться домой без неё.

На его уход никто не обратил внимания. Появление Квазимодо под стражей захватило внимание толпы. Парижане хорошо знали, что если кого-то в таком виде повели во Дворец Правосудия, то скоро будет наказание или казнь, а для почтенных горожан и то, и то было отменным развлечением.

Пока во Дворце Правосудия шло действие, больше похожее на жестокую карикатуру на суд, народ ждал. Более того, слух о грядущем «развлечении» быстро облетел окрестные улицы, и площадь быстро заполнилась желающими поглазеть. Среди последних скоро стала выделяться компания школяров — Жеан и два его приятеля, Жоффруа и Робен Пуспен. Хорошо подкрепившись в кабаке, они всё же решили посмотреть, чем завершится утреннее судилище, и теперь, после распитой бутылки вина, шумели ещё больше прежнего. Эсмеральда смотрела на эту компанию с плохо скрываемым отвращением.

Наконец одобрительный рёв толпы возвестил о том, что судебная процессия приближается. Первым появился глашатай, известный горожанам Мишель Нуаре, за ним шёл палач и сам осуждённый, которого вели те же двое солдат, что и утром.

Квазимодо под градом насмешек горожан и жалостливым взглядом Эсмеральды подвели к позорному столбу. Впрочем, столбом он назывался только условно — на самом деле это сооружение представляло собой огромный каменный куб. На его вершине, куда вела деревянная лестница, было закреплено колесо диаметром в человеческий рост. К этой конструкции конвоиры и подтащили несчастного звонаря. Толпа замерла в предвкушении.

Сначала глашатай зачитал приговор — скорее для вида, потому что его со всех сторон без конца перебивали крики зрителей. Больше всех, разумеется, старались неугомонные школяры.

— Вот и пришло наказание для уроды! — вопил Жеан.

— Вот и результат суда! — вторил ему Жоффруа.

— Какой суд, такое и наказание, — усмехался Робен. — Всё правильно!

Жеан взобрался на плечи Робену и продекламировал:

— Дамы и господа! Сегодня воспитанника моего брата, архидьякона Жозасского, выставляют на всеобщий позор! Полюбуйтесь на этого уроды!

Квазимодо молча смотрел на беснующуюся толпу, не делая никаких попыток ответить. Он заметил Жеана, которого прежде не раз встречал в соборе, и даже в такую минуту сумел пожалеть своего приёмного отца, которому так не повезло с родным братом.

Вскоре он заметил совсем рядом с позорным столбом Эсмеральду. Девушка в ужасе оглядывалась вокруг, словно пытаясь найти в беснующейся толпе хоть одного доброго человека. В её глазах стояли слезы, а на непривычно бледном личике застыло настолько виноватое выражение, что в груди у звонаря закололо от нежности и жалости.

— Стойте, он не виноват! Он спасал меня! — закричала Эсмеральда, но в шуме людских голосов никто её не услышал. К тому же совсем рядом с ней надрывался Жеан:

— Получил по заслугам!

— Полное чудовище, — поддерживал его Жоффруа. — Даже если по этому делу он невиновен, по роже видно, что всё равно что-то наворотил!

Робен молчал, потому что устал держать Жеана на плечах.

Вскоре Квазимодо привязали прочными ремнями и цепями к колесу. Но и в таком положении он старался не терять из виду цыганку, и даже просто её сочувствующий взгляд смягчал его страдания.

Палач скомандовал начинать и нанес осуждённому первый удар плетью. Солдаты завертели колесо, и с каждым его поворотом горбуну наносились всё новые и новые удары. Но он не издал ни звука, мужественно перенося эту пытку.

Потом на край столба рядом с колесом поставили большие песочные часы.

— Стоять тебе тут шесть часов, — сказал палач.

Затем солдаты и палач ушли. Квазимодо остался один на один с толпой.

Стоило представителям закона скрыться из виду, зрители, до этого ограничивавшиеся гвалтом и оскорблениями, совсем перестали сдерживаться. Какой-то юнец с громким хохотом запустил в Квазимодо яблочный огрызок, а вскоре на несчастного звонаря обрушился град всяких объедков вперемешку с воплями:

— Рожа кривая, получай!

— Вот тебе, чудище лесное!

— Сын сатаны!

— Зато лучший Папа шутов, — откликнулся на это замечание Жеан.

— Но и звонарь хороший, пусть и вид как у дьявола, — заметил Робен.

— Чего уж хорошего, от его звона деваться некуда! — возмутилась рядом какая-то старуха и с неожиданной ловкостью швырнула в Квазимодо камень. — Каждое утро будит, ирод! Днём хочешь отдохнуть, так он опять трезвонит!

Эсмеральда наблюдала за этой вакханалией с бессильным отчаянием. Эти люди совсем его не знают! Пусть Квазимодо и некрасив внешне, но душа-то у него куда добрее и благороднее, чем у них самих! Если она не может освободить его от цепей, то должна хотя бы заставить замолчать всех этих палачей! И тут у девушки появилась идея...

Она громко стукнула в бубен и скинула туфли, обнажив безупречные ноги.

Люди отвлеклись от издевательств над звонарём и переключились на цыганку. Девушка закружилась под звуки бубна, не обращая внимания на то, что грубые камни мостовой больно впиваются в ноги. Взмахивая рукой или делая пируэт, она представляла себе, что даёт пощёчину

каждому из тех, кто недавно оскорблял звонаря, а теперь глазел на неё в восхищении. Это был танец-вызов, танец-наказание и одновременно — мольба о прощении.

Квазимодо, несмотря на боль в истерзанных плечах, постарался развернуться на колесе, чтобы лучше видеть этот удивительный танец. Ему мучительно хотелось поддержать плясунью хоть словом, выразить благодарность и восхищение её смелостью, но он молчал, зная, что, если он издаст хотя бы звук, в него снова будут кидаться. А ему не хотелось, чтобы усилия девушки, на ступнях которой уже показалась кровь, пошли насмарку.

Никто не заметил, как на площади появился всадник верхом на муле — Клод Фролло. Увидев привязанного к колесу Квазимодо, он собрался было поторопить своего мула, но его внимание привлекла танцующая девушка — и из-под капюшона блеснул полубезумный, пылающий страстью взгляд. Словно не видя никого, кроме неё, священник подъехал почти вплотную к позорному столбу.

Сделав последний пируэт, цыганка замерла в эффектной позе, протягивая руки к осуждённому. Со всех сторон слышались восхищённые крики.

Внезапно горбун чуть слышно произнёс:

— Пить...

Но его мольба потонула в громе аплодисментов.

Он повторил чуть громче:

— Пить! Дайте мне воды!

Толпа встретила эту просьбу взрывом хохота.

— На, пей! — насмеялся какой-то старик. Он окунул грязную тряпку в лужу и бросил в звонаря, но его хилых силёнок не хватило, чтобы она долетела до столба.

Эсмеральда, всё ещё взбудораженная после танца, окинула насмешников возмущённым взглядом и, отыскав свою обувь, ловко забралась по лесенке. Ошарашенная толпа притихла.

— Не волнуйся. Всё хорошо, — подбодрила плясунья несчастного, который смотрел на неё так, словно перед ним предстал ангел. Она сочувственно погладила беднягу по руке, стараясь не задеть раны, а потом отстегнула флягу от платья и поднесла к его губам.

— Спасибо, Эсмеральда. Ты так добра! — тихо, чтобы никто не слышал, шепнул Квазимодо.

— Прости меня, я не должна была этого допустить, — так же тихо ответила девушка и начала спускаться.

— Слава Эсмеральде! Такая красавица спасла от жажды такого урода! — кричали в толпе.

По лицу Квазимодо градом бежали слёзы.

Уже спустившись на землю, Эсмеральда заметила архидьякона, который тут же постарался принять безучастный вид. Его лысина сверкала на солнце, а взгляд блуждал где-то вдалеке. Тот, кто ещё недавно прожигал её взглядом, теперь казался холодным, как лёд.

Квазимодо только теперь заметил приёмного отца и в первое мгновение даже обрадовался ему, подумав, что Фролло пришёл его освободить. Но архидьякон старательно смотрел в сторону, и грудь звонаря пронзила такая боль, какую бессильна была причинить тысяча ударов плетью. Одно дело, когда единственный близкий человек просто не пришёл на помощь, а другое — когда он видит твои страдания и остаётся к ним совершенно безразличным...

— Это вы? Почему вы позволили им издеваться над бедным звонарём? — громко спросила Эсмеральда, стараясь поймать взгляд архидьякона.

— Он это заслужил, — как можно равнодушнее ответил он, избегая смотреть на девушку. Нет, только не опозориться, только не выдать своих чувств! Но со стороны всё действительно выглядело так, будто он едва снисходит до нищей плясуньи.

— Вы бессердечный, чёрствый, ужасный человек! — Эсмеральда уже кричала во весь голос. — Я слышала, как он называл вас отцом! Значит, вы для него ближе всех, а сами даже заступиться за него не можете!

Фролло не сказал больше ни слова и быстро уехал, всё ещё сохраняя надменно-безразличный вид.

Квазимодо стоял у колеса весь отведённый судом срок. Эсмеральда тоже никуда не уходила. Разрезать толстые ремни и цепи она никак не могла, но время от времени посылала звонарю ободряющие взгляды и даже пела, чтобы ему было легче ждать освобождения.

Вскоре народ стал расходиться, но Эсмеральда оставалась рядом до последней секунды. Палач вскоре прогнал её и освободил горбуна.

Квазимодо побрёл в собор. Несмотря на то, что раны начинали болеть при каждом движении, на душе у него было радостно, ведь девушка, ради которой он готов был на всё, так тепло к нему отнеслась. Она даже не побоялась отвлечь от него внимание толпы! Пожалуй, впервые за всю свою жизнь Квазимодо чувствовал себя не обиженным судьбой уродом, а нужным кому-то и оттого счастливым человеком. И это было высшей наградой.

ГЛАВА 11 Неожиданная встреча

Эсмеральда вернулась домой поздно. В ответ на расспросы обеспокоенного Гренгуара она сказала только, что после его ухода продолжала выступать, но ничего не сообщила о своей помощи Квазимодо и перепалке с архидьяконом. По её мнению, она не сделала ничего необычного. К тому же девушка была вымотана и морально, и физически, а истерзанные ноги немилосердно болели. Убедившись, что Пьер всецело занят Джали, Эсмеральда приготовила отвар целебных трав и, смочив в нём чистую ткань, забинтовала ступни — этот способ был ей хорошо знаком ещё с тех пор, когда она только училась танцевать. После этого она без сил упала на свой тюфяк и тут же заснула крепким сном, несмотря на шумную возню, производимую её друзьями.

Пьер и Джали действительно не скучали в её отсутствие. Поэт продолжал учить свою рогатую подружку составлять слова из букв, и, к его восторгу, у неё получалось всё лучше и лучше. Козочка уже умела складывать и его имя, и своё собственное, а вчера её словарный запас пополнился именем учителя Пьера — Клода Фролло. Имя «Клод» было достаточно коротким, чтобы коза смогла его запомнить.

Утром Пьер очень удивил Эсмеральду, впервые отказавшись идти на площадь.

— Я лучше позанимаюсь с Джали, — говорил он, скармливая козочке яблоко. — Она такая умная и так быстро учится! Мы сможем привлечь ещё больше людей, но нам нужно немного времени.

— Ну хорошо, — согласилась добрая девушка, — сегодня я потанцую одна.

— Ты чудо! — обрадовался Пьер. — Только один день, обещаю!

Эсмеральда на прощание потрепала Джали по холке, протянула поэту руку для поцелуя и, захватив коврик и бубен, отправилась на площадь. По дороге она попробовала сделать несколько па и обрадовалась, поняв, что старый способ себя оправдал — ноги почти совсем не болели.

После вчерашнего происшествия на площади Клод Фролло заперся в своей келье. Квазимодо, вернувшись в собор, так и не встретился со своим приёмным отцом. И, пожалуй, сейчас он был этому даже рад. Добрый звонарь не умел сердиться, но не представлял, что они могли бы сказать друг другу.

Чтобы не расстраиваться, он начинал думать об Эсмеральде, и эти размышления были куда более приятными. Квазимодо впервые испытывал благодарность к кому-либо, кроме Фролло, но если архидьякон воспринимал его признательность как должное, то Эсмеральда вела себя так, будто не сделала ничего особенного. Звонарь вдруг понял, что очень хочет с ней поговорить — не просто сказать пару слов, как вчера, а по-настоящему побеседовать. И ему казалось, что у них бы это получилось — настолько дружелюбной и открытой была эта девушка.

Поэтому, как только на площади раздались звуки бубна, горбун моментально спустился со своей колокольни. Эсмеральда его заметила и даже помахала ему рукой, и Квазимодо нашёл в себе силы сделать то же самое. Завершив очередной танец, цыганка тут же направилась к нему, как будто они были добрыми друзьями.

— Благодарю тебя за то, что помогла мне, — сказал горбун. Ему всё ещё было неловко так свободно с ней разговаривать, но не выразить свои чувства он не мог.

— Не за что! — очаровательно улыбнулась девушка, и у Квазимодо тоскливо заныло сердце. Она такая красивая, такая добрая — а что он, урод, может ей предложить? У него нет ничего, что было бы достойно её... Минуточку, а ведь есть!

— Хочешь, я покажу тебе собор?

Цыганка даже захлопала в ладоши от радости:

— Конечно! Я всегда хотела посмотреть, что там внутри. Так же красиво, как и снаружи?

— Сейчас увидишь, — пообещал Квазимодо, беря девушку за руку. Она не дёрнулась от отвращения, а просто доверчиво сжала его пальцы, и от этого по всему телу разлилось приятное тепло.

Эсмеральда, конечно, предполагала, что собор внутри красив, но теперь, увидев его воочию, она была просто поражена. Причудливые остроконечные арки, которые, если запрокинуть голову, словно перетекают в переплетающийся узор, уходящие ввысь изящные колонны, тончайшая резьба, издали похожая на дорогое кружево... Каждая деталь этой каменной громады стремилась вверх, и Эсмеральде казалось, что она вот-вот взлетит. Но особенно восхитила девушку роза из витражей — в этот час через неё падал свет, и разноцветные блики разбегались по всему собору, оживляя его

строгую мраморную белизну. Она протянула руку, и в её ладонь упала россыпь разноцветных огоньков. Ещё шаг — и по всему её платью, лицу и косам рассыпался призрачный бисер, как будто она на шутовском празднике угодила под град конфетти. Девушка закружилась в разноцветном вихре, заливаясь звонким смехом, который тут же подхватило и умножило соборное эхо.

Квазимодо скромно стоял на краю цветного круга и наблюдал за Эсмеральдой со счастливой улыбкой, но вскоре цыганка и его втянула туда, заставив кружиться вместе с нею.

— Я никогда не была в таком прекрасном месте! — чистосердечно призналась девушка.

— Это мой дом, — ответил горбун, — но теперь и твой. Ты можешь приходить сюда, когда захочешь.

— Мне кажется, этот собор совсем как живой, — сказала Эсмеральда, осторожно проводя пальчиком по холодной каменной стене. — В нём есть своя душа.

— Это действительно так, — подтвердил Квазимодо, — и сейчас я тебе её покажу!

Вслед за своим провожатым Эсмеральда поднялась на колокольню. Когда Квазимодо осторожно подвёл её к парапету, ей открылся удивительный вид Парижа.

— Какая красота! — воскликнула цыганка. — Отсюда видно весь город! Пьера бы сюда, он бы тут же сочинил поэму...

Но Квазимодо было страшно смотреть, как она стоит так близко к краю, и он увлёк её к колоколам. Девушка поначалу никак не могла поверить, что он в одиночку управляет с этими гигантскими медными чудовищами, и была в восторге, когда он продемонстрировал ей своё умение.

— Конечно, научиться звонить было непросто, — говорил Квазимодо, пока они спускались с колокольни. — Но я счастлив, что сумел это сделать. Когда я звоню, то не чувствую себя ни уродом, ни отверженным. Напротив, я верю, что делаю что-то хорошее и у меня это получается...

— Я чувствую то же самое, когда танцую, — призналась Эсмеральда. — Как будто меняю мир к лучшему... Не думала, что у нас столько общего! Но иногда мне всё же становится жаль, что я не могу заниматься ничем, кроме танцев. А тебе никогда не надоедают твои колокола?

— Они мои единственные друзья... ну, были, пока не появилась ты. — Квазимодо, испугавшись, осёкся. — Ты же не против считать меня своим другом?

— Конечно! — закивала девушка. Квазимодо почувствовал, что готов заплакать от счастья.

Увлёкшись беседой, они не заметили Клода Фролло, который всё же прервал своё затворничество. Разумеется, он сразу узнал предмет своих грёз.

— Ты позоришь собор, цыганка! Немедленно убирайся! — сказал архидьякон как можно более грозно. Он не мог скрыть волнение, которое охватывало его от близости этой девушки, и постарался замаскировать его под гнев. Тут под руку ему попался горбун: — А ты что здесь делаешь? Твоё место на колокольне!

Квазимодо молчал.

— Не смейте так грубо с ним обращаться! — тут же вступилась за друга Эсмеральда.

— Это моё дело, я его отец!

— Неужели? — поинтересовалась цыганка со всей язвительностью, на которую была способна. — А вчера на площади вы вели себя так, будто вовсе с ним не знакомы!

Фролло побагровел.

— Язычница, своим присутствием ты оскверняешь священное место, — отчеканил он, и Квазимодо втянул голову в плечи. — Уходи.

— Вы не имеете права меня прогонять, — заявила девушка.

— Вон отсюда! — окончательно вышел из себя Фролло.

Перехватив умоляющий жест горбуна, Эсмеральда ушла. Квазимодо остался наедине с Клодом.

— Ты зачем её привел? — немного успокоившись, спросил архидьякон.

— Она сама захотела этого, — возразил горбун.

— Всё, хватит с меня! — в отчаянии воскликнул Фролло, стукнув кулаком по колонне. — Ты сорвал мой план по похищению. Выставил себя, а значит и меня, на посмешище. А теперь ещё и притащил её сюда! Отныне ты не будешь выходить из собора.

— Простите, отец. Я не виноват.

— Я всё сказал! За свои действия ты должен быть наказан.

Горбун постарался скрыть своё расстройство и покорно отправился на колокольню. Он всё ещё не хотел расстраивать своего отца.

Клод, забыв про все свои дела, вернулся в келью. Пытаясь отвлечь себя от греховных мыслей, он снова зарылся в латинские книги, которыми мучил себя со вчерашнего дня. Но всё напрасно! Перед глазами стоял образ цыганской ведьмы, а в ушах звучали её дерзкие слова. Услышав звуки бубна, он поначалу принял их за галлюцинации, но всё же не устоял и подошёл к окну... Цыганка снова взялась за свои греховные пляски, и Клод уже не мог вернуться к работе. О Дева Мария, когда же это кончится?!

Эсмеральда снова вышла на площадь. Настроение у неё, несмотря на неприятную встречу, было отличное. Она решила, что обязательно будет навещать Квазимодо, и всё равно, нравится это Фролло или нет.

Внезапно среди зрителей она заметила гордую фигуру на белом коне, которая в свете заходящего солнца словно сияла, и её сердце ёкнуло от радости. Она бросилась к всаднику:

— О, мой Феб, я так рада вас видеть! Еще раз благодарю вас за то, что вы спасли меня.

Офицер тоже узнал её:

— Не стоит благодарности, Симиляр. Я помог тебе, потому что люблю тебя.

— О, неужели?

— Да, ты прекраснее самой красивой розы! — сказал Феб. — Я не забывал тебя со дня нашей встречи. И каждый день думал о тебе.

Эсмеральда была так счастлива это слышать, что даже простила ему своё исковерканное имя.

— Вы мой спаситель, мой доблестный рыцарь! Я обязана вам жизнью, — говорила она, поглаживая гриву породистого коня. — Скажите, Феб, когда я смогу увидеть вас снова?

— Я даже не знаю... — Капитану льстило её внимание, но он привык набивать себе цену. — Я был бы счастлив проводить у твоих ног целые дни, моя красавица, но долг офицера зовёт меня!

— Да-да, понимаю, ваша служба очень трудна и опасна! Но я так хотела бы вас видеть хотя бы иногда...

— Мы увидимся, обещаю, — Феб наклонился с седла и привычным жестом погладил девушку по щеке. — Я люблю тебя, мой ангел.

Окрылённая Эсмеральда вернулась к танцам. Подумать только, этот прекрасный рыцарь, о котором она думала каждый день, тоже не забыл её! Девушка была так счастлива, что, кажется, готова была расцеловать даже этого грубияна архидьякона.

Конечно, она не знала, что сам Фролло в это время наблюдал за ней и увидел, как она разговаривает с Фебом. Слов он, разумеется, расслышать не мог, но жесты беседующих и особенно лицо цыганки не позволяли сомневаться в содержании диалога.

Фролло до хруста сжал кулаки, чувствуя, как в груди начинает klokотать дикая ярость. Как смеет этот мужлан так фамильярничать с ней? Да кто он такой?! И почему она так смотрит на этого щёголя в мундире?! Конечно, он часто замечал Гренгуара на площади вместе с цыганкой, но прекрасно знал, что его ученик не падок до женщин, и только усмехался, видя, до чего докатился некогда честолубивый юноша. Но теперь, увидев Эсмеральду в обществе смазливового офицера, он сходил с ума от ревности. А вдруг он только что назначил ей свидание и уже сегодня вечером будет своими грязными руками лапать ту, о которой сам Клод не осмеливается даже мечтать?!

Всё, пора положить этому конец. Если чтение книг не помогает, может быть, его сумеют отвлечь алхимические опыты?

ГЛАВА 12 В гостях

Капитан Феб гостил у своей невесты. Флёр-де-Лис была дочерью Алоизы де Гонделорье, вдовы предыдущего капитана королевских стрелков, и её богатый готический дом на углу Гревской площади был, конечно, куда комфортабельнее той тесной каморки, которую мог позволить себе снять сам офицер.

В это солнечное весеннее утро вся компания расположилась на балконе, откуда открывался чудесный вид всю площадь и собор Богоматери. Помимо самих жениха и невесты и госпожи де Гонделорье, здесь обитали подруги Флёрде-Лис — Диана де Кристейль, Амлотта де Монмишель и Коломба де Гайльфонтен, также Беранжера де Шаншеврие, её семилетняя крестница.

Флёр занималась вышиванием, а подруги подшучивали над ней.

— Ах, какой прекрасный рисунок, дорогая Флёр! — с озорной улыбкой говорила Диана, наклоняясь в вышивке. — Мне кажется, или вон в том углу изображено солнце?

— Да-да, именно солнце! — подхватывала Коломба. — Признавайтесь, дорогая, это свадебный подарок вашему жениху?

— Да нет же, не так! — раздосадовано отвечала Флёр, заливаясь краской и бросая смущённый взгляд на скучающего Феба. — Вы мне мешаете, дайте я закончу.

— Нам очень интересно! — трещали девушки.

Флёр ещё раз украдкой взглянула на своего жениха и с облегчением увидела, что болтовня её подружек его не задела. Впрочем, он их, кажется, и не слышал, глядя в одну точку и рассеянно подкручивая усы. Фебу очень нравилось жить в богатом доме и наблюдать за стайкой очаровательных девушек, но, чёрт побери, как же в этом благопристойном обществе скучно!

Впрочем, его скука немного рассеялась, когда он заметил на площади Эсмеральду. Как обычно, она танцевала под звуки бубна, а Джали, обученная Гренгуаром, забавно копировала её движения. Самого поэта с ними сегодня не было — он, желая привлечь побольше зрителей, оттачивал акробатические номера во Дворе Чудес. Цыганка была в прекрасном настроении и танцевала с лёгкостью порхающей птицы.

Вскоре на плясунью обратили внимание и девушки. Первой её заметила Диана:

— Посмотрите, какая очаровательная цыганская танцовщица!

— Да-да! Просто прелесть! — зашебетали остальные.

— Ой, а какая с ней козочка! — захлопала в ладоши малютка Беранжера.

Амлотта обратила внимание на высокую фигуру в чёрной сутане, тоже наблюдавшую за цыганкой с вершины одной из соборных башен. Даже с такого расстояния было видно, что его лицо мрачнее тучи, и девушку слегка испугал устремлённый на плясунью хищный взгляд.

— Кто этот человек? — спросила она у подруг.

— Архидьякон собора, — ответила Диана.

— Он так мрачен! — заметила Коломба.

— Ещё бы, он терпеть не может цыган, — пояснила Флёр. — Дай ему волю, всех бы извёл! Жаль маленькую плясунью, если он её приметил, ей не поздоровится.

Девушки расстроились. Больше всех переживала Беранжера, которой приглянулась хорошенькая козочка.

И тогда у Флёр-де-Лис появилась идея. Она окликнула жениха:

— Дорогой Феб, ты не мог бы привести эту девушку сюда? Пусть она станцует для нас.

— Да, капитан, пожалуйста! — поддержали её остальные.

Феб, обрадовавшись, что можно ненадолго отлучиться, спустился с балкона и направился к Эсмеральде. А когда девушка, заметив его, с радостной улыбкой кинулась навстречу, он и вовсе повеселел.

— Приветствую, ангел мой! — сказал капитан, жестом заправского щёголя пригладив шевелюру. — Я же обещал, что мы скоро встретимся. Моим, хм... сёстрам очень понравился твой танец, и теперь они хотят, чтобы ты сплясала для них. Ты же сделаешь мне такое одолжение, моя прелестница?

— С радостью, мой Феб!

Вслед за приосанившимся капитаном, получившим очередное доказательство своей неотразимой привлекательности, цыганка направилась к вычурному дому. Джали побежала за хозяйкой.

Внутреннее убранство особняка было таким красивым и в то же время подавляющим своей мрачноватой роскошью, что Эсмеральда в своём простеньком самодельном платице почувствовала себя здесь неуютно. Увлекаемая капитаном, она робко перешагнула порог богатой гостиной и сразу же попала под шквал бесцеремонных взглядов.

— Она прехорошенькая! — шептались юные аристократки. Флёр-де-Лис ревниво покосилась на жениха и чопорно поправила и без того безукоризненную причёску. Обострённым чутьём влюблённой женщины угадав соперницу, она осталась за своим вышиванием и не присоединилась к подругам, окружившим цыганку.

— Как тебя зовут? — спросила Диана.

— Эсмеральда, мадемуазель.

— Фи, какое вычурное имя! — захихикала Коломба. — Но ей подходит.

— Наверное, колдунья? — предположила Амлотта.

— Станцуй нам! — приказала Диана.

Цыганка, не ожидавшая таких нападков, в растерянности покосилась на Феба. Он стоял рядом с совершенно равнодушным видом, но потом всё же соизволил проронить:

— Да, Симиляр, потанцуй для нас.

— О, так вы знакомы? — прошипела из своего угла Флёр-де-Лис, стремительно бледнея.

Эсмеральда, ободрённая поддержкой своего рыцаря, начала плясать — сначала в туфлях, потом босиком. Девушки, несмотря на зависть к её красоте, были очарованы.

Пока старшие наблюдали за танцами, маленькая Беранжера кусочком яблока и конфетами приманила Джали и теперь с восторгом разглядывала позолоченные рожки и копытца, гладила мягкую белую шёрстку. В конце концов проворные детские пальчики добрались и до мешочка на шее козочки.

— Что там? — заинтересовалась девочка. — Цыганка, покажи!

— Там фокус, но он ещё не готов, — поспешно ответила Эсмеральда и отчего-то покраснела.

Девочка всё же развязала мешочек, но оттуда, к её разочарованию, высыпались деревянные дощечки с буквами.

— Ничего интересного, — развела руками Диана.

Но козочка внезапно радостно заблеяла и начала копытцем двигать буквы. Заинтересованные девушки, перешёптываясь, мгновенно окружили её. Даже Флёр не удержалась и подошла поближе. Эсмеральда, красная, как маков цвет, стояла позади всех и, сосредоточенно разглядывая свои босые ноги, мяла в руках платок.

Козочка пристраивала букву за буквой уверенно, как будто проделывала это уже не раз. Не прошло и минуты, как она, закончив, горделиво стукнула копытцем и завертела головой в поисках хозяйки, ожидая положенного угощения. Юные аристократки, сгорая от любопытства, наклонились пониже и увидели, что дощечки сложились в слово...

— «ФЕБ»? — воскликнули девушки в один голос. — Но это же имя капитана!

Офицер встрепенулся:

— Моё имя? Где?

Флёр-де-Лис растолкала подруг и, совершенно забыв о приличиях, разрыдалась:

— Да как она смеет! Ведьма! Задумала украсть моего жениха!

— Жениха? — растерянно переспросила Эсмеральда. Пылающее лицо девушки стремительно побледнело.

Флёр была почти без сознания. Её матушка, до этого мирно дремавшая в кресле, моментально всполошилась:

— Девочка моя! Тебе плохо? Воды, быстрее! А ты, — прошипела она в сторону цыганки, — немедленно убирайся вон!

— Но это вы меня сюда пригласили! — возмутилась Эсмеральда. Открытие, что у её Феба, оказывается, есть невеста, пробудило и в ней извечную женскую страсть к соперничеству.

От звука её голоса Флёр пришла в себя.

— Уходи! — повторила она, словно ненависть придавала ей сил. — И чтобы ни тебя, ни твоей проклятой козы здесь больше не было!

— Как вам не стыдно! — не осталась в долгу цыганка. — Вы порядочные женщины из высшего общества, а ведёте себя хуже жриц любви из Двора Чудес!

Феб, видя, что дело принимает скверный оборот, побыстрее собрал буквы в мешок и повесил его на шею козе. Когда он подвёл Джали к хозяйке, та одарила его очаровательной белозубой улыбкой.

— Вон! — продолжала кричать госпожа Алоиза. — Видишь, до чего ты довела мою дочь?

Флёр-де-Лис рыдала уже в голос, забыв и о причёске, и о платье, и о покрасневших глазах.

— Конечно, мадам, мы уже уходим! — закивала Эсмеральда и снова повернулась к капитану: — Пойдём, мой Феб?

Флёр, услышав это, тихо упала на ковёр. Пока все суетились вокруг неё, капитан схватил Эсмеральду за локоть и стал подталкивать к выходу.

— Мы ещё увидимся, ангел мой, — шипел он сквозь зубы, стараясь побыстрее выпроводить наглую девчонку за дверь. — Но сейчас иди в свой Двор Чудес или куда там ещё, иначе тётушка меня в порошок сотрёт!

Цыганка наконец ушла. Феб облегчённо выдохнул и кинулся искать нюхательные соли для Флёр-де-Лис, надеясь, что такая забота зачтётся ему во благо. И без того разговор с невестой и её матушкой предстоял очень непростой.

Эсмеральда постаралась побыстрее выбраться из красивого, но негостеприимного дома и поспешила к своей хижине. Теперь, когда первая буря эмоций прошла, на душе у неё было противно. Она поняла, что у Феба есть невеста и что он лгал ей, скрывая это, а возможно, не был честен и в остальном, и сияющий образ спасителя немного померк в её глазах. Однако она всё ещё его любила и не была готова отказаться от своих иллюзий.

ГЛАВА 13 Тайное становится явным

После того, как Эсмеральда погостила в доме невесты Феба, настроение у неё было отвратительное. Как бы она ни убеждала себя, что её солнечный рыцарь ни в чём не виноват, голос рассудка упорно твердил, что это не так. И если до этого мысли о нём доставляли ей только радость, сейчас ей больше всего хотелось вернуться к привычному течению жизни, как будто ничего этого и не было.

На следующий день Эсмеральда и Гренгуар, как обычно, проснулись рано утром, едва встало солнце. Пьер, заметив, что его подруга всё ещё чем-то расстроена, решил её подбодрить:

- Знаешь, мне самому очень нравятся твои выступления...
- Мне очень приятно, — признательно улыбнулась Эсмеральда.
- ...и у меня для тебя подарок! Помнишь, я обещал сочинить для тебя новую песню? Она готова!
- Это просто замечательно! — воскликнула девушка. — А можно посмотреть?

Поэт с довольной улыбкой протянул ей листок дешёвой бумаги. Эта песня пелась на знакомый мотив, и цыганка пропела её несколько раз, пока собиралась, чтобы запомнить слова. Напевала она и по дороге на площадь, и Гренгуар был счастлив видеть, что его творение пришлось подруге по душе. Эсмеральда тоже была рада такому вниманию с его стороны, особенно в такой момент, когда ей действительно нужна была дружеская поддержка. Она уже почти забыла неприятный случай в доме Гонделорье и с нетерпением предвкушала своё выступление.

Тем более что сегодня оно было знаменательным — после долгих споров они с Пьером всё же решили наконец показать зрителям, как Джали составляет слова.

У Гренгуара неплохо получалась роль глашатая, и вскоре благодаря его громким стихотворным призывам ковёр, на котором расположилась цыганка со своей рогатой подружкой, окружила плотная толпа. Представление началось.

Сначала Эсмеральда спросила у козы: «А как зовут твою хозяйку?», и Джали по её незаметному знаку составила из букв на дощечках её имя. Потом вмешался Пьер: «А как зовут меня?», и коза составила его имя. А под конец Эсмеральда спросила: «Джали, а кто у нас архидьякон собора Богоматери?», и коза снова ответила правильно.

Затем Пьер спросил у Джали, где они все сейчас находятся, а цыганка хлопнула в ладоши четыре раза, и коза составила слово «Париж».

Зрители были в восторге.

- Молодцы! — кричали они. — Мы никогда не видели ничего подобного!
- Джали, браво! — похвалил Пьер козочку и достал заранее припасённое для неё яблоко.

Пока Джали уплетала заслуженную награду, Эсмеральда начала петь песню на стихи Гренгуара. Теперь, на понятном языке, она имела куда больший успех у зрителей, чем в прошлый раз. Бубен цыганки быстро наполнился монетами, и она переложила их в мешочек, укрепленный на корсаже. Сегодняшний день у них удался.

Зато у Клода Фролло дела шли хуже некуда. Он всё чаще смотрел на Эсмеральду из окна собора, но даже когда её не было на площади, постоянно думал о ней. Вчера он и вовсе увидел, как Феб ведет Эсмеральду к богатому дому, и теперь ревность не давала ему покоя.

— Нет, это невыносимо! — говорил он сам себе, оставшись один. — Я чувствую, как становлюсь зависимым от этой ведьмы! О, Эсмеральда! Это имя звучит в моей голове каждый день. Я вижу её милое лицо, тонкую талию, идеальные руки, изящные ступни... Я встречал в жизни много красивых девушек, но она... А этот щёголь в мундире ещё смеет приближаться к ней!

Но Феб был не единственным, на кого злился архидьякон. Дружеские отношения Квазимодо и цыганки тоже его беспокоили, и он всё ещё запрещал воспитаннику выходить из собора.

— Это для твоего же блага, — сказал он горбуну, когда тот в очередной раз пришёл к нему в келью просить разрешения прогуляться. — Тебе понравилось на позорном столбе? Люди жестоки, и я не хочу, чтобы это снова повторилось. Пойми, ты не должен покидать собор.

— Но ведь раньше я из него выходил...

— Всё изменилось, — ответил Клод и замолчал. Расстроенный Квазимодо вернулся на колокольню.

Его огорчение не ускользнуло от Клода и ещё больше разожгло его ревность. Конечно, он и подумать не мог, что юная красивая девушка может увлечься горбуном, но даже если ему достаётся только её дружба — это в любом случае больше того, на что может рассчитывать он сам!

Почувствовав, что вот-вот взорвётся, архидьякон решил вернуться к чтению латинских книг. Да, это мало ему помогало, но лучше так, чем бесцельно метаться по келье, пытаясь унять разгорающийся в груди пожар. Клод глубоко вздохнул и направился к столу...

В этот момент в дверь негромко, но решительно постучали.

После визита Эсмеральды Флёр-де-Лис всё ещё чувствовала себя плохо. У неё совсем пропал аппетит, она побледнела и стала очень нервной. Феб, вчера вечером имевший серьёзный разговор с госпожой Алоизой, не отходил от неё. — Ангел мой, я люблю только тебя! — повторял он в очередной раз, как только личико невесты омрачалось. — Я всегда буду с тобой, и никто не встанет на нашем пути!

И тут он, пожалуй, даже не лукавил — хотя капитан и не собирался отказываться ни от Эсмеральды, ни от других своих увлечений, ни одному из них он не позволил бы встать между ним и хорошим приданым.

— Поклянись мне, что цыганская колдунья и близко не подойдёт к нашему дому! — требовала девушка.

— Клянусь, любовь моя! Ради тебя я готов на всё.

После этого Флёр-де-Лис успокаивалась и протягивала ему руку для поцелуя.

— Ты мой рыцарь, люблю тебя.

— И я тебя. Мы навеки будем вместе.

Матушка, наблюдавшая за этим воркованием, тоже постепенно смягчалась. В конце концов, мало ли чему учит свою козу какая-то цыганская девчонка! Ведь капитан Феб такой красивый мужчина, неудивительно, что девушки на него заглядываются — лет двадцать пять назад и она сама была равнодушна к военным... Но Феб действительно стал заглядывать к невесте чаще, и госпожа Алоиза была рада, что у обручённых снова всё хорошо.

Жеан, как и его старший брат, пребывал не в лучшем расположении духа. Денег Клода осталось совсем мало, и он очень редко выходил из дома. Ему, привыкшему к разгульному образу жизни, постоянно хотелось выпить и пообщаться с прелестницами с улицы Глатиньи. Однако необходимые для этого деньги можно было получить только у Клода, а идти к нему было страшно. Поэтому Жеан дулся, скучал и всё время был раздражён.

В таком настроении его и застал неожиданно зашедший в гости Жоффруа.

— Убирайся, — буркнул Жеан, отворачиваясь к стене. — Я не хочу никого видеть.

— Ты что такой кислый? — удивился приятель. — Так дело не пойдёт. Давай сходим в кабак, возьмём бутылочку вина, поговорим по душам...

Жеан ехидно ухмыльнулся:

— Что ж, пойдём! Только, чур, за вино платишь ты!

Жоффруа смешался.

— Что, свои деньги тратить не хочется? А у меня их нет! Думаешь, я стал бы сидеть в этой дыре, если б они у меня были?

Жеан лукавил — ещё немного денег у него осталось, но тем меньше было его желание с кем-либо ими делиться.

— У тебя же есть брат, — напомнил гость. — Попроси его, он наверняка тебе даст.

— Даже не упоминай при мне моего брата! — рявкнул обозлённый Жеан. — У этого святоши всегда наготове только проповеди и нравоучения, а монет не допросишься! И вообще, что это ты такой навязчивый сегодня, а?

Гость тяжело вздохнул и поправил очки.

— Понимаешь, дружище Жеан... Мне действительно очень нужны деньги. У тебя есть какой-нибудь, но брат, а я совсем сирота, мне помочь некому. Я не прошу у тебя много, но хотя бы пару ливров...

— Нет у меня денег, — повторил Жеан и уткнулся лицом в подушку.

— Ну, пожалуйста! Мы же друзья!

— Конечно, особенно когда тебе помощь нужна! Ты хоть раз угостил меня, когда я был не при деньгах? А теперь хочешь, чтобы я дал тебе в долг? И не проси!

— Но мне срочно нужны деньги!

Жеан демонстративно захрапел. Жоффруа лениво присел на кровать и задумался.

— Не хочешь помочь другу — твоё дело, — наконец произнёс он. — Но ты об этом пожалеешь!

Жеан продолжал храпеть, не обращая на него внимания. И только когда Жоффруа закрыл за собой дверь, разразился проклятиями. Он не воспринял угрозы бывшего друга всерьёз и только злился, что кто-то посмел покуситься на его драгоценные гроши. Но если бы он знал, какой план задумал Жоффруа, то отдал бы ему свои остатки без колебаний.

Поздно вечером, когда уже никого не было на площади, Жоффруа направился к собору. Внутри он встретил священника, Шарля.

— Скажите, месье, как мне найти архидьякона?

— По какому вопросу? — удивился священник. Обычно горожане избегали Фролло, а если и искали его, то, как правило, для оказания врачебной помощи. Но этот молодой человек выглядел вполне здоровым.

— Я хочу получить духовный сан.

Этот ответ вполне удовлетворил священника.

— Он живет в келье на северной башне. Я могу проводить вас.

— Да, пожалуйста!

Шарль довёл школяра до двери и ушёл. Подождав, пока он отойдёт подальше, Жоффруа тихо постучал. Когда в дверях появилось раздражённое лицо Клода, он невольно отметил, что братья всё же похожи, особенно когда сердятся.

— Кто ты такой и что тебе нужно?

— Господин архидьякон, я к вам по делу, — решительно заявил Жоффруа и протиснулся в приоткрытую дверь, оттеснив хозяина.

— Говори, но побыстрее — у меня много дел.

— Я друг вашего брата Жеана и хорошо его знаю. За пару ливров могу сообщить вам новости, которые могли бы вас заинтересовать.

Архидьякон выгнул бровь:

— И что же вы можете мне сказать, чего бы я не знал?

— Жеан тунеядец!

— Это для меня не новость.

— Он попал в неприятности, но боится попросить у вас помощи. Всего несколько монет, и я расскажу вам, в чём дело.

В первое мгновение Клод хотел было выгнать дерзкого юнца, но тревога за брата пересилила. Он достал из ящика стола кошель и, демонстративно им позвякивая, облокотился о стену.

— Итак, что же вы знаете, молодой человек?

Жоффруа, увидев желанные монеты, зачастил:

— Ваш Жеан — задира и прогульщик, мэтр! Его давно отчислили из колледжа, и он гуляет по кабакам! Вы можете сами поговорить с ректором, он подтвердит, что я говорю правду!

Эта новость произвела на Клода сильнейшее впечатление. Внешне спокойный, внутри он переживал настоящую бурю. До этого он ещё надеялся, что шалопай рано или поздно образумится и станет достойным продолжателем рода Фролло, хотя и понимал, что эти надежды призрачны. Но архидьякон никогда бы не подумал, что может дойти до такого!

Не сказав ни слова, Клод сунул Жоффруа горстку монет и вытолкал его за дверь.

На следующий день Фролло отправился в колледж Торши, ещё лелея слабую надежду, что юнец просто лгал ему ради денег. Увы, ректор полностью подтвердил слова школяра — Жеан уже несколько месяцев как не был студентом.

В этот момент в душе Клода что-то сломалось. Предательство единственного близкого человека, последнего, к кому он ещё питал тёплое и светлое чувство, подкосило его. Он почти перестал выходить из кельи, а за пределами собора и вовсе не показывался. Даже мечты об Эсмеральде немного потеснила в его голове новая мысль — проучить брата, как только он снова к нему придёт. И эта идея была поистине блестящей.

ГЛАВА 14 Одиночество Мельника

Клод Фролло несколько дней не выходил из своей кельи. Он всё так же ставил алхимические опыты, читал книги, но всё больше и больше его голова была занята мыслями о брате. Только когда на площади появлялась Эсмеральда, он забывал обо всех своих горестях и спешил к окну, чтобы взглянуть на её танец.

Впрочем, всё чаще архидьякон выглядывал на улицу с иной целью — увидеть брата. Его всё ещё не оставляла надежда, что сорванец придёт и покается сам, и его можно будет, немного пожурив, простить. Клод прекрасно понимал, что к Жеану пора наконец применить серьёзные меры, но у него всё ещё рука не поднималась это сделать.

Но Жеан не появлялся у собора Богоматери. Он вообще почти не выходил из дома. Ранним утром, когда посетителей было мало и его не могли увидеть, он подрабатывал уборщиком в кабаке «Яблоко Евы», а всё остальное время валялся на кровати в своей каморке. За работу он получал жалкие гроши, которых ему едва хватало на хлеб. Но остаток денег Клода он так и не истратил, положив в укромное место. Он всё ещё боялся наведаться к брату, особенно после угроз Жоффруа, хотя и не особенно им поверил. Но у младшего Фролло неплохо работала интуиция, и сейчас она подсказывала, что визит к Клоду для него ничем хорошим не закончится.

Жеану было одиноко. Жоффруа после ссоры к нему больше не заглядывал, и он, хотя всё ещё сердился на приятеля, скучал по нему — кроме этого школяра и Робена Пуспена, у него не было больше друзей. С другими школярами из колледжа он не общался. Ссора с Жоффруа лишила его одного из последних друзей, и в таких нерадостных обстоятельствах это повергало Жеана в ещё большее уныние.

В один прекрасный день его одиночество было нарушено стуком в дверь. После раздражённого «Войдите, чёрт бы вас побрал!» на пороге показалась озорная мордашка Пуспена.

— Приветствую, дружище Жеан! Ты, смотрю, совсем перестал выходить из дома. Что случилось?

— Ничего! Просто настроение у меня плохое, — пробурчал Жеан, не желая делиться своими бедами.

— Ничего, сейчас мы это исправим! У меня для тебя подарок! — объявил Робен и достал из мешка большую флягу с вином.

У Жеана заблестели глаза — он уже почти неделю не пил спиртного. Впервые долгое время он оживился, достал скромную закуску — хлеб с сыром — и усадил товарища за стол.

Робен разлил вино по стаканам. Друзья разговорились. Жеан успел немного отвыкнуть от вина, и уже пара стаканов принесла ему лёгкость во всём теле и неумеренную болтливость. Поначалу не желавший откровенничать, он в конце концов рассказал приятелю про своё одиночество.

— Да, помнишь, какие были раньше времена, когда ты учился в колледже? — спрашивал Пуспен.
— Наверное, тогда тебе не было так одиноко.

— Да я бы не сказал...

— А помнишь, как мы раньше всей компанией отмечали праздники?

— Было отличное время, — подтвердил Жеан. И соврал, потому что учёба ему тогда давалась очень тяжело.

— А чем ты занимаешься? — продолжал допытываться Робен. — Нельзя же весь день сидеть дома!

Жеан ни одной живой душе никогда бы не признался, что он работает в кабаке за гроши, а уж тем более болтуну Пуспену. Поэтому он просто промолчал. К счастью, Робен давно не был в «Яблоке Евы» и не видел его в качестве уборщика.

Робен не стал задерживаться надолго — судя по его оговоркам, торопился к очередной возлюбленной. После его ухода Жеан снова с болезненной силой ощутил своё одиночество. Он долго сидел за пустым столом, разглядывая остатки убогого пира. А затем накинул плащ и отправился на Гревскую Площадь — в первый раз за долгое время.

Гренгуар и Эсмеральда крепко сдружились. Они могли часами болтать обо всём на свете: цыганка рассказывала истории о разных странах, где побывал их табор, поэт читал ей свои новые стихи. Теперь в репертуаре Эсмеральды была не одна, а уже полдюжины песен его авторства, и девушка не уставала благодарить его за это. И ничуть не лукавила — творчество Гренгуара действительно пользовалась успехом у публики.

Оказалось, поэт и сам неплохо поёт, и Эсмеральда теперь иногда выступала не под звуки бубна, а под его аккомпанемент. Вот и сегодня она снова исполняла танец босиком, в то время как Пьер нараспев декламировал балладу о прекрасной босой страннице, пережившей удивительные приключения в горах Андалузии (сочинённую, кстати, по мотивом рассказов о детстве цыганки).

Собирая плату у зрителей, они заметили Жеана, который давно уже не появлялся на площади. Вид у обычно жизнерадостного юноши был совсем хмурый и как будто даже усталый. Заметив, что на него смотрят, он скорчил недовольную гримасу и скрылся в толпе.

— Что это ним? — спросил поэт девушку.

— Не знаю, — пожала плечами та. Цыганка не была злопамятна, но общаться с человеком, который когда-то насмехался над ней, не хотела.

Задавать вопросы ему самому ни Пьер, ни Эсмеральда не стали. Они вернулись к выступлению, а школяр ещё долго молча нарезал круги по площади с тем же равнодушным видом. Лишь иногда он останавливался, чтобы полюбоваться на Эсмеральду, но скрывался из виду, как только она его замечала. Наконец он и вовсе ушёл.

Закончив с танцами, Эсмеральда спела пару новых песен. Потом они с Пьером снова демонстрировали умения Джали, в том числе и составление слов. В последнее время они всё чаще работали не по отдельности, а вместе, устраивая небольшой спектакль — у Гренгуара всё же был опыт постановщика.

Под конец Эсмеральда сказала поэту:

— Всё, у меня устали ноги. Босиком танцевать тяжело, хотя публике это нравится.

— Иди домой, отдохни, — предложил он. — Мы с Джали ещё немного поработаем.

Девушка поблагодарила его и направилась в сторону Двора Чудес. Оглянувшись в последний раз на своих друзей, она чуть не налетела на Клода Фролло. Он стоял неподвижно, как скала чёрного гранита, среди пёстрой весёлой толпы, и даже не заметил девушку, ища кого-то глазами. Лицо его было настолько мрачным, что она испугалась и поспешила уйти от него подальше.

Вернувшись в свою каморку, девушка первым делом растёрла ноющие ступни от пятки до пальцев. Затем она нагрела на очаге натасканную Пьером с утра воду, добавила немного ароматных трав и окунула в неё ноги.

Горячая вода приятно расслабляла, от отвара шёл ароматный пар. Болтая в воде ногами, девушка предавалась мечтаниям. Капитан Феб всё же иногда появлялся в её мыслях, хотя уже гораздо реже, чем раньше. Затем цыганка вспомнила и доброго горбуна. Она всё собиралась прийти к нему в гости, но никак не могла выбрать время. Может быть, строит навестить его завтра?..

Эсмеральда была не права, полагая, что Фролло её не заметил. Напротив, он внимательно наблюдал за её выступлением, хоть и не обнаруживал, против обыкновения, своего присутствия. Увидев, что Гренгуар остался один, Клод решительно направился к нему.

— Мэтр Гренгуар, если не ошибаюсь? — спросил он, незаметно подкравшись сзади.

Пьер подпрыгнул от неожиданности и замер, встретившись с ним взглядом. На мгновение он ощутил себя попавшей в мышеловку мышью, и даже Джали тихонько испуганно заблеяла, прижавшись к его коленям. Поэт кинулся спасать положение:

— О, учитель! Добрый вечер! Как поживаете? Сегодня чудесная погода, не правда ли?

— Как ты попал в общество цыганки? — прямо спросил архидьякон, продолжая сверлить взглядом бывшего ученика. — Эта ведьма тебя приворожила?

— Что вы, мы просто друзья! — замахал руками Гренгуар. — Она... очень помогла мне, когда я попал в крайне неприятное положение. Учитель, да я ей жизнью обязан! И теперь я помогаю ей показывать фокусы с Джали. Это самое меньшее, чем я могу её отблагодарить.

— Джали? Это ещё кто? — удивился священник.

— Её коза. Она очень умная! Вот, посмотрите! — Он наклонился и потрепал Джали по холке. — Не правда ли, прелестное создание?

— Ты клянешься, что не любишь её? — сурово спросил архидьякон.

— Я просто обожаю Джали, учитель! И она меня тоже!

— Я спросил тебя про цыганку!

— О, вот как? — озадачился поэт. — Клянусь, мне нечего скрывать. Мы очень дружны, но не более того. Да и Эсмеральда влюблена в другого...

— В кого? — моментально встрепенулся Клод.

Пьер промолчал. Ему не хотелось открывать тайну девушки мрачному Фролло.

— В одного весьма непорядочного человека, — наконец сказал поэт, посчитав, что эта формулировка достаточно уклончива.

— А как его зовут? Говори же!

Но больше Пьер не сказал ни слова. Странное волнение учителя и его нездоровый интерес к Эсмеральде насторожили поэта. Он знал, что Фролло не любит цыган, и твёрдо решил помешать ему причинить вред его очаровательной подруге.

Ничего не добившись от Гренгуара, архидьякон вернулся в собор. Все его мысли были заняты проклятиями капитану де Шатоперу. Хотя упрямый поэт и не назвал имени возлюбленного цыганки, Фролло почти не сомневался, что это именно проклятый франт в мундире.

Желая успокоиться, он решил заглянуть к воспитаннику на колокольню. Квазимодо, грустивший без выхода на улицу и особенно без общества Эсмеральды, кормил птиц. Обычно Фролло не обращал внимания на это развлечение, но сейчас такая идиллическая картина его разозлила.

— Прекрати тратить хлеб божий на этих тварей! — раздражённо потребовал он. — Птицы сами найдут себе пропитание.

— Но, отец, они голодные...

— Нет! — Клод отогнал звонаря от птичьего гнезда.

Не найдя успокоения и на колокольне, Фролло пошёл в келью. Квазимодо, проводив воспитателя озадаченным взглядом, снова загрустил. Из его головы всё не шла их последняя встреча с Эсмеральдой — пожалуй, самое яркое и радостное событие за всю его жизнь. Он всё ещё надеялся, что когда-нибудь им удастся пообщаться снова, и даже придумывал интересные истории про колокола, которые могли бы её развлечь.

ГЛАВА 15 Гостя в соборе

Клод Фролло всё больше погружался в алхимию. Это занятие было единственным, что могло отвлечь его и от мечтаний о прекрасной цыганке, и от горьких мыслей о брате. После вчерашней встречи с Гренгуаром ему стало ещё тяжелее. Священник был уверен, что возлюбленным плясуни стал именно капитан де Шатопер, которого он уже почти ненавидел, и был готов сделать всё, чтобы они с Эсмеральдой не были вместе. К тому же вчера в пылу раздражения Клод обидел Квазимодо, и теперь у него был ещё один повод для переживаний.

Ночью архидьякон так и не сомкнул глаз, а с раннего утра снова углубился в алхимию: сидел и смешивал разные вещества, порошки железа и свинца, надеясь, что когда-нибудь ему удастся получить золото. Это действительно увлекло его, и он ничего не видел и не слышал.

Квазимодо этим утром тоже проснулся рано. Он успел полюбоваться на рассвет над Парижем (жаль, Эсмеральда этого не видит!), позавтракать и скормить остатки хлеба птицам, пользуясь занятостью учителя.

Потом настало время звонить к заутрене. Он встал на перекладину колокола Гросс Мари и начал на ней раскачиваться. Колокол, словно неохотно пробуждающийся гигант, издал низкий басистый звон.

Но Квазимодо уже перепрыгнул на его менее внушительного соседа. Вскоре все пятнадцать его медных любимцев заливались неистовым звоном. Звонарь, всем телом ощущая подобную землетрясению дрожь, был счастлив.

— Громче, громче! — подбадривал он колокола, перебегая от одного к другому.

В это время на площади появилась Эсмеральда. Сегодня она была одна — Гренгуар, не на шутку увлечённый дрессировкой, снова занимался с Джали в каморке. Стоило Квазимодо заметить цыганку, как всё его внимание моментально переключилось на неё, и колокола смолкли.

Люди на площади подумали: «Опять горбун отлынивает».

Внезапно Эсмеральда, тоже заметив своего друга, помахала ему рукой и направилась в сторону собора. Радости горбуна не было предела — он снова увидит её и поговорит с ней!

Квазимодо бросился её встречать, но цыганка сама поднялась на колокольню. Архидьякон, всё ещё занятый своими опытами, её не заметил, так что им никто не помешал.

Звонарь был настолько счастлив принимать свою гостью, что даже смог обратиться к ней без обычного смущения:

— Здравствуй, Эсмеральда! Я очень рад тебя видеть. Точнее, мы все рады.

— Я тоже! — искренне улыбнулась она. — Как ты тут, не тоскуешь?

— Нет, я привык, — ответил Квазимодо. Ему не хотелось огорчать её, рассказывая о своём одиночестве. — Хотя по тебе всё же скучал.

Кажется, ей было приятно это слышать.

— А кого ты имел в виду, когда сказал: «Мы все рады?»

— Своих друзей, колокола, — совершенно серьёзно ответил звонарь. — Хочешь, я вас познакомлю?

— Конечно, с удовольствием!

И Квазимодо устроил ей настоящую экскурсию по своей вотчине. Каждый колокол он называл по имени, рассказывал о его «характере» и истории появления в соборе. Эсмеральда узнала, что Гильом, самый большой колокол в соборе, порой бывает нерасторопен, Тибо «ленится» и не поспевает за своим маленьким братом Паскье, а любимица Квазимодо — «толстая Мари», которая на все его слова отвечает едва слышным мелодичным звоном.

— Это просто необыкновенно! — искренне восхитилась девушка, когда знакомство было окончено.

— Я с детства их люблю, — сказал горбун. — Мне всегда нравилось слушать, как они звонят. А когда я сам стал звонарём, это превратилось в смысл моей жизни.

— Моё детство было нелёгким, — вздохнула цыганка, — но я находила утешение в танцах. Это занятие я люблю больше всего на свете.

— Я очень благодарен своему учителю, — заметил Квазимодо. — Он помог мне найти работу и призвание.

— А я своё призвание получила благодаря старой цыганке. Она заменила мне мать. Ну и Клопен, конечно, во многом помогал.

— Ты восхитительно танцуешь!

— Спасибо! Хочешь посмотреть?

Горбун радостно закивал, и Эсмеральда сделала несколько танцевальных движений. Квазимодо поклонился ей, причём довольно изящно для своего телосложения. Плясунья даже смутилась.

— Все называют меня прекрасной, — говорила она. — А я самая обычная девушка.

— Нет, ты необыкновенная!

Эсмеральда покраснела ещё больше. Квазимодо, чтобы не смущать её, поспешил показать ей площадь с высоты птичьего полёта. Знакомый вид напомнил девушке, что в это время она должна выступать.

— Ну всё, мне пора, — сказала она. — Не печалься, я ещё к тебе загляну. Твои медные друзья замечательные, но нельзя же разговаривать только с ними. — Я буду очень рад!

Квазимодо решил проводить гостью до выхода, чтобы защитить её в случае встречи с учителем. Однако Фролло всё ещё ставил опыты в своей келье, да и вообще в соборе было безлюдно. Эсмеральда даже смогла снова полюбоваться переливом витражей в розе.

Лишь у самого выхода они встретили священника Шарля. Девушка было испуганно сжалась, но он улыбнулся вполне дружелюбно:

— Добро пожаловать в собор! Да хранит вас Господь.

— Спасибо, — тихо поблагодарила его цыганка. — Вы же не рассердитесь на Квазимодо за то, что он привёл меня?

— Конечно, нет, дитя. Собор — это дом божий, и Господь всегда милостив к тем, кто к нему приходит. Я искренне рад видеть в храме девушку из цыганского племени. Если это посещение что-то тронет в твоей душе, ты всегда можешь обратиться ко мне.

Эсмеральда ещё раз поблагодарила его, порадовавшись, что, оказывается, не все священники такие, как Фролло, затем попрощалась с Квазимодо и побежала на площадь. Горбун ещё долго смотрел ей вслед.

Эсмеральда вернулась к танцам — после визитов к Квазимодо ей всегда было удивительно легко выступать, словно общение со звонарём, влюблённым в своё дело, и ей придавало вдохновения. Чуть позже подросли Гренгуар и Джали, уже готовые удивить публику новыми фокусами. И этот день у них удался просто на отлично.

Чего нельзя сказать о Жеане. Он так и сидел дома и за неимением других занятий сверлил взглядом облупившийся потолок. Несмотря на его попытки подработать, денег всё равно не хватало, и он понимал, что нужно идти к брату. Лучше всего было бы заявиться к нему завтра, на Пасху, когда у Клода не будет времени его отчитывать, но Жеан всё ещё трусил.

Поздно вечером к нему снова заглянул Робен Пуспен. Выпивку он на этот раз не принёс, но Жеан всё равно был рад встрече — хоть кто-то его не забывает!

— Здравствуй, дружище Жеан!

— Здравствуй, — отозвался тот. Получилось почему-то хрипло и еле слышно.

— Вот так раз, у тебя что, голос пропал? — удивился Робен, — Ну и неудивительно, молчишь всё время, не разговариваешь ни с кем! Знаешь, тебе надо куда-нибудь сходить. Например, на Гревскую площадь. Тогда твоя скука пройдет.

— Я там был уже много раз.

— Может, в кабак?

— Нет у меня денег! — отрезал Жеан. Он умолчал о своих скромных сбережениях, но и просить денег у Робена не стал — слишком боялся потерять последнего друга.

— Ну, как хочешь.

— Когда-нибудь сходим вместе, — пообещал Жеан. И решил завтра во что бы то ни стало попросить денег у брата. Ему и самому надоело жить такой монашеской жизнью!

Друзья распрощались, и Жеан снова остался в одиночестве. Он попытался настроиться на завтрашнюю встречу с братом, но страх не проходил. Почему-то казалось, что даже если Клод даст ему денег, то наверняка последний раз.

У Феба дела складывались не очень. После того скандала с цыганкой его невеста стала очень подозрительной и всё время требовала от него знаков внимания. Капитан, привыкший

безответственно относиться к словам, легко сыпал комплиментами, но постоянное повторение одного и того же начинало его утомлять.

А Флёр-де-Лис, казалось, специально выдумывала способы получить от него новую порцию заверений в любви. Уже полным ходом шёл пошив новых платьев для её приданого, и она заставляла Феба присутствовать при примерке. А потом, нарядившись в очередную обновку, всё время спрашивала:

— Дорогой, посмотри, какое платье! Как думаешь, мне идёт?

— Ты прекрасна в любом наряде, ангел мой! — говорил капитан. А про себя цинично думал, что девушку больше всего украшает не платье, а его отсутствие. Да и не обязан, в конце концов, brave офицер разбираться в каких-то тряпках!

В другой раз она показала ему новую вышивку:

— Дорогой, тебе нравится?

— Да, конечно. Ты у меня мастерица на все руки! — отвечал Феб, еле сдерживая зевоту.

Впрочем, самым большим его бедствием была даже не Флёр, девушка, в сущности, довольно покладистая. Но её подружки!.. Они совсем замучили капитана своими насмешками. «Ах, дорогой Феб, какой вы счастливчик! — говорила, кокетливо улыбаясь, шутница Диана. — Наша Флёр такая красавица! Будь я мужчиной, я бы тоже была от неё без ума! Вы же без ума от неё, да, прекрасный Феб?» Остальные девушки не отставали, не забывая при этом строить жениху подружки глазки. Обычно офицеру льстило женское внимание, но от этих благородных змеек он уже не знал, куда деваться.

Даже маленькая крестница Флёр доставляла капитану неприятности. Она требовала, чтобы Феб с ней играл, и он под пристальными взглядами невесты и её мамы не решался отказать, хотя совершенно не умел ладить с детьми. Иногда он думал о том, как будет учить фехтованию и верховой езде собственного сына, но не представлял себе, чем можно занять маленькую девочку. Поэтому за неимением лучшего приходилось терпеть, пока Беранжера заплетала ему косички, и держать на коленях её многочисленных кукол.

Но больше всего малышка раздражала Феба тем, что восхищалась Эсмеральдой и особенно её козочкой, не упуская случая вспомнить обеих. А Флёр-де-Лис, которую ему с таким трудом удавалось успокоить, при этом просто взрывалась. Феба каждый раз хотелось удушить мелкую пигалицу, когда, заметив плясунью с балкона, она принималась радостно кричать на всю гостиную:

— Крёстная, крёстная, смотри, вон та замечательная цыганочка с козой! Помнишь, как она была у нас в гостях?

— И вспоминать не хочу! — шипела Флёр и снова надувалась. Фебу под строгим взглядом госпожи Алоизы приходилось снова и снова её уговаривать, и с каждым разом это надо было делать всё дольше и дольше, прежде чем к девушке возвращалось хорошее настроение. Она что, нарочно над ним издевается?

В конце концов Феб всё же задумал встретиться с Эсмеральдой. Компания смазливых подруг Флёр и несносной девочки ему надоела, а хорошенькой плясунье пора отплатить ему за все мучения, которые он перенёс по её милости.

Эсмеральда в тот день возвращалась домой поздно. Проведя утро с Квазимодо, она была вынуждена навёрстывать упущенное и задержалась, хотя вовсе не жалела о потраченном времени. Беседы со звонарём нравились ей всё больше и больше, и она уже обдумывала, когда можно будет наведаться к нему ещё раз, как вдруг...

— О, Феб, как вы меня напугали!

Погружённая в свои мысли, она почти врезалась в капитана. Но он только улыбнулся, и Эсмеральда внезапно подумала, что улыбка у него хоть и красивая, но слишком уж самодовольная.

— Прошу прощения, моя радость, — промурлыкал Феб, приобнимая девушку за плечи. Этот жест вышел настолько хозяйским, что она почувствовала желание вырваться. — Но я так давно не видел вас, что просто не мог откладывать встречу. В качестве компенсации за ваш испуг я хочу пригласить вас на свидание. Вы не откажете мне?

— Но... я занята... — пробормотала цыганка, робко попытавшись освободиться из его захвата. Приглашение ей льстило, но вот взгляд кавалера почему-то пугал. — У меня много дел. Может, чуть позже?

— Чем же может быть занята такая красавица?

— Я... Я танцую, да! И это не просто моё любимое дело, с его помощью я зарабатываю себе на жизнь.

— Тогда, может быть, вы захотите потанцевать для меня? — тихо спросил капитан, на мгновение утратив свою франтоватость.

Эсмеральда хотела было напомнить ему, что не так давно она уже танцевала для его «родственников», и ничем хорошим это не закончилось, но... Феб, без сомнения, был очень опытен в покорении строптивых девиц и, увидев, что маленькая негодница упрямится, моментально надел маску беззаветно влюблённого, смиренно ждущего милости от предмета своих грёз. Но девушка не подозревала о его умениях и сейчас снова видела перед собой своего прекрасного спасителя. Исчезла его пугающая настойчивость и неприятное самодовольство, даже рука его теперь не стискивала её плечо, а касалась нежно, почти умоляюще. Все возражения мигом улетучились из её головы.

— Ну так что же, красавица? Вы согласны?

— Да, но где же? И когда? — спросила, сдаваясь, Эсмеральда.

— Я сниму комнату у старухи Фалурдель. У неё большой дом за мостом СенМишель, там нам будет очень удобно... побеседовать. Приходите завтра, в семь часов вечера.

— Я подумаю, — пробормотала девушка, высвобождаясь из его рук.

— Я буду ждать вас, мой ангел.

Эсмеральда помахала ему рукой и быстро скрылась в ближайшем переулке. Наверное, она должна была радоваться — такой красивый мужчина пригласил её на свидание, первое в её жизни! Но девушку отчего-то мучило плохое предчувствие, а она, выросшая в цыганском таборе, привыкла относиться к этому серьёзно.

Занятая такими размышлениями, Эсмеральда не заметила, как добралась до своей каморки. Гренгуар, не дождавшись её, уже спал на сундуке. Девушка тихо, чтобы не разбудить его, разделась и легла, но сон к ней не шёл. Она никак не могла перестать думать о том, как пройдёт завтрашнее свидание. На мгновение у неё даже мелькнула мысль вовсе не прийти, но она всё ещё любила своего солнечного рыцаря и не хотела его огорчать. Наконец Эсмеральда сумела убедить себя, что всё будет хорошо, и, обняв Джали, уснула.

ГЛАВА 16 Визит к брату

Пасха, Светлое Христово Воскресенье, в этом году прилась на погожий апрельский день. Для Эсмеральды и Гренгуара праздник означал уйму работы, но сейчас, пока благочестивые парижане слушали праздничную мессу, они могли позволить себе ещё немного отдохнуть.

За завтраком Эсмеральда выглядела слегка встревоженной, почти не поддерживала обычный застольный разговор и то и дело бросала на Пьера смущённые взгляды, как будто хотела что-то спросить, но не решалась. Он сначала не хотел тревожить подругу, решив, что её нервозность, как обычно, связана с Шатопером, но всё же это беспокойство явно было необычным. И когда Гренгуар всё же стал склоняться к мысли, что надо бы выяснить, в чём дело, Эсмеральда решилась заговорить сама:

— Знаешь, Пьер... я хочу тебе кое-что рассказать. — Поэт напрягся. — Я боюсь довериться кому-то ещё, но с тобой мне проще.

— Конечно, я слушаю тебя. — «Господи, только бы он её не обидел!»

— Ну так вот... — Девушка на мгновение замялась и вдруг выпалила: — Я тоже сочинила стихотворение! И очень хочу, чтобы ты послушал.

— Эсмеральда, это замечательно! — От облегчения Пьер чуть не рассмеялся. — Рассказывай скорее, мне очень интересно.

— Только если оно совсем плохое, ты мне не говори, хорошо? Просто промолчи, и я пойму.

— Я уверен, что оно очень красивое. Ну, говори же!

Цыганка начала читать по памяти то, что сочинила. В самом начале она нервничала и немного запинаясь, но под конец успокоилась и даже вошла в роль. Она рассказывала о весне, о тёплом южном ветре, распускающихся цветах, трепетном ожидании и надежде на лучшее, и каждое её слово дышало светом и радостью. Пьер, конечно же, ни за что не стал бы её ругать — он всё ещё помнил свои первые неуклюжие поэтические опыты и обидный смех однокашников, перед которыми он пытался выступать. Однако сочинение Эсмеральды, несмотря на приблизительную рифму и не везде соблюденный размер, было приятно на слух и содержало довольно интересные мысли.

— Очень хорошо получилось, — абсолютно искренне сказал поэт, когда девушка закончила и смущённо взглянула на него в ожидании отклика. — Вечером, когда вернёмся, запишем его, и я покажу пару мест, где можно было бы выразиться лучше. Но у тебя есть талант, и если ты будешь практиковаться, то скоро мои услуги сочинителя песен будут тебе уже не нужны.

Эсмеральда просияла:

— Спасибо, Пьер, ты лучший! Но у меня никогда не получится так красиво, как у тебя, поэтому ты мне ещё понадобишься. — Она вскочила и затанцевала по комнатухе, как всегда, когда чему-то радовалась. — И ты прав, нам уже пора выходить! Найди ошейник Джали, я мигом переоденусь.

Уже по дороге на площадь она заметила:

— Надеюсь, сегодня не будет этого ужасного чёрного попа! Я не хочу, чтобы в такой чудесный день он испортил мне настроение.

— Кстати, давно хотел тебе сказать! — оживился Гренгуар. — Я заметил, что Фролло в последнее время очень зол. Всякий раз, когда я его вижу, он не в духе, особенно когда смотрит на тебя. Мне даже начинает казаться, что мой учитель и есть тот человек, который пытался тебя похитить.

О недавнем разговоре со священником поэт умолчал.

— Ты думаешь? — Девушка слегка поёжилась. — Хотя я не удивлена. Он очень злой человек, от него надо держаться подальше.

— Я бы всё же не назвал его злым, — заметил Пьер. — Когда я учился, он проявлял ко мне снисходительность, да и потом помогал. Но тебе всё же действительно лучше пореже попадаться ему на глаза.

Клод Фролло был преисполнен надежд. С утра он проведal Квазимодо и с радостью убедился, что воспитанник на него не сердится. А затем снова поспешил в свою келью — буквально вчера он прочитал о новом способе получения золота, и теперь архидьякону не терпелось его опробовать. Мессу сегодня по случаю Пасхи служит сам епископ, а он может побыть у себя и заняться любимым делом. Фролло так торопился начать эксперимент, что даже забыл запереть дверь на ключ.

Старинная книга на латыни лежала на его столе, уже раскрытая на нужной странице. Ещё раз для верности перечитав указания, Клод порылся в своих запасах и извлёк на свет несколько склянок с какими-то порошками. Из каждой он взял некоторое количество содержимого, дотошно отмеряя его с помощью весов с гирьками, а затем смешал всё в большой стеклянной ёмкости и развёл водой. Порошки не растворились до конца, образовав зловещую на вид чёрную жидкость с белёсым осадком.

Тщательно размешав смесь, Клод перелил её железную чашу и поставил на заранее зажжённый очаг, продолжая помешивать. На его обычно бесстрастном лице в эту минуту отражалось страшное волнение.

Состав постепенно густел, пока наконец перемешивать его не стало трудно. Фролло отложил специальный пестик и стал просто наблюдать. Внезапно всё вспыхнуло зеленоватым от соединений меди пламенем, и лицо архидьякона озарилось радостным предвкушением.

— Всё идет как надо, — подбодрил он себя, ещё раз заглянув в уже почти выученную наизусть книгу. — Когда догорит, будет золото.

Состав горел недолго. Когда пламя погасло, Фролло снял чашу с огня и осторожно заглянул внутрь. На самом дне слегка поблёскивал бесформенный угольно-чёрный комок и немного медных крупинок.

— Блестит. Но не золото, — упавшим голосом прошептал Клод, отказываясь верить, что и этот опыт окончился провалом. — Может, надо промыть?

Он осторожно переложил результат своих трудов в стеклянный сосуд, намешал из своих препаратов специальный очищающий состав и залил туда же. Медь осела, а чёрная масса раскололась и в виде порошка всплыла на поверхность.

— Чёрт, это уже никуда не годится!

Фролло в ярости выплеснул жидкость в окно (хотя выбрасывать медь всё же не стал) и обессиленно рухнул на стул.

— И опять ничего не получилось! Господи, ну что, что я делаю не так?!

И он снова принялся терзать несчастную книгу, словно надеясь выпытать у неё ответ. Но книга больше ничего не могла ему подсказать, и Фролло всё больше погружался в отчаяние. Настроение, ещё недавно приподнятое, было безнадежно испорчено.

Жеан и это погожее утро снова провёл в своей каморке. Работать сегодня в кабаке он не пошёл — страх перед встречей с Клодом начисто отбил у него желание вообще выходить на улицу. Но из-за этого завтракать ему пришлось чудом завалявшейся в его логове горбушкой чёрствого хлеба. Больше никакой еды не было, не говоря уж о вине, и это был самый действенный аргумент в пользу того, что к брату всё же надо пойти.

Он оделся как можно аккуратнее и пригладил волосы, стараясь хоть немного походить на примерного студента, которым его хотел видеть брат. Но в висящем на стене осколке зеркала по-прежнему отражался плут и неудачник — Жеан с огорчением заметил, как побледнело его некогда румяное лицо, как заострились черты. Вообще вид у него был такой помятый, будто он проспал всю ночь на голой земле, как иногда после очередной попойки, а под глазами залегли тени. Теперь он точно получит лишнюю порцию наставлений от братца! Жеан показал язык своему отражению и нехотя побрёл в собор. Остаток своих сбережений он взял с собой, решив после зайти в кабаке, чем бы разговор ни закончился. Если Клод даст денег — пойдёт отмечать, если нет — заливать горе дешёвым вином.

Уже на площади он случайно столкнулся с Фебом. Тот быстрым шагом удалялся от дома своей невесты, бормоча под нос самые изощрённые ругательства. У обычно самодовольного офицера был настолько кислый вид, что даже у эгоиста Жеана на мгновение мелькнула мысль предложить ему помощь.

— Здравствуй, капитан... — начал было Жеан.

— Мне не до тебя, иди куда шёл! — злобно прошипел Феб, едва взглянув в его сторону.

— Нуу, дружище, это совсем не по-товарищески! Если ты поссорился со своей наречённой, это ещё не повод на остальных кидаться, — весело укорил его Жеан. Судить о чужих проблемах было куда легче и приятнее, нежели решать собственные. — Предлагаю развеять скуку и сходить в кабаке. Только подожди немного, я забегу к брату за деньгами.

При упоминании о кабаке капитан смягчился:

— Ну хорошо, глоток вина мне сейчас точно не помешает! Беги к своему брату, только быстро.

Капитан остался ждать, а Жеан снова поплёлся к собору.

Подъём по лестнице в этот раз показался ему особенно утомительным. Добравшись до входа в келью, он остановился, чтобы отдышаться, и с удивлением заметил, что дверь слегка приоткрыта.

Это было совсем непохоже на Клода — он терпеть не мог, когда его отвлекали, и обычно запирался на ключ. Юноша осторожно подобрался к двери, из-за которой доносился звук торопливых шагов и тихое бормотание, и заглянул в щёлку.

Открывшаяся картина стоила его внимания. Фролло-старший, которого Жеан привык видеть спокойным и сосредоточенным, метался по маленькой комнатке, стискивая в руках какую-то жутко древнюю на вид книгу и бормоча себе под нос — то тише, то громче. Прислушавшись, Жеан различил:

— Хотел бы я знать, почему люди всё ещё не могут найти философский камень! Что в этом сложного? Казалось бы, над решением этой загадки бились многие великие умы, описаны сотни способов... А неудача постигает меня снова и снова.

«Кто о чём, а братец об алхимии» — подумал Жеан и хотел было прервать скучный монолог, но тут Клод перешёл к более интересной теме:

— Слышал я, что есть такие женские имена... Если их произнести во время опыта, то всё получится. Такое имя должно быть красивым и певучим. София, Пенелопа, Эсмераль... О нет, снова! Эта цыганка сведёт меня с ума!

В это время, как по заказу, с площади донеслись звуки бубна. Фролло метнулся к окну и замер, пожирая глазами невидимую Жеану плясунью. Сам юноша тоже застыл, боясь даже пошевелиться. От каменной стены, к которой ему пришлось прижаться, уже заledenел бок, но спектакль того стоил. Подумать только, влюблённый Клод — такого он никогда и не думал увидеть!

Когда звон бубна смолк, архидьякон пробормотал что-то совсем тихо и зашарил по заваленному инструментами столу. Наконец он извлёк из груды алхимического барахла циркуль и написал на стене большими буквами:

«АМАГКН»

Жеан никогда не был примерным студентом, но даже он знал, что это греческое слово означат «рок, судьба».

Священник упал на стул, уронив книгу на колени, и замер, прикрыв глаза. Он был так бледен, что со стороны его можно было даже принять за мёртвого.

«Да он не в своём уме!» — решил Жеан. Он даже подумал, не лучше ли прийти в другой раз, но вспомнил о ждущем его внизу Фебе и наконец постучался.

— Войдите! — раздался хриплый усталый голос. Когда юноша, нацепив на лицо самое умоляющее выражение, пробрался в келью, Клод открыл глаза и даже вздрогнул от изумления:

— Это ты, Жеан? Как некстати...

— Ты ждёшь кого-то ещё, братец?

— Это не твоё дело. Зачем ты снова ко мне пришёл? Только не говори, что за деньгами.

Жеан призвал на помощь все свои лицедейские способности.

— Понимаешь, Клод... Я все деньги истратил на учёбу. Мне даже нечего есть...

На лице архидьякона внезапно промелькнула такая ехидная улыбка, что брат даже запнулся. А тот вернул своё обычное бесстрастное выражение лица и заявил:

— Ну что ж, сейчас проверим. Какое последнее сочинение Горация ты прочёл? Что ты можешь процитировать из Аристотеля? А из Сократа?

Жеан замялся.

— Ты тунеедец! — закричал вдруг Клод, страшно сверкая глазами. — Мне давно известно, что тебя отчислили! Я надеялся, что у тебя осталось хоть немного совести, чтобы прийти и покаяться самому. Но я снова жестоко ошибся...

— Отк-куда... Откуда т-ты знаешь? — Голос Жеана дрожал.

— Ты забыл, что ректор колледжа Торши учился со мной на одном курсе? Впрочем, это не так уж важно. Довольно и того, что теперь я знаю, что вместо брата воспитал лжеца и распутника, который целые дни проводит в кабаке! И ты очень ошибаешься, если полагаешь, что тебе снова всё сойдёт с рук.

— Прости меня, братец! Я...

— Ты так ничего и не понял... — тихо вздохнул Клод, и от боли в его голосе пробрало даже занятого собственными страданиями Жеана. — Впрочем, — тут же вернулся он к прежнему тону, — это продлится недолго. Я твёрдо решил заняться твоим воспитанием.

Жеану стало по-настоящему страшно. Если раньше он получал нравоучения Клода раз в пару месяцев и считал, что этого ему вполне хватает, то теперь что же, придётся слушать проповеди каждый день?

— Ещё никому и никогда не удавалось скрыть свои дурные поступки! — Клод, кажется, решил не откладывать дело в долгий ящик. — Тайное всегда становится явным, ложь бывает раскрыта, а преступник несёт наказание.

Надеюсь, хотя бы этот урок ты выучишь. И да, денег я тебе больше не дам, ни единого су. Буду сам покупать еду, одежду и книги.

Жеан лихорадочно искал хоть что-то, что могло бы отвлечь брата. На глаза ему попалась надпись, только что сделанная Клодом.

— Скажи, зачем ты пишешь по-гречески? Это вычурно и старомодно. Ведь проще написать на латыни...

— А тебе какое дело? Впрочем, скоро мы сможем подискутировать по этому вопросу. С завтрашнего дня я буду приходить к тебе каждое утро и давать уроки. Если учиться в колледже ты не можешь, я выучу тебя сам.

Жеан понял, что здорово влип.

В это время на лестнице раздались шаги и чьё-то тяжёлое дыхание вперемешку с проклятиями тому, кто строил эту «чёртову башню». Клод подпрыгнул, словно ужаленный, и схватил Жеана за рукав:

— Живо спрячься и не мешай мне! Ослушаешься — я выпорю тебя.

Выражение его лица не оставляло сомнений, что именно так он и сделает. Жеан послушно юркнул в щель между громадным сундуком и каменной стеной, но всё же не удержался, чтобы не оставить себе щёлочку для наблюдения.

В келью вошел человек в чёрном одеянии...

ГЛАВА 17 Судья и священник

Пока Клод отчитывал Жеана, Эсмеральда, как обычно, выступала на площади. Сегодня день удался на славу. Гренгуар то и дело хвалил Джали за хорошее выполнение фокусов и давал ей угощение. Девушка даже пошутила, что если козочка и дальше будет делать такие успехи, то они истратят на яблоки всё, что зарабатывают.

Впрочем, сегодня цыганка была не очень расположена к веселью. Всякий раз, когда на соборной башне били часы, она вздыхала, вспоминая, что у неё сегодня свидание. А она ещё не придумала, как незаметно улизнуть от чересчур заботливого Гренгуара.

Ей помогла случайность — задумавшись, девушка оступилась в танце и чуть не упала. Пьер тут же оказался рядом:

— Ты не ушиблась?

— Нет, всё в порядке. Хотя... — Она немного прошлась, демонстративно прихрамывая. — Нога немного болит.

— Тогда тебе не следует больше танцевать! — решительно заявил Пьер. — Иди домой, отдохни. Тебя проводить?

— Нет, продолжайте выступать. Я дойду сама.

Эсмеральда ушла, оставив Гренгуара и Джали развлекать публику. Поэт ничего не заподозрил.

Вернувшись в каморку, цыганка, как всегда, сделала ванночку для ног с ароматными травами. Затем хорошенько умыла лицо, нашла в сундуке платье поновее и принялась переплетать волосы. Недавно пробило пять, до свидания с Фебом оставалось всего два часа. Ей хотелось отвлечься, наряжаясь, но в груди всё равно ныло такое-то нехорошее предчувствие.

Гостем архидьякона оказался королевский прокурор Жак Шармолю. Жеан, прятаясь за сундуком, его знал — тот был давним знакомым Клода. Кажется, сблизились они именно из-за интереса к алхимии.

— Здравствуйте, мэтр Жак!

— И вам того же, мэтр Клод.

Жак занял второй стул — более удобной мебели в келье Фролло не водилось — и поинтересовался:

— Как у вас идут дела с получением золота?

— Плохо. Получается какая-то чёрная масса, — со вздохом признался Фролло.

— И у меня. То пепел, то твёрдые кусочки вроде камней...

— Очень жаль. А как ваши судебские заботы?

Прокурор мгновенно оживился:

— О, тут всё замечательно! Вот недавно поймали подозреваемого в колдовстве, некоего Марка Сенена. Вроде бы почтенный человек, казначей, а что выяснилось!.. При обыске у него нашли очень интересные предметы. Вот, я вам покажу...

Жак вытащил из мешка, который принёс с собой, огромный лист пергамента и протянул священнику:

— Взгляните, мэтр Клод.

— Что это?

— Пока не знаю, — с важностью ответил прокурор. — Тут какой-то шифр. Может, вам удастся его разгадать?

Фролло впился глазами в пергамент.

— Совсем ничего не понятно, — наконец произнёс он с досадой. — Мне ещё никогда не приходилось видеть такие странные письма... Оставьте это мне, мэтр Жак, я попробую поискать ключ на досуге. Если, конечно, эта улика не нужна вам в суде.

— Не беспокойтесь, я велел сделать копию. Но это ещё не все сюрпризы, уважаемый мэтр!

Шармолу достал из мешка нечто круглое, похожее на небольшой котелок.

— Это алхимический тигель, честные люди такого дома не держат, — сказал Жак. — Он наверняка варит в нём какие-то зелья.

— Да, весомые доказательства, — подтвердил Клод.

— Уж поверьте мне, он будет арестован.

— Не сомневаюсь. Все колдуны должны понести наказание.

— Кстати, мэтр Клод! Помните, вы жаловались мне на цыганку Эсмеральду, которая пляшет перед собором? Мы вполне можем арестовать и её и провести по этому делу двух колдунов. Так будет даже удобнее...

Фролло внезапно побледнел и даже, как показалось Жеану, испугался:

— Пока не стоит, занимайтесь Марком. У вас же есть все доказательства. А цыганка никуда не денется. Пляски у неё, точно, бесовские, но убить она ещё никого не пыталась.

Жак с ним согласился.

— И у меня к вам ещё одна большая просьба, отец Клод. Вы знаете, что я интересуюсь архитектурой, и мне давно хотелось осмотреть собор, все его закоулки и фрески. Думаю, никто не сможет помочь мне в этом лучше вас.

— Конечно, пойдёмте.

Они удалились. Жеан наконец-то вылез из-за сундука, ругаясь и стряхивая с себя паутину. Он выглянул из-за двери, убедился, что любители алхимии уже ушли, и бегом припустил вниз по лестнице, надеясь, что Феб его всё же дожждётся. По пути он чуть не попался на глаза Жаку и Клоду, которые взахлёб обсуждали какую-то древнюю фреску, но вовремя остановился и прокрался мимо них на цыпочках. Только когда его нога ступила на парижскую мостовую, он смог вздохнуть свободно.

Было уже около шести, и Жеан почти не надеялся обнаружить в условленном месте своего приятеля, но, к его радости, Феб стоял там же, где они расстались. Правда, за время отсутствия Жеана он успел вернуться к Флёр и получить от неё новую порцию упрёков, после чего решил, что общество бывшего школяра его устраивает больше, и вернулся на пост буквально за четверть часа до него самого.

— И снова здравствуй, дружище Феб!

Имя «Феб» достигло ушей архидьякона, который уже показывал Шармолю резьбу перед входом в собор. Фролло тут же попрощался с изумлённым прокурором, пообещав, что они закончат осмотр в следующий раз, и подкрался к болтающим приятелям.

— Достал денег? — спросил капитан. После беседы с невестой его желание выпить только усилилось.

— Нет, но у меня есть сбережения, — сказал Жеан и помахал в воздухе почти пустым кошельком брата.

— Что-то мало!

— Ничего, нам хватит.

Где-то на другом конце площади послышалась мелкая дробь то ли барабана, то ли бубна. Капитан забеспокоился:

— Пойдем отсюда! Ещё не хватало, чтобы меня увидела цыганка.

— Какая цыганка?

— Да та, что с бубном пляшет, Смеральда или как её там. У нас сегодня свидание! — Феб никогда не упускал случая похвалиться своими амурными похождениями. — Если она сейчас со мной заговорит, а это увидит моя невеста или её матушка, то мне, ей-богу, проще будет сразу утопиться!

— И где ты там цыганку увидел? Это Гренгуар, шут гороховый!

И правда, плясуньи было не видно. Это Пьер выдумал новую забаву, научив Джали отстукивать ритм на маленьком барабане.

— Всё равно давай поторопимся, — не унимался капитан. — Я велел малютке прийти к дому Фалурдель в семь, так что у нас чуть больше часа, чтобы выпить.

— Час так час, — пожал плечами Жеан. — А куда пойдём?

— Как всегда, в «Яблоко Евы»?

— Нет, не надо! — испуганно воскликнул младший Фролло. — Я знаю другое местечко, там недалеко...

В другое время архидьякон давно бы уже налетел на мелкого негодника, отобрал кошель и увёл с собой, но сейчас он думал совершенно о другом. Как, Эсмеральда, *его* Эсмеральда, идёт на свидание с этим... офицером?! Нет, он не может этого допустить. И этот павлин в мундире ещё пожалеет, что посмел взглянуть на неё!

Пока Жеан с Фебом препирались из-за кабачка, Фролло вернулся в собор, накинул поверх сутаны широкий плащ, скрывающий его фигуру (и купленный как раз для похищения Эсмеральды). Потом, подумав, взял большую дубину и привязал к сутане под плащом, жалея, что больше ничего, более или менее годящегося на роль оружия, у него нет. Он успел вернуться как раз в тот момент, когда приятели, наконец договорившись, направились в сторону Университетского квартала, и как можно незаметнее последовал за ними.

ГЛАВА 18 Старый кабак

Жеан и Феб шли по Университетскому кварталу, обмениваясь пошлыми шутками, смеясь и не замечая тенью следующего за ними Клода. Приятели прошли мимо «Яблока Евы» и вскоре остановились перед развалюхой, больше похожей на сарай. На ржавой вывеске с трудом можно было разобрать название — «Старая наука», и надо признать, что слово «старая» описывала это заведение как нельзя лучше: гнилые доски, покосившаяся крыша, кое-как затянутое промасленным холстом окно...

— Всё, мы пришли! — торжественно провозгласил Жеан.

Уж на что у Феба не было вкуса, но даже он возмутился:

— Куда ты меня привёл? Это даже не кабак, а ночлежка какая-то!

— Зато тут дешевле! — заявил бывший школяр. — Сам посуди: за мои деньги мы могли бы позволить себе в «Яблоке Евы» только одну бутылку, а здесь сможем взять целых три! Здорово, да?

Такой довод убедил капитана, и они вошли внутрь. Чёрная фигура, сопровождавшая их от самой соборной площади, притаилась за углом.

Внутри заведение оказалось ещё более убогим, чем снаружи. Несмотря на побитые окна, из-за которых в помещении гулял жуткий сквозняк, там стоял запах сырости и гнили (Феб только вздохнул, вспомнив, как пахло вином и жареным мясом в «Яблоке Евы»). В крохотном зале помещалось только два грубо сколоченных стола.

Жеан и Феб взяли немного вина с парой кусочков хлеба — на большее Жеановых грошей не хватило — и заняли один стол. Больше, кроме них, посетителей не было.

— Что у тебя нового, капитан? — поинтересовался Жеан, разливая вино.

— Ничего, служба. Но от невесты нет покою. После того, как... ну, в общем, одного случая она стала такая капризная, просто сил нет!

— И поэтому ты сегодня идёшь на свидание?

— Вовсе нет. Просто не хочу менять свой образ жизни из-за какой-то свадьбы!

— Ну ты и хитрец! — фыркнул Жеан. — Будь я девушкой, бежал бы от тебя со всех ног!

— Они глупые, — доверительно сообщил Феб, обрадовавшись, что можно кому-то выговориться. — Скажешь любой: «Ах, ангел мой, вы прекраснее всех! Я умру ради одного вашего поцелуя!» — и всё, она сделает для тебя что угодно. Так выпьем же за то, чтобы девушки внезапно не поумнели!

Приятели выпили и закусили хлебом.

Внезапно дверь с жутким скрипом отворилась, и в кабак вошли ещё два человека. Жеан сразу узнал Робена и Жоффруа. Оказывается, пока он работал в «Яблоке Евы», они ходили сюда.

— Привет, Жеан! — с порога крикнул Пуспен и подошёл к их столику, чтобы пожать другу руку.

Жоффруа молчал.

— Ну, здравствуй, Робен, — ответил Жеан, демонстративно отворачиваясь от его спутника.

— А кто это с тобой? Ба, да это же капитан де Шатопер!

Феб поприветствовал знакомого кивком головы, и Робен ушёл к другому столу, откуда уже звал его успевший заказать вино Жоффруа.

Вскоре у Жеана и Феба закончилось вино, и офицер стал подталкивать собутыльника локтем.

— Это же твои приятели? Попроси у них денег. Уж очень выпить хочется!

Жеану тоже хотелось. Но он боялся просить у Пуспена, своего единственного друга, и поэтому обратился к Жоффруа:

— Не дашь ли мне немного в долг?

Тот взглянул на него сквозь стёкла очков так, словно Жеан одной попыткой заговорить нанёс ему страшное оскорбление, но всё же процедил сквозь зубы:

— Ты не дал мне денег на учёбу, а я должен дать тебе свои, чтобы ты их пропил? Пьяница!

— А ты разве нет? — опешил Жеан.

— Я тут бываю редко, когда нужно отвести душу. После экзамена или чего-то такого, — снисходительно пояснил Жоффруа. — А ты без бутылки и дня прожить не можешь!

Бывший школяр хотел было возмутиться, что в последние две недели даже глотка не сделал (пусть и не по своей воле), но тут Робен вынул из своего кошелька целую горсть монет и швырнул на стол со словами:

— На, возьми, от души даю!

Жеан был поражён таким поступком.

— Спасибо, я верну...

— Да брось, мы же друзья!

У Жеана, с непривычки уже захмелевшего, от такого подарка вмиг поднялось настроение. Он сгрёб в объятия слегка ошалевшего Робена, ссыпал в ладонь монеты и направился искать хозяина, напевая по дороге какую-то странную песенку про двух подравшихся в кабаке пьяниц. Жоффруа, глядя ему вслед, брезгливо поморщился.

— Пожалуй, нам пора, — заявил он Робену и увёл его чуть ли не силой.

Жеан тем временем заказал ещё вина, хлеба и даже колбасы. Впрочем, даже такая закуска уже его не спасала. Он то снова принимался петь, то жаловался на брата, то цитировал кого-то на латыни. Феб смотрел на него с лёгкой жалостью:

— Эй, дружище, а не хватит ли тебе? Ты и так уже пьян.

— Ну к-какая р-разница? — пробормотал тот заплетающимся языком. — Это ж-же у тебя с-сегодня сви... сви-да-ни-е! А я могу пить сколько з-захочу!

— Точно, свидание! Чёрт, так я же уже опаздываю! — Капитан вскочил и принялся поспешно прикреплять к поясу шпагу.

Он и не подозревал, что притаившийся за дверью Фролло услышал из их разговора всё, что ему было нужно, и в его голове уже оформился план мести.

Услышав нетвёрдые шаги, Клод отошёл подальше от горящего перед входом фонаря и совершенно слился с тенью. Первым вышел Феб, за ним поплелся совершенно пьяный Жеан. С помощью приятеля юнец кое-как спустился с крыльца, чтобы тут же споткнуться о камень и рухнуть прямо на кучу объедков. Капитан нагнулся было к нему, но тут же, услышав, как вдалеке бьёт колокол, выругался и пошёл дальше, бормоча:

— Не в луже лежишь, и хватит с тебя! Может, кто-нибудь сжалится и подберёт, а мне пора.

Жеан, судя по всему, был с ним вполне согласен и уже сладко храпел. А Клод последовал за Фебом.

На одном из поворотов, когда священник потерял осторожность, Шатопер его всё же заметил и инстинктивно схватился за эфес шпаги, но тут же успокоился.

«Да кому я нужен, если у меня нет ни единой монетки!» — подумал капитан и пошёл было дальше, но тут сзади донёсся замогильный голос:

— Стойте, капитан Феб де Шатопер!

Чёрт, а вот это уже не шутки!

— Кто вы такой? И откуда знаете моё имя?

— Я знаю всё. И даже то, что у вас назначено свидание. С цыганкой. Это верно?

— Да! Её, кажется, Смаральда зовут... или Симиляр... Хотя какая разница?

— Вы лжёте! — взорвался Фролло.

— Да как вы смеете?! Я вызываю вас на дуэль!

— Можете доказать то, что говорите?

Капитан обнажил шпагу.

— Вот моё доказательство! Перестаньте прятаться под плащом, презренный трус, и ответьте, как подобает мужчине!

Чёрная фигура дёрнулась было навстречу, но тут же замерла и произнесла почти спокойным, но чуть хриплым голосом:

— Не стоит. Идите на свидание.

Феб понял, что это его шанс:

— В таком случае, сударь, кем бы вы ни были, вам придётся откупиться! Для свидания мне нужно снять комнату у одной старой карги. Она не поверит мне в долг, а у меня при себе нет даже паршивого медяка! Дадите мне су — я пойду на свидание. Нет — мы будем драться!

— Держите!

На мостовую со звоном упала монета, и капитан, как последний попрошайка, тут же кинулся её поднимать.

— Но с одним условием! — продолжил священник. — Вы должны позволить мне поприсутствовать на этом свидании. Я хочу знать точно, та ли это девушка.

— Ну, это пустяк! — обрадовался Феб. — Я сниму комнату с кладовкой. Оттуда через щель в двери вам всё будет видно.

— На том и договорились. Проводите меня.

— Идёмте.

Конечно, капитан был рад получить деньги и давно растерял остатки стеснительности, но всё же положение, в которое он попал, не очень-то ему нравилось. Будь он уверен, что за ним наблюдает обычный мужчина, он бы ничуть не опасался и, напротив, воспринял бы это как повод похвастаться своим мастерством любовника. Но вот человек-призрак всё же внушал ему страх. Хотя неизвестно, не испугался ли бы он ещё больше, если бы узнал, что под чёрным плащом скрывается архидьякон собора Богоматери...

ГЛАВА 19 Свидание

Шатопер привёл своего таинственного спутника в большой, но старый дом, такой же облупленный и убогий, как и кабак, который офицер недавно покинул.

На стук сначала никто не отозвался. Когда Феб, не переставая сквернословить, несколько раз ударил в дверь сапогом, та наконец отворилась, пропустив посетителей в небольшую комнатку с плохо побелёнными стенами. Возле небольшого покосившегося стола застыла закутанная в дырявый платок старуха с грязными седыми волосами. Волосы росли даже на лице, придавая ему сходство с кошачьей мордой. При виде капитана старуха радостно осклабилась, как будто увидела старого знакомого.

— Я хочу снять комнату с кладовкой! — заявил Феб и бросил сводне полученную от священника монету. Та положила её в ящик стола и, захватив лампу, проводила своих гостей вверх по лестнице.

Место для свиданий оказалось не больно-то романтичным — это была небольшая комнатка, в которой из мебели находились только стол, сундук и довольно узкая кровать. Всё это «великолепие» должно было освещаться небольшим окном над кроватью, но оно было настолько грязным и пропускало столь мало лунного света, что старухе пришлось оставить лампу.

Пока внизу никого не было, оборванный мальчишка, который до этого сидел в углу и возился в золе, достал монету из ящика и, очень довольный, спрятал её между камнями очага. А вместо этого положил в ящик сухой лист, оторванный от веника, и как ни в чём не бывало уселся обратно.

Когда хозяйка ушла, Феб открыл, хотя и не без труда, дверь кладовки и жестом пригласил туда своего спутника:

— Устраивайтесь, сударь, а мне надо сбегать за красавицей.

Чёрная фигура скользнула внутрь. Капитан всё же не совсем доверял этому человеку-призраку и, прежде чем уйти, всё-таки запер дверь кладовки на задвижку. После этого он сразу почувствовал себя уверенней и отправился встречать цыганочку.

Он столкнулся с Эсмеральдой и её козочкой возле моста Сен-Мишель.

— Хорошо, что вы пришли вовремя, моя прелесть, я не люблю ждать, — сказал капитан вместо приветствия. — Пойдёмте.

Девушка только смущённо кивнула.

На это ушло не больше четверти часа, но Фролло они показались вечностью. Он кое-как скрючился в тесной каморке, в которой даже не мог выпрямиться во весь рост. Грубые неполированные доски с торчащими гвоздями уже успели наделать прорех в его плаще и сутане, под ногами хрустели осколки битого стекла, а от скопившейся здесь пыли он несколько минут безостановочно чихал. Но даже большие неудобства не заставили бы его сейчас покинуть пост.

Наконец дверь в комнату открылась, и на пороге появился донельзя довольный капитан, а вслед за ним неуверенно вошла Эсмеральда. Она была прекрасна, как всегда, так что у священника тоскливо заныло сердце, но почему-то выглядела грустной и озабоченной. Капитан этого не замечал и только самодовольно крутил усы.

Девушка села рядом с Фебом на большой сундук, но всё же постаралась отодвинуться подальше от него. В свете тусклой лампы было видно, как она растерянно тербит складки платья. Возле её ног примостилась хорошенькая беленькая козочка.

Феб не намерен был долго ждать:

— Я рад, что вы всё-таки решились навестить меня, прекрасная Симиляр!

Девушка едва заметно поморщилась, услышав своё исковерканное имя, но тут же улыбнулась:

— Я тоже очень рада вас видеть, дорогой Феб. Ещё раз вас благодарю за тот великодушный поступок. Вы спасли меня, и я этого не забуду.

Улыбка на его лице стала совсем уж самодовольной:

— Не стоит благодарности, ангел мой. Но я был бы счастлив получить от вас хоть один поцелуй...

На этих словах девушка внезапно выпрямилась, сложив руки на груди, а на её пылающем личике отразилась решимость.

— Милый Феб, я люблю вас. Но... мы не можем быть вместе.

— Почему же? Я ведь тоже вас люблю, и мы могли бы...

— У вас есть невеста. Я вижу, как она вас любит, и не хочу снова причинить ей боль. Будьте счастливы, Феб. Я навсегда сохраню ваш образ в своём сердце и надеюсь, что и вы иногда будете вспоминать меня.

У священника защемило в груди от этих слов. Капитан, чуть ли не в первые в жизни столкнувшийся с отказом, озадаченно молчал.

— Но я люблю вас, ангел мой! — наконец изрёк он. — И вы любите меня тоже. Так почему бы нам не быть вместе?

— Нет, Феб! Это будет неправильно. Вам придётся лгать своей невесте, а я не люблю ложь, она никогда не приводит ни к чему хорошему. Помните, я обещала станцевать для вас на прощание? Сейчас я выполню своё обещание, и мы расстанемся.

Капитан хотел было возразить, но моментально замолчал, когда Эсмеральда скинула туфли и начала танцевать. Она кружилась в танце, подпрыгивала, парила на цыпочках, а из-под платья мелькали её идеальные ноги. Клод наслаждался танцем, впервые видя его так близко, буквально на расстоянии вытянутой руки. Он был бы счастлив, если бы ещё проклятый офицер не пожирал плясунью своими бесстыжими глазами.

— Вы прелестны, как богиня Афина! — сказал капитан, когда девушка закончила танцевать. Уж на что Клоду в этот момент было не до науки, и то он закрипел зубами от такого невежества. Как можно перепутать воительницу Афины с прекраснейшей Афродитой?

Эсмеральда снова села на сундук, вытянув уставшие ноги, и Феб залюбовался ими. Такой красоты он не видел давно: маленькие ступни с красивыми ровными пальцами, изящным сводом и круглой пяточкой... Феб наклонился ниже и почувствовал запах ароматических трав.

Он протянул руку к одной ножке и стал гладить её, нежно сжимая ступню. Клод в своей каморке шёпотом выругался по-латыни и отцепил от пояса дубину.

— Что вы делаете? — Эсмеральда занервничала и отдёргнула ногу. — Не надо!

— Что вы, они так прекрасны!

Капитан оставил в покое ножки девушки, но вместо этого взял её за руку и сел поближе к ней.

— Ваш танец был просто восхитителен, — начал он, пододвигаясь ещё ближе. — Я вас люблю! Мы будем встречаться снова и снова, а потом обвенчаемся... Я сделаю вас самой счастливой! Никто ничего не узнает...

Он дотронулся рукой до её щеки, а потом попытался двинуться ниже. Эсмеральда вздрогнула и посмотрела на него с недоверием.

— Вы обманываете меня, капитан, — сказала она и отодвинулась. — Так же, как обманываете свою невесту. Как же вы собрались венчаться с нами обеими? Или вы всем девушкам так говорите?

— Как, и вы обвиняете меня во лжи?! Проклятье!

— Прощайте, Феб, мне было очень приятно вас увидеть! — пробормотала цыганка и поднялась, чтобы уйти. Но капитан удержал её и попытался расшнуровать корсаж.

— Прекратите немедленно!

Эсмеральда попыталась вырваться, но офицер, уже не видевший ничего, кроме собственной похоти, стиснул её ещё сильнее.

Фролло задыхался от обуревавшего его урагана эмоций. Он отдал бы всё: свои знания, честь, саму жизнь, чтобы прямо сейчас быть на месте капитана! И когда Феб наклонился к цыганке, чтобы поцеловать её в губы, Клод не выдержал и со всей силы ударил в хлипкую дверь. Послышался треск ломающихся досок.

Эсмеральда испуганно обернулась на источник шума. Обмирая от ужаса, он увидела, как над капитаном нависает смутно знакомое бледное лицо, полное злобы и отчаяния. В руке страшного незнакомца взлетает дубинка и опускается на голову Феба...

— О чёрт! — вскричал капитан и упал, ударившись о стол. На виске показалась кровь.

Эсмеральда лишилась чувств. Но за мгновение до этого она всё же успела вспомнить имя страшного человека в плаще — Клод Фролло, архидьякон собора Богоматери.

Пока девушка лежала без сознания рядом с бездыханным Фебом, Фролло осторожно коснулся губами её щеки, которая очень удачно казалось повернутой к нему. Затем он скинул плащ, забросил куда-то в угол дубину и, прошептав напоследок что-то вроде «Прости!», выпрыгнул из окна в реку.

Придя в себя, Эсмеральда не увидела рядом священника. Зато вокруг неё толпились солдаты ночного дозора, а их командир разговаривал с хозяйкой комнаты.

— Она ведьма, сударь, вот вам крест! — шепелявила старуха. — Вон её бесовский козёл, видите? Я сама слышала крик офицера. Бедный молодой человек, такой красивый — и помер от чёртовой ведьмы! Она сам дьявол, точно вам говорю! Вот, посмотрите, её дубина. Небось ею-то она и прикончила бедолагу!

Командир отряда хмуро кивал, и его подчинённые тоже бормотали про себя что-то про «колдунью» и «наказание».

Девушка, слегка приподняв голову, увидела, как двое рослых солдат уносят капитана. Он был смертельно бледен, светлые волосы намокли от крови — неужели он и вправду умер?! В углу жалобно блеяла Джали, которой связали ножки. Ведь знала же, что не надо её с собой приводить! Но козочка неожиданно прибилась к хозяйке ещё во Дворе Чудес и не хотела слушаться команды «Домой!», и Эсмеральда, стесняясь оставаться наедине с Фебом, в конце концов решила взять её с собой в качестве моральной поддержки. А теперь её подружка должна будет разделить с нею печальную участь!

Как только солдаты заметили, что цыганка очнулась, тут же грубо схватили её под руки, подняли и повели, не дав даже подобрать туфли.

— Позвольте мне хотя бы обуться... — попросила Эсмеральда, когда в нежную ножку вонзилась заноза от старой доски.

— В темнице тебе обувь будет не нужна! — фыркнул один из солдат.

Путь по извилистым парижским улочкам показался девушке бесконечным. Наконец её довели до Дворца Правосудия, затащили в подвал и водворили в небольшую камеру, в которой было холодно, как в разгар зимы. Сюда же бросили бедную козочку.

Девушка дрожала от страха и холода. Но она знала, что невиновна, и это придавало ей сил.

ГЛАВА 20 В темнице

Эсмеральда, обхватив руками колени, сидела на охапке гнилой соломы и пыталась привести мысли в порядок. Этот день начинался с успешного выступления, решения поступить по совести и надежд на лучшее — а закончился в сырой подземной темнице! Она, наверное, совсем упала бы духом, если бы не присутствие Джали, которая ласкалась к хозяйке и грела её, прижимаясь к боку. Девушка гладила козочку по тёплой шёрстке и говорила ей:

— Ничего, всё будет хорошо. Я же не сделала ничего плохого, на суде меня оправдают.

Джали в ответ кивала и глядела на хозяйку блестящими умными глазами, и Эсмеральда сама начинала верить в благополучный исход.

Привыкшая к жизни в тёплых южных краях цыганка быстро замёрзла. Босые ноги девушки, касавшиеся холодных каменных плит, скоро совсем заledenели от пальцев до пятки, и, хотя она любила ходить босиком, сейчас ей очень доставало туфель. Окоченели руки и плечи, едва прикрытые воздушными лёгкими рукавами платья.

Впрочем, этот холод сейчас мало беспокоил девушку. Куда страшнее был тот, что неумолимо расползался в её душе.

И повинен в этом был капитан де Шатопер. После этого свидания образ прекрасного солнечного рыцаря, давший трещину ещё накануне, рассыпался окончательно, оставив лишь лживого и коварного оболъстителя.

С горькой усмешкой девушка вспоминала, как нежно он касался её ног и щеки, какие изящные делал комплименты, как ласково брал за руку... Но эта нежность была фальшивой, и уже никакие красивые слова и жесты не могли скрыть внутренней пустоты. Фебу не нужна была Эсмеральда. Он лишь пользовался её верой в образ прекрасного спасителя, чтобы доставить себе очередное мимолётное удовольствие. Наверное, если бы дубинка ужасного священника обрушилась на неё, ему было бы всё равно.

Эсмеральда очень расстраивалась, что не поняла этого раньше. Будь она немного рассудительнее, прислушайся к советам Пьера, то не попала бы в такую неприятную историю.

Но, несмотря ни на что, ей было жаль Феба. И она от всей души желала, чтобы его рана оказалась не смертельной и он поправился. «Он, конечно, обманщик, — думала девушка, — но не заслуживает такой печальной участи». А в глубине души ещё теплилась надежда, что капитан, быть может, проявит благородство и придёт заступиться за неё...

В потоке таких рассуждений неожиданно всплыла мысль о Квазимодо. Хотя он, в отличие от капитана, не блистал красотой, но был Эсмеральде действительно хорошим другом, в то время как Феб видел в ней только экзотическое развлечение. Эти двое были полной противоположностью друг другу: бездушный красавец и урод с добрейшей душой! Если мысли о прекрасном капитане порождали ощущение острых осколков льда в груди, то воспоминания о времени, проведённом с

горбатым звонарём, приятно грели. «Как жаль, что мы давно не виделись с ним! — с огорчением подумала цыганка. — Он такой искренний и умный! А ещё он очень интересно рассказывает, просто и сердечно. Видно, что он любит своё дело, вкладывает в него всю душу, как и я в свои танцы. А как по-доброму он относился ко мне, хотя из-за меня его посадили в такую же ужасную темницу! Он видел во мне человека, а для Феба я была всего лишь красивой игрушкой».

Остаток ночи девушка занималась тем, что учила Джали составлять имя Квазимодо, благо мешочек с буквами всё ещё висел у козочки на шее. В полумраке и на неровном каменном полу дело продвигалось медленно, но когда под утро у Джали всё же получилось, Эсмеральда впервые со вчерашнего дня улыбнулась побелевшими от холода губами. Она мысленно пожелала Квазимодо удачи, и в тот же миг, словно отвечая ей, сто стороны собора донёсся радостный утренний благовест.

Согретая и утешенная мыслью, что в этом городе у неё есть преданный друг, девушка обняла Джали и наконец-то смогла заснуть.

Гренгуар не находил себе места. Сегодняшний день не предвещал неожиданностей — они с Джали успешно завершили выступление и отправились домой. Но уже во Дворе Чудес козочка внезапно сорвалась с места и понеслась на другой конец улицы, где мелькнуло яркое платье Эсмеральды. Пьер удивился — девушка должна была отдыхать после сегодняшнего падения, — и решил сам спросить у неё, в чём дело. Но в толчее, всегда царившей во Дворе Чудес, он быстро потерял из виду и яркое платье, и белую фигурку Джали. Поэт до темноты плутал по закоулкам, но так и не встретил ни одну из своих подружек. Он устал, проголодался и решил пойти домой, ведь куда бы Эсмеральда ни направилась, она всё равно должна была туда вернуться.

В их маленькой каморке, обычно стараниями цыганки содержащейся в чистоте, царил беспорядок: всюду валялись шнурки, монетки для кос, цветные ленты... Платье, в котором Эсмеральда выступала утром, было небрежно брошено на её тюфяк. Значит, она надела свой лучший наряд. Куда же она пошла?

Гренгуар без аппетита сжевал краюху хлеба и лёг спать, но заснуть так и не смог. Он действительно привязался к Эсмеральде, и теперь тревога за девушку не давала ему покоя. «Где же она?» — в который раз спрашивал он себя, но ответа не находил. В какой-то момент он даже испугался, что здесь опять замешан Шатопер, но вспомнил, что сам видел его на площади в компании Жеана, непутёвого братца учителя, только что вышедшего из собора. Значит, младший Фролло опять выпросил у старшего денег, и теперь приятели до утра не вылезут из какого-нибудь кабака. Но это никак не пролиvalo свет на исчезновение Эсмеральды.

Проходил час за часом, девушка не возвращалась, а Пьер всё не мог сомкнуть глаз. И когда уже рассвело, а где-то вдалеке зазвонили колокола собора, он встал, надел свой потёртый камзол и вышел на улицу, решив ещё раз осмотреть дорогу от Двора Чудес до соборной площади. Если же Эсмеральды не окажется и там, придётся привлечь к поискам самого Клопена.

Пока Клод наблюдал за свиданием, пьяный Жеан так и лежал около кабака. Наконец его заметили двое посетителей соседнего заведения:

— Эй, ты чего тут валяешься?

Жеан с трудом разлепил глаза и пробормотал:

— Где я?

— На куче объедков, пьяница!

Юноша попытался сесть. У него даже получилось, но голову при каждом движении пронзала боль. Он протрезвел, но никак не мог припомнить, что с ним случилось.

— Который час?

— Девять вечера скоро, вставай! — сказал прохожий и силой поднял его на ноги.

Убедившись, что юноша способен передвигаться без посторонней помощи, добрые люди отправились по своим делам. Жеан поплёлся в свою каморку, бормоча под нос клятвы никогда больше не пить дешёвое вино.

На одном из перекрёстков он внезапно столкнулся с очень злым и насквозь мокрым Клодом.

— Добрый вечер, братец! — удивлённо поздоровался Жеан, гадая, зачем такую важную особу, как архидьякон, занесло в этот непрестижный квартал. — Чего это у тебя вся сутана мокрая?

— Под дождь попал, — пробурчал Фролло. К счастью для него, у Жеана слишком болела голова, чтобы он обращал внимание на детали — например, зацепившуюся за рукав водоросль. — А ты где пропадал?

— Сидел дома и читал книги. — Жеан врал уже скорее по привычке, чем надеясь, что ему поверят.

— И, надо полагать, от избытка знаний тебя мучает сейчас похмелье?

Жеану нечего было возразить. Клод криво усмехнулся, взял брата за руку и повёл с собой в собор.

В келье, пока Жеан пил намешанное Клодом на скорую руку антипохмельное снадобье, он сам снял мокрую сутану, повесил над очагом на просушку и облачился в сухую одежду. После чего сел напротив хмурого брата и провозгласил:

— Я обещал тебе, что серьёзно займусь твоим воспитанием. Так вот, с завтрашнего дня я буду приходить к тебе каждый день. А сегодня, раз уж я занят, дам тебе книгу, которую ты должен будешь прочитать. Завтра я проверю твои знания.

Клод порылся в своём столе и протянул брату довольно толстый том. Жеан едва подавил зевок, увидев, что это была «История» Фукидида.

— Даже не вздумай отлынивать! — пригрозил Клод, заметив это. — Завтра я тебе и еды принесу, так что в твоих интересах всё выучить.

Жеан забрал книгу и пошёл к себе. Несмотря на разгильдяйство, он был далеко не глупым молодым человеком и теперь прекрасно понимал, что брат серьёзен, как никогда. Такой позор, как исключение из колледжа, переполнил чашу его терпения, и теперь Жеану, хочет он или нет, придётся стать человеком.

ГЛАВА 21 Воспитание Жеана

Проводив Жеана, Клод погрузился в размышления. Закончив небольшую уборку в келье и собрав книги для завтрашнего урока с братом, он ещё долго сидел и смотрел в одну точку. Мысль, что он в порыве гнева, возможно, убил человека, не давала ему покоя. А теперь до него ещё и дошло, что в случившемся, скорее всего, обвинят Эсмеральду — поначалу он даже не думал об этом. Собираясь спасти девушку от насилия — и в итоге её подставил!

Под утро архидьякону удалось заснуть, но его мучили кошмары. В них то капитан обнимал цыганку, а она не сопротивлялась, то отряд солдат вместе с Шармолу являлся к нему в келью, чтобы арестовать, то сам дьявол уносил его душу, душу прелюбодея и убийцы, в ад.

Клод проснулся невыспавшимся и почти больным. Он решил снова заняться алхимией, чтобы отвлечься, но дело не шло. После недавнего разочарования его пыл угас, и требовалось время, чтобы забыть о неудаче и начать заново.

Тогда он решил провести Квазимодо и поднялся на колокольню. Горбун, как всегда, обрадовался этому визиту, но вид у него был грустный. Даже утренний звон колоколов получился у него не таким мелодичным, как будто его всё ещё подменяли монахи.

Квазимодо сам себе не мог объяснить, почему он грустит, но со вчерашнего вечера его не оставляло ощущение, что с Эсмеральдой случилось что-то плохое. Он ждал утренней службы, так как именно к этому времени она обычно появлялась на площади. Когда же девушка не пришла, звонарь совсем упал духом. Он немного утешился, увидев Гренгуара, который обычно приходил вместе с ней — быть может, и цыганка скоро появится? Но поэт никого не ждал и сразу начал рассказывать стихи, значит, он сегодня выступает один. Квазимодо очень хотелось выйти и поговорить с ним, но для этого нужно было разрешение от Фролло...

— Ты чем-то расстроен. Что случилось? — спросил архидьякон. Похоже, он сегодня в добром настроении... Тогда это шанс!

— Ничего не случилось, хозяин. Просто мне здесь одиноко. Я очень давно не гулял.

Воцарилось молчание. Квазимодо уже смирился с тем, что его никуда не отпустят, как вдруг Фролло произнёс:

— Хорошо, я разрешаю тебе выйти из собора. Только не уходи слишком далеко, в прошлый раз это плохо кончилось.

— Я всё сделаю, как вы сказали! — пообещал звонарь, скрывая радостную улыбку. Как ни снисходителен сегодня хозяин, испытывать его на прочность определённо не стоит.

Сделав небольшой подарок воспитаннику, — пусть хоть у кого-то утро будет добрым! — Клод вернулся в келью. Лежащие на краю стола учебники напомнили ему, что надо навестить брата. Поэтому архидьякон сначала пошёл на рынок и купил разнообразной снеди. Получилась довольно увесистая корзинка: жирная пулярка, кольцо кровяной колбасы, мягкий сыр, коврига свежайшего хлеба, овощи, фрукты и даже сладости. Жеан с детства был лакомкой, и Клод рассудил, что метод кнута и пряника на нём должен сработать. Затем он вернулся в собор за учебниками и только после этого отправился к брату.

Жеана он, к своему удовольствию, нашёл сидящим над книгой, пусть и с очень несчастным видом. Целое утро он зубрил историю Пелопонесской войны, и ему казалось, что его голова от обилия дат и имён вот-вот лопнет. Только воспоминания о работе в кабаке, где ему приходилось драить заплёванный посетителями пол и разнимать пьяные драки, заставляли смириться с таким издевательством. При виде архидьякона он поднял раскалывающуюся голову и простонал:

— Здравствуй, братец Клод!

— Здравствуй, Жеан. Рад видеть, что ты всё-таки открыл Фукидида. Что ты успел выучить?

— Его очень тяжело читать, — пожаловался юный тунядец. — Я занимался всё утро, но едва осилил треть!

— Хорошо, тогда ограничимся началом войны. Что ты можешь сказать о её причинах?

Клод задавал разные вопросы, а Жеан отвечал. К немалому удивлению священника, большинство ответов были правильными, хотя иногда ему приходилось подсказывать или задавать наводящие вопросы. Но он почувствовал облегчение, убедившись, что семейный ум Жеан ещё не пропил.

— Держи, ты это заслужил, — сказал Клод, доставая из корзинки еду. — Сейчас перекусим и отдохнём, а затем продолжим урок.

Жеан, оживившийся при виде завтрака, сразу приуныл:

— Знаешь, я вспомнил, что у меня дела...

— Нет, братец, если начал, то доводи дело до конца!

Впрочем, хандру Жеана быстро рассеяли принесённые Клодом яства. На выклянченные деньги, которые приходилось растягивать надолго, или на заработанные в кабаке гроши он никогда не мог себе позволить так хорошо питаться. Эх, ещё бы вина... Но для такого подарка от Клода придётся хорошенько потрудиться.

Когда братья насытились, Клод снова взял Фукидида и начал читать с вторжения в Аттику, задавая время от времени вопросы, чтобы убедиться, что Жеан его слушает, и закрепить материал. Время от времени брат сам у него что-нибудь спрашивал, причём вопросы у него были довольно толковые, обнаруживающие, что он и впрямь вникает в смысл урока. Жеан со своей стороны отметил, что Клод объясняет понятнее, чем профессора из колледжа, подробно отвечает на вопросы, и материал в его изложении действительно легко запомнить. Пожалуй, так действительно можно учиться, тем более что за это ещё и так вкусно кормят!

Урок продолжался больше трёх часов. После нескольких вопросов на закрепление пройденного Клод снова дал брату задание. Он достал из отдельного мешка целую стопку книг, при виде которой Жеан снова впал в уныние, и пригрозил, что заставит брата соблюдать пост, если хоть одна из них пострадает.

— А когда же я буду отдыхать, братец?

— Так и быть, воскресенье сделаем выходным днём. Впрочем, это не значит, что ты можешь сразу бежать в кабак! Я найду за тобой, и мы отправимся на прогулку. В Париже есть несколько мест, которые тебе будет весьма полезно увидеть.

Жеан совсем было упал духом, но его взгляд быстро наткнулся на сладкую булочку. Жуя её, бывший школяр пришёл к выводу, что уроки с Клодом не так уж плохи. К тому же у архидьякона собора Богоматери много других обязанностей, и, может быть, со временем педагогический пыл брата немного угаснет...

Пока Жеан доедал принесённые Клодом вкусности, к нему заглянул Робен Пуспен. Он очень удивился, увидев в бедной комнатухе друга такой богатый стол, а потом изумился ещё больше, заметив книги.

— Дружище, когда это ты приобщился к наукам?

— Брат узнал о моём отчислении и теперь намерен учить меня сам, — со вздохом пояснил Жеан. — А за это он обязался меня кормить. Видишь, какие блюда? Так что мне пришлось согласиться. Это определённо выгоднее, чем... другой заработок.

— Может, это не так уж плохо, — подтвердил Робен. — Чёрт возьми, я бы тоже зубрил целыми днями, если бы меня так кормили! Но сейчас можно и отдохнуть.

С этими словами он достал флягу с вином. Жеан расплылся в искренней улыбке:

— Спасибо, что не забываешь, дружище!

Они ещё долго болтали, попивая вино и закусывая Клодовыми разносолами. Жеан рассказывал анекдоты, которых знал великое множество, а Робен делился забавными историями про школяров и преподавателей из колледжа, после которых Жеан ещё раз порадовался, что теперь его учит брат.

После ухода Робена Жеан принялся за заданную Клодом книгу, зная, что если не выучит, то новых лакомств ему не видать. Но всё же он надеялся, что это ненадолго...

ГЛАВА 22 Приговор

Жеан начинал делать успехи в учёбе. Клод занимался с ним каждый день, а по воскресеньям брал с собой на прогулку и рассказывал об архитектуре Парижа. И, к немалому удивлению Жеана, его было очень интересно слушать. Даже начали проскальзывать ещё не пропитые в кабаках воспоминания далёкого детства, когда Фролло время от времени заглядывал на мельницу и гулял с младшим братом, тоже рассказывая ему что-нибудь интересное. И маленький Жеан, умный и любознательный ребёнок, слушал его с распахнутыми от восторга глазёнками. Правда, когда брат уезжал, унылое однообразие сельской жизни и её грубые развлечения заслоняли порождённую этими рассказами тягу к знаниям... Порой Жеану даже казалось, что, если бы Клод навещал его чаще, он вырос бы совсем другим человеком.

А теперь ему, привыкшему к лени и разгильдяйству, учёба давалась очень тяжело. Правда, мало-помалу, неделя за неделей становилось легче, и Жеан даже начал получать удовольствие от уроков. Хотя вкусности, которые приносил Клод, всё ещё были решающим аргументом в пользу занятий.

Вот выпить Жеану удавалось не чаще чем раз-два в неделю, когда к нему заглядывал Робен Пуспен. Спустя какое-то время к их компании присоединился и Жоффруа, которого Робен убедил помириться с Жеаном. Воочию увидев, что Фролло-младший действительно прилежно учится, Жоффруа начал понемногу смягчаться, стал здороваться при случайных встречах и наконец простил друга. Жеан, чуть было не оставшийся в одиночестве, был этому очень рад.

Увы, не у всех дела шли так гладко. Гренгуар всё ещё не мог смириться с тем, что Эсмеральды нет рядом. Когда он рассказал Клопену о её пропаже, бродяги обшарили до последней улочки весь Париж, не говоря уж о Дворе Чудес, но тщетно. Больше всего Пьера беспокоило, что одновременно с цыганкой пропал и капитан да Шатопер — если раньше он постоянно крутился у дома де Гонделорье, то теперь поэт его больше не видел. И это совпадение было очень подозрительным.

Зато Гренгуар внезапно подружился со звонарём собора Богоматери. На следующий день после пропажи Эсмеральды Квазимодо подошёл к поэту на площади и спросил про цыганку. Пьеру пришлось рассказать ему, что она пропала и что он ничего больше не знает. Бедняга расстроился — как оказалось, добрая девушка и ему была другом.

Общее горе неожиданно сблизило этих столь непохожих людей. Теперь по вечерам в опустевшую без Эсмеральды каморку Пьера часто заглядывал Квазимодо. Поэт, лишившийся вместе с подругой ещё и благодарного слушателя, читал свои стихи, рассказывал интересные истории, а Квазимодо, истосковавшийся по дружескому общению, слушал с жадным интересом. Но их разговор, разумеется, постоянно сворачивал на пропавшую Эсмеральду. Они оба жалели девушку, но всё ещё надеялись, что она найдётся.

Однако прошло уже почти два месяца, но об Эсмеральде не было ни слуху ни духу. Пьер был в полном отчаянии. У него пропало вдохновение, выступать совсем не хотелось. Как можно развлекать публику, когда у самого на душе скверно? Будь у Гренгуара выбор, он охотно сидел бы дома или помогал бродягам искать цыганку. Но без Эсмеральды и Джали зарабатывал он теперь куда меньше, так что приходилось каждый день, пересиливая себя, идти на площадь, чтобы не умереть с голоду.

Сегодня на Гревской площади было очень шумно. Люди, не останавливаясь возле выступающего Гренгуара, двигались ко Дворцу Правосудия. Поэт не понимал, в чём дело. Наконец он заметил Жеана и обратился к нему:

— Что тут происходит?

— Как, ты не знаешь? Будут судить твою подружку Эсмеральду. Якобы она убила капитана де Шатопера. Тут сегодня тьма народу, даже моего брата привлекли.

Поэт не верил своим ушам. Чтобы Эсмеральда, его подруга и нежная муза, могла кого-то убить?! Быть того не может! Твёрдо решив выяснить, в чём дело, Гренгуар пошёл вместе со всеми во Дворец Правосудия.

Обстановка внутри не изменилась со времён суда над Квазимодо, разве что публики было куда больше — всё-таки Эсмеральда была местной знаменитостью. Даже в судейском кресле восседал всё тот же Жак Шармолю.

Первой давала показания Фалурдель.

— Что вы можете сказать по этому делу? — спросил королевский прокурор, выяснив у свидетельницы все необходимые формальности вроде имени и возраста.

— Господа судьи! — начала, откашлявшись, старуха. — Я живу в этом доме уже давно, около сорока лет. Но такого не было никогда! Месяца два назад, как раз после Пасхи, я сидела вечером у себя и пряла. А потом ко мне постучались двое. Одного из них, капитана, я хорошо знаю, он часто ко мне ходит, да всё больше в долг. Капитан Феб его зовут, а вот фамилию запомнила, но фамилия

хорошая, знатная. А другой был весь в чёрном, даже лица почти не видно. Попросил капитан у меня комнату с кладовкой, дал за это монету. Я сразу убрала её в ящик, а потом проводила их наверх, хотя мне этот чёрный не очень понравился. Потом офицер вдруг вышел из моего дома, а вернулся с девушкой. Красивая такая девушка, только вот одета не пойми во что — так приличные люди не одеваются! А с ней, господа судьи, был козёл. Это меня уже насторожило, но я не в своё дело лезть не стала. Капитана с девушкой я проводила наверх, вернулась, сижу пряду. Вдруг шум, крик, окно застучало! Я в своё окно на первом этаже выглянула, смотрю — летит сверху что-то чёрное, вроде как в сутане. Наверняка монах-привидение! На нашей улице уже несколько месяцев о нём говорят. Ну, я бегом наверх. Поднимаюсь, вижу, девушка лежит босая на полу. Около неё — туфли. Капитан лежит тут же с пробитой головой, весь в крови, бедолага! А рядом снова этот козел. Вот так-то, господа судьи! Вот и что это, скажите на милость, если не колдовство?

— Пойдите! — прервал её прокурор. — Вы говорили, что с капитаном был ещё и человек в чёрном. Куда же он делся? Ведь вы бы заметили, если бы он ушёл, не так ли?

— А вот этого я не знаю, господин! Исчез, как сквозь землю провалился. Но через дверь он не выходил, я бы увидела. Да и до него ли мне было, когда молодой капитан лежит с пробитой головой? Я тут же кликнула стражу, его унесли. А дальше вы знаете. Но это еще не всё, господа судьи! Наутро я хотела пойти на рынок. Смотрю, а вместо монеты лежит сухой лист!

По рядам зрителей пронёсся удивлённый вздох.

— Она колдунья! — в голос заверещала старуха, указывая корявым пальцем на пока ещё пустую скамью подсудимых. — Она в сговоре с дьяволом! И я скажу вам, кто этот дьявол — тот самый монах! И козёл у неё одержимый!

— Да, всё верно, она колдунья. Это никак нельзя объяснить, — пробормотал кто-то рядом с Пьером. Увидев, что дело принимает такой оборот, поэт протиснулся вперёд и закричал:

— Пойдите! Эсмеральда добрейший человек, она и мухи не обидит! Она не могла убить капитана.

Но прокурор лишь злобно зыркнул на него и снова обратился к Фалурдель:

— У вас остался тот лист?

— Да, конечно! — Старуха вынула его из кармана.

Лист у неё тут же забрал судебный пристав, рассмотрел и передал соседу. Вскоре им полюбовались все члены судейской коллегии.

— Это просто лист берёзы! — заявил Жак Шармолю, последним рассмотревший «улику». — Ничего особенного.

— Очень странно, — задумчиво протянул Жеан, который, пользуясь занятостью брата, явился на заседание вместе с Робеном и другими школярами. Только Жоффруа, вздумавшего готовиться к какому-то зачёту, с ними не было.

— У нас есть все доказательства! — провозгласил Шармолю, к которому с недавних пор приставили наминавшего о его обязанностях секретаря. — Введите первую обвиняемую!

Солдаты ввели Эсмеральду и бросили её на скамью. Пьер с радостью заметил, что девушка выглядит вполне здоровой, хотя, конечно, испугана и растрёпана.

— Вы обвиняетесь в колдовстве и нападении на Феба де Шатопера. Вы признаете свою вину? — спросил судья.

— Нет, я ни в чём не виновата. Это всё священник, Клод Фролло. Он напал на капитана.

Пьер бросил взгляд на учителя, сидевшего тут же, среди членов духовного суда. Он выглядел почти спокойным, но за этой маской бушевала буря. Фролло чувствовал вину за то, что оклеветал невинную девушку, но гораздо сильнее боялся, что разоблачат истинного преступника.

— Но почему, когда капитана уносили, больше в комнате никого не было?

Ведь священник, в отличие от привидения, не мог испариться, — спросил прокурор. — К тому же на месте преступления была найдена дубина. Она ваша?

— Нет, это он её оставил. А сам ушел, я полагаю, через окно, — ответила цыганка.

— Замолчите! Все доказательства против вас.

— Это вы не хотите слушать правду! Я рассказала всё как было. А теперь скажите мне, жив ли капитан?

— Это к делу не относится.

— Я хочу это знать!

— Он жив, но при смерти. И вы его больше не увидите.

Эсмеральда едва не заплакала, но постаралась держать себя в руках. Она снова ощущала босыми ногами холод, но ещё сильнее мёрзла от напряжения.

— Вы можете добавить что-то ещё? — спросил Шармолю.

— Мне больше нечего сказать. Я повторяю, что не виновата, Феба убил священник.

— Почему вы так думаете?

— Я сама видела его, сударь! Он уже давно меня преследует.

— Всё, довольно! — распорядился судья. — Увести её!

Эсмеральду увели. Гренгуар очень нервничал. Сам он не сомневался, что всё было именно так, как рассказала цыганка, только вот судьи уже составили свою версию и не желали ничего слушать.

Из размышлений о слабости человека перед грозной судебской машиной его вырвал крик судьи:

— Введите вторую обвиняемую!

Солдаты пинками загнали в зал бедную козочку. Чувствительный поэт прослезился при виде страданий своей любимицы.

Шармолю взял бубен, который забрали у Эсмеральды перед помещением в темницу.

— Который час? — спросил он.

Козочка стукнула копытцем семь раз. Суд начался в шесть и заседал уже час, так что она ответила правильно.

После этого королевский прокурор высыпал из мешочка буквы, и козочка составила имя Феба — то, которое собирала чаще всего.

— Всё сходится! — объявил судья. — Капитан на смертном одре рассказал про тот случай в доме его невесты. Эта коза — сам дьявол!

— Именно, ваша милость! — закричала со своего места Фалурдель. — Я их узнала — и девушку, и козу!

— Предлагаю их казнить! — сказал один из заседателей.

— Но у Эсмеральды не было с собой дубины! — возразил со своего места поэт. — К тому же она очень хрупкая и слабая девушка, у неё бы просто не хватило сил ею воспользоваться и ранить капитана. Кто бы ни был убийцей, это мужчина!

Гренгуар с удовольствием отметил, что судьи, хотя и демонстративно не обратили внимания на его слова, всё же призадумались. Даже тот, кто выступал за казнь, больше не выдвигал такое предложение.

После этого судьи приступили к голосованию путём «снятия шапочки». Они очень торопились на обед, так что много времени оно не заняло. Наконец было решено приговорить Эсмеральду к пожизненному заключению.

Таких заключённых держали в специальной башне почти на окраине города. Эсмеральду, как убийцу, было решено посадить в подземную камеру, а козочку — вместе с ней.

Гренгуар, подобравшийся к судьям так близко, как это только было возможно, услышал, как обсуждали место заключения. И он твёрдо решил, что спасёт обеих своих друзей.

ГЛАВА 23 Фролло посещает Эсмеральду

Новая темница оказалась ещё более неуютной, чем старая. Тут было ещё холоднее и сырее, чем в подвале Дворца Правосудия, и Эсмеральде приходилось постоянно массировать свои ступни и руки, чтобы хоть как-то согреться. Но больше всего её угнетало, что здесь нет окна. Только вверху был люк для выхода, но за весь день он открылся только раз, пропустив тюремщика, который принёс заключённой немного хлеба и фляжку с водой. Потом он ушёл, оставив девушку в одиночестве, если, конечно, не считать Джали.

Эсмеральда почти совсем упала духом. У неё отняли бубен, мешочек с буквами для Джали и даже любимое платье. Взамен выдали однотонную белую рубашку, очень широкую, грубую и неудобную, в которой было ещё холоднее.

Но всё же девушка была рада, что ей сохранили жизнь. У неё ещё оставалась надежда, что её выпустят, когда будет доказана её невиновность. Чтобы отвлечься, она вспоминала Пьера, которому была очень благодарна за заступничество, пусть оно и не сильно облегчило её участь. Или Квазимодо, чей звон в течение двух месяцев заключения служил ей напоминанием, что у неё есть друг, а значит, всё будет хорошо. Эсмеральда расстроилась, поняв, что в этой камере, скорее всего, не будет слышно колоколов. И всё же эти размышления несколько подбодрили её.

Из-за отсутствия дневного света следить за временем было трудно, но был, по ощущениям Эсмеральды, уже поздний вечер, когда она услышала странный шум. Сначала девушка подумала, что опять пришёл тюремщик, но в этот раз шумели громче. Наконец люк открылся, и она увидела фигуру в плаще, странно похожую на ту, которая ударила Феба. Посетитель сбросил капюшон, и сомнений не осталось — это Фролло.

— Я пришел тебя спасти, — без обиняков сказал Клод. — Но с одним условием — ты будешь моей.

— Нет! — твёрдо сказала девушка. — Вы очень давно меня преследуете. Вы хотели меня похитить. Вы напали на капитана. Что я такого сделала, что вы так себя ведёте?

На несколько мгновений воцарилась тишина.

— Я люблю тебя! — наконец признался священник. — Я тебя люблю, понимаешь?

— Это не любовь, — покачала головой Эсмеральда. — Вы причиняете мне боль, а любящий человек никогда этого не сделает. Да и как мы можем быть вместе? Я всего лишь цыганка, а вы — архидьякон собора.

— Это неважно, самое главное, что я люблю тебя! Послушай, ещё прошлой осенью увидел тебя у собора, и вся моя жизнь перевернулась. Твои танцы, твои песни, твой ангельский голос разбудили во мне чувства, которых я никогда ранее не испытывал, разожгли пламя, которое чуть не погубило нас обоих! Рядом с тобой я видел и козу, это дьявольское животное! И я понял, что Бог послал тебя мне на погибель. Я пытался себя отвлечь, занимался алхимией, науками, но ничего не выходило. Только теперь я осознал, как я одинок! О, ты не представляешь себе, как это ужасно — быть священником и любить женщину! В отчаянии я готов был сделать всё, чтобы ты была только моей. Сначала я хотел донести на тебя, чтобы тебя арестовали и отдали под мой суд. Тогда у тебя не было бы выбора, как и сейчас, но я любил тебя и не смог отдать этот приказ. Тогда я попытался тебя похитить, но горбун спутал мои планы. А ты после этого увлеклась проклятым капитаном! Он встал между мной и тобой. Я возненавидел его! Это было невыносимо — видеть, как этот прохвост соблазняет тебя, а ты смотришь на него влюблёнными глазами! Я хотел спасти тебя от него, но и это у меня не вышло. И вот, по воле Рока, ты совсем рядом. После стольких испытаний мы действительно сможем быть вместе — только соглашайся!

— Нет. Я вам не верю.

Фролло из пылкого влюблённого мгновенно преобразился в учёного, имеющего наготове запас логических аргументов.

— Но ты же понимаешь, что тебе сидеть здесь до конца жизни? На что ты надеешься?

— Значит, такова моя судьба. И не вам её менять.

— Ты упускаешь свой шанс! — грозно предупредил Фролло.

— Пусть, таких шансов мне не надо.

— Может быть, ты думаешь, что Феб спасет тебя? Так вот, Феб мёртв!

По лицу Эсмеральды потекли слёзы. Священник ждал, пока она выплачется, но скоро его терпение иссякло.

— Прошу, сжался! — взмолился он, падая рядом с девушкой на колени. — Не отталкивай того, кто может подарить тебе неземную любовь!

— Феб оказался лицемерным, самодовольным человеком, — сказала цыганка, вытирая слёзы, — но даже он лучше вас. Он не причинил мне столько боли.

— Неужели я так тебя пугаю? Я готов измениться только ради тебя.

— Оставьте меня, — вздохнула девушка. — Это лучшее, что вы можете сделать.

— Но я не могу жить так дальше! Эта страсть убивает меня!

— Я знаю, вы сможете. Пьер рассказывал мне о вас. Вы умный и сильный человек. У вас есть ваш собор, ваша религия, ваша наука, ваш брат, наконец. Они помогут вам. Вы справитесь. А если бы я согласилась быть вашей, это и вам принесло бы только страдания.

Но священник уже не слушал её:

— Сжался, девушка! Твоё лицо, твоя фигура, твои руки и ноги возникали перед моим мысленным взором каждый день. Я хотел лишь коснуться твоей мягкой кожи, твоих шелковистых волос, чтобы узнать, соответствуешь ли ты тому образу, который я создал себе...

— Вот именно! Вы влюбились не в меня, а в образ, который не имеет со мной ничего общего. Вы не знаете меня как человека. И даже не желаете узнать. Вы даже сейчас требуете, чтобы я делала то, что вы от меня хотите.

— О нет, я узнаю тебя! Я буду изучать тебя каждый день, как самую драгоценную книгу! Только позволь мне быть с тобой!

— Нет! Оставьте меня!

— Но я не могу отпустить тебя! Ты — моя жизнь!

Фролло схватил её за руку, словно хотел увести силой, но вдруг снова упал на колени и прижался к заледеневшей руке пылающим лбом.

— О, горе мне, горе! — прошептал он еле слышно. — Умоляю, не отталкивай меня! Подари мне свою любовь, больше мне ничего не нужно!

Эсмеральда посмотрела на него со странной смесью жалости и страха и отняла свою руку. Фролло с тихим стоном, словно побитая собака, отполз от неё и, держась за стену, кое-как поднялся на ноги. Священника шатало, словно все силы покинули его, и ему пришлось снова опереться о стену, чтобы не упасть. Он пытался поймать взгляд цыганки, но она отворачивалась. Фролло снова застонал и с такой силой сжал кулаки, что ногти глубоко вонзились в ладони.

— Пожалуйста, не надо! — испуганно воскликнула Эсмеральда. — У вас все руки в крови.

— Но что мне делать?

Цыганка не сказала ни слова и отвернулась от него. Фролло ещё некоторое время сверлил взглядом её неподвижную спину, а затем молча полез в люк. Крышка с грохотом захлопнулась, и Эсмеральда вновь осталась одна.

ГЛАВА 24 Спасение

После ухода священника Эсмеральда долго плакала в тишине. Ей было жаль Клода, узнавшего о любви так поздно и не сумевшего совладать со своими чувствами. Но она ничем не могла ему помочь, хотя и охладела к Фебу. Фролло был намного старше её и не отличался привлекательной внешностью, так что цыганке было трудно думать о нём как о мужчине, более того — он был из совсем другого мира. Эсмеральда даже не представляла, о чём бы они стали разговаривать — она не смогла бы обсуждать алхимию, а его вряд ли заинтересовали бы рассказы о путешествиях цыганского табора. Она и с Пьером-то нашла общий язык только потому, что он, несмотря на образованность, был всё же, как и она, в первую очередь человеком искусства и проявлял интерес ко всем его формам. Фролло же был учёным и даже к предмету своей страсти относился как к объекту эксперимента, который нужно рассмотреть и изучить. Но, несмотря на всё это, Эсмеральда желала ему только добра. «Он попал в трудное положение и теперь сам в ловушке своей страсти, — думала она. — Хорошо, что я не стала его грубо прогонять. Ему тоже плохо. Надеюсь, он сможет исцелиться».

Больше всего девушку встревожило то, что Фролло рассказал о Фебе. Несмотря ни на что, она не хотела смерти капитана и отказывалась верить словам священника. «Конечно, если бы он был жив, то заступился бы за меня ещё на суде, — рассуждала она. — Так значит, он всё-таки умер? Или в настолько тяжёлом состоянии, что не может даже подняться? Лучше бы, конечно, он был жив!»

Чтобы немного согреться, Эсмеральда стала ходить по камере, несмотря на отсутствие обуви, и понемногу ее ноги стали привыкать к сырости. Но камера была слишком маленькой, чтобы там можно было гулять, и вскоре она снова села на охапку соломы. Затем, заскучав, цыганка попробовала сочинить стихотворение. Не сразу, но у неё получилось придумать небольшую историю о девушке, которая влюбилась, а её кавалер погиб — как раз под её настроение. Конечно, записать его она не могла, но подумала, что запишет позже, если выйдет отсюда.

С такими мыслями девушка уснула. Это была первая ночь в тюрьме. А сколько ещё будет таких ночей? Об этом не хотелось даже думать.

Капитан всё-таки выжил. Правда, ему пришлось долго лечиться, чтобы затянулись обе раны на голове — и от дубины, и он удара о стол.

Пока он лежал в своей камере, к нему приходили судебские чиновники, расспрашивая о нападении. По-видимому, они решили сделать виноватой цыганку, и Феб не имел никакой охоты им в этом препятствовать. Но все эти допросы крайне его раздражали, и он, как только смог держаться в седле, уехал в деревню Ке-ан-Бри, где стоял его полк. Ещё не хватало, чтобы эти судебские крысы заставили его присутствовать на суде — если в семье де Гонделорье об этом узнают, о выгодном браке можно будет забыть!

Феб полностью отдался службе. Правда, служба в его понимании заключалась в том, чтобы с утра распекать солдат, а по вечерам выпивать с офицерами в кабачке (жаль, что в этой дыре он всего один!) и соблазнять девушек. Местные доступные красавицы быстро ему надоели, и он перешёл на молоденьких вдовушек и одиноких сирот из местного благородного общества. И каждой, абсолютно

каждой он говорил, что будет с ними венчаться, а они, в отличие от цыганки, ему верили. Капитан же, получив желаемое, моментально забывал о той, кому клялся в вечной любви, и начинал обихаживать следующую даму.

Но в маленькой деревушке простора для таких шалостей было куда меньше, чем в Париже, и вскоре сливки здешнего общества начали относиться к капитану недоброжелательно. К тому же жизнь в провинции Фебу уже осточертела, и незадолго до суда над Эсмеральдой он вернулся в Париж, к Флёр-де-Лис.

— Где ты был? — с порога спросила невеста.

— На службе, в Ке-ан-Бри.

— Но ведь это не так далеко! Неужели нельзя было зайти перед отъездом? И хотя бы прислать курьера с письмом?

— Прости, дорогая, не было времени... А ещё я был ранен!

Капитан медленно повернулся, давая невесте рассмотреть шрамы на голове. Флёр-де-Лис мгновенно забыла все свои упрёки и принялась утешать возлюбленного:

— О, боже мой! Бедный мой храбрый рыцарь, садись скорее, сейчас тебе принесут вина. Но что же с тобой случилось?

— Я поссорился с лейтенантом Маэ Феде, и он меня сильно ударил, но всё уже зажило. Тебе не о чем беспокоиться, моя прелесть.

— Но, дорогой Феб, это так ужасно! А из-за чего вы поссорились?

— Милая, ну зачем ты забиваешь свою прелестную головку всякими глупостями? Это всё дела прошедших дней. Подумай лучше о чём-нибудь приятном — например, о нашей будущей свадьбе.

— Да, через три месяца мы поженимся! — мечтательно улыбнулась Флёр-де-Лис, но тут же нахмурилась. — Поклянись мне, что ты не любишь эту цыганскую девчонку! И вообще забудешь про неё!

Офицер закатил глаза, но всё же ответил как можно ласковее:

— Клянусь, любовь моя, я её случайно встретил. И она даже пожелала нам счастья! Так что можешь быть спокойна.

— Как я рада, Феб!

С тех пор Флёр-де-Лис не мучила своего жениха упрёками, наоборот, сама старалась уделять ему побольше внимания. Она даже перестала приглашать к себе подруг, узнав, что Феба их общество раздражает. Сам капитан, отвыкший за несколько месяцев от такой заботы, а также от комфортных условий, чувствовал себя влюблённым. Теперь роль примерного жениха не доставляла ему неудобств — он действительно был рад обществу своей невесты и признавался ей в любви совершенно искренне. Госпожа Алоиза, наблюдавшая на ними, наконец-то была спокойна и довольна. Через три месяца она наконец-то выдаст свою двадцатидвухлетнюю дочку замуж! Словом, все были счастливы.

После визита к Эсмеральде Клод всю ночь не мог сомкнуть глаз. Подумать только, девчонка ему отказала! Фролло ожидал от неё чего угодно — страха, слёз, упрёков, обвинений в смерти капитана, но никак не такого спокойного и вежливого отказа. Впрочем, в глубине души он был благодарен ей за эту мягкость. Даже своего солдафона она упомянула только один раз, причём в далеко не лестных выражениях, и это немного утешало священника — он, наверное, совсем сошёл бы с ума от мысли, что это ничтожество до сих пор царит в её сердце. Теперь же, когда поводов для ревности у него больше не было, он мог надеяться на исцеление. Цыганская ведьма далеко, остаток жизни она проведёт в тюрьме и больше не будет смущать его своими бесовскими плясками, и, может быть, через какое-то время он снова обретёт душевный покой.

Промучившись за такими размышлениями до утра, Клод решил отвлечься и съездить в один из самых дальних приходов, посещение которого всё откладывал из-за длительности пути. Теперь же мысль уехать на целый день показалась ему весьма заманчивой. Но первым делом надо навестить брата и Квазимодо.

Для начала Фролло зашёл к звонарю, принёс ему, как обычно, еды, предупредил о своём отъезде и велел вести себя хорошо, а затем ушёл собирать книги для Жеана — чтобы юнец не безобразничал в его отсутствие, нужно было его чем-то занять.

Не будь Фролло так занят своими страданиями, он наверняка обратил бы внимание на грустный вид своего подопечного. Мысли об Эсмеральде не давали звонарю покоя. К тому же вчера он видел толчею у Дворца Правосудия и знал, что на том процессе присутствовал и Фролло. С тех пор, как Квазимодо пришлось близко познакомиться с правосудием, он очень не любил суды и искренне сочувствовал обвиняемому, хотя, конечно, не знал, что это была его подруга. Однако этого хватило, чтобы испортить ему настроение на целый день.

Прозвонив к заутрене, Квазимодо вышел на площадь в ожидании Гренгуара. Поэт появился поздно и в крайне расстроенном виде.

— У тебя что-то случилось? — испугался звонарь.

— У меня две новости — плохая и хорошая, — сказал Пьер, которого в плохом настроении всегда тянуло на философствование. — Хорошая заключается в том, что я узнал, где Эсмеральда.

— Правда? — обрадовался горбун.

— А вот и плохая новость — она в тюрьме. Вчера её приговорили к пожизненному заключению за убийство капитана де Шатопера.

Квазимодо не мог этому поверить:

— Но Эсмеральда никогда бы никого не тронула! Это ошибка!

— Да, я знаю. Она никого не убивала и пыталась объяснить это судьям, но те не захотели её слушать. — Пьер горестно вздохнул и сел прямо на землю. — Теперь бедная девушка проведёт всю жизнь в подземной темнице, если ей кто-то не поможет. Я обязан ей жизнью и очень хотел бы её спасти. Но я не знаю, как это сделать! Я не справлюсь один.

Квазимодо какое-то время молчал, обдумывая услышанное. Затем положил на плечо другу свою тяжёлую руку и спросил:

— Ты знаешь, где её держат?

— Да, я подслушал разговор судей.

— Тогда я помогу тебе. Показывай дорогу.

Воодушевлённый Пьер тут же вскочил на ноги:

— Благодарю, друг мой! Вместе мы её спасём! — Но тут же он осёкся: — Постой, но куда мы её поведём? Боюсь, при нынешних обстоятельствах даже Клопен не захочет прятать её во Дворе Чудес.

— Я могу спрятать её в соборе, там она будет в безопасности. Стражники не имеют права преследовать человека в святом месте.

Этот план окончательно успокоил сомнения Пьера, и друзья, не теряя времени, тут же направились к тюремной башне, местонахождение которой хорошо знал бывавший в этих краях поэт. Идти им пришлось долго, так что к башне они подошли как раз в то время, когда большая часть стражи отправилась обедать.

Возле входа остался только один скучающий стражник, которого горбун сбил с ног одним ударом. Затем он с той же кажущейся лёгкостью сорвал с каменной двери тяжёлый замок, и Пьер, хотя и доверял другу, слегка поёжился от такой демонстрации силы.

Внутри башня была огромна и разветвлялась на бесчисленное множество коридоров. Гренгуар вчера успел услышать, что Эсмеральду должны поместить в самую нижнюю подземную камеру, поэтому приятели принялись искать путь вниз. К счастью, в подвале камер было куда меньше, чем наверху.

В подземном коридоре им попался ещё один стражник, но горбун и его свалил с ног. Тот ударился о землю и потерял сознание, так что Пьер без труда снял с его шеи связку ключей.

Гренгуар предложил было проверить все камеры, но звонарь, ведомый каким-то смутным чутьём, указал на ведущий ещё ниже люк.

— Она там! — уверенно заявил он, и поэт не стал с ним спорить. Горбун и сам себе не мог объяснить, откуда взялась эта уверенность, но чувствовал, что этот люк приведёт их к Эсмеральде.

Со старым замком пришлось повозиться, но наконец крышка люка со скрипом открылась. Цыганка сидела на охапке соломы, обхватив руками колени и положив на них голову, а рядом с ней пристроилась беленькая козочка.

Услышав, как её зовут по имени, девушка подняла голову и, увидев знакомые лица, радостно подскочила:

— Пьер, Квазимодо, как я рада!

Привыкший лазать по колокольне звонарь ловко спустился в люк и помог сделать это Гренгуару, и Эсмеральда тут же обняла обоих. А затем Пьер подхватил на руки радостно блеющую Джали. Но на приветствия сейчас времени не было.

— Скорее бежим! — поторопил друзей горбун. Он помог подняться наверх Эсмеральде, а затем принял из рук поэта и Джали. Впрочем, Гренгуар, как только вылез сам, тут же снова взял на руки свою любимицу, которая не смогла бы идти по лестнице.

Четвёрка как можно быстрее поднялась вверх и покинула башню. Уже отойдя довольно далеко, они заметили, что их догоняет стража. Нужно было бежать, но Эсмеральда, босая и к тому же ослабевшая в тюрьме, не могла этого сделать. Квазимодо подхватил её на руки и побежал, а за ним — Пьер, рядом с которым скакала козочка.

— Нам лучше разделиться! — предложил Гренгуар, когда они оторвались от преследователей и перешли на шаг. — Джали ведь не сможет жить в соборе. Я лучше отведу её во Двор Чудес.

Квазимодо согласно кивнул, и поэт с козочкой свернули в переулок. Звонарь, всё ещё держа Эсмеральду на руках, направился к соборной площади.

Они уже подошли к собору, как вдруг на балконе богатого дома напротив Эсмеральда увидела знакомую фигуру. Феб! Он жив! Её накрыла волна облегчения, но тут же она заметила, что он не один. Рядом с ним стояла та белокурая девушка, его невеста, и рука капитана нежно обвивала её талию. Молодые люди были так заняты друг другом, что не обратили на беглецов никакого внимания, и душу цыганки затопили обида и разочарование.

«Значит, он жив, здоров и всё это время молчал! — подумала она, пытаясь сдержать слёзы. — Он мог вступить за меня, но не сделал этого. Ему всё равно, даже если бы меня повесили!»

Последние остатки былых иллюзий растаяли, как дым, и где-то возле сердца появилось знакомое ощущение осколков льда. Но Квазимодо не дал ей грустить. Его тёплая и сильная рука крепче стиснула руку Эсмеральды, и он повлёк девушку за собой. По дороге он не переставал кричать:

— Убежище!

Квазимодо вихрем взлетел на колокольню, поднял запыхавшуюся Эсмеральду над головой и снова закричал:

— Убежище! Убежище!

Его крики подхватил народ.

Цыганка была спасена, и теперь никто не имел права что-то с ней сделать. Собор стал её убежищем.

ГЛАВА 25 Возвращение Клода

Выйдя из собора, Фролло направился к брату. Настроение у него, конечно, было не самым подходящим для урока, но учить сорванца всё равно надо было.

— Что-то ты сегодня хмур, братец Клод, — заметил чересчур наблюдательный Жеан, пока брат отыскивал нужное место в книге.

— Опять опыт не получился, — буркнул Клод, не желая уточнять, что этот опыт с алхимией никак связан не был.

— И вот нужно тебе так мучиться? — спросил Жеан почти сочувственно. — Зачем все эти опыты, от которых ты только худеешь и лысеешь?

— Я хочу познать всё, что есть в этом мире. Не только пользоваться результатом, но и увидеть процесс. Проникнуть в сам замысел Творца, если угодно! — Воодушевившийся Клод взглянул на притихшего брата и усмехнулся: — Не понимаешь? Ничего, для этого мы с тобой и занимаемся. Думаю, рано или поздно ты разделишь мой интерес.

Жеан не был уверен, что хочет разделить интересы, которые приводят к такой одержимости, но говорить об этом брату благоразумно не стал. Они начали урок, который на этот раз продолжался дольше обычного. Затем братья обедали — с некоторых пор они стали замечать, что им интересно беседовать за едой и обсуждать дела друг друга. Наконец-то они снова начали ощущать себя семьёй.

После архидьякон пошел на базар купить ещё еды и для себя, и для брата. Он оставил Жеану побольше провизии, предупредив, что уезжает далеко и может не вернуться до завтра, пригрозил страшными карами за попытку отвлечься от книг в каком-нибудь кабаке и только после этого отправился в путь. До прихода, который был целью его путешествия, он добрался уже под вечер.

Эсмеральда была счастлива вновь очутиться на свободе, и от этого счастья даже чуть-чуть кружилась голова, как будто она пригубила неразбавленного вина. Девушка бродила по колокольне, любуясь то бескрайним, золотистым от закатного солнца небом, то Парижем с высоты птичьего полёта. Даже первая её темница, не говоря уже о подземной камере в башне, находилась в полуподвальном помещении, и ей страшно надоело видеть только грязь и шлёпающие по ней ноги горожан. И теперь она упивалась видом сверху, раскинув руки и воображая, что сама вот-вот полетит.

От созерцания цыганку отвлек Квазимодо, осторожно коснувшись её руки:

— Как ты? Тебе было плохо всё это время?

Эсмеральда рассказала ему всё, от начала и до конца, правда, старалась не останавливаться на подробностях, которые могли бы его огорчить. Но и без того горбун глядел на неё сочувственно, а его глаза светились от нежности. Девушка внезапно осознала, что глаза у него очень красивые, так что почти не замечаешь непропорциональности черт лица.

— Это, конечно, очень неприятная история, — сказал Квазимодо, когда она замолчала. — Но в соборе тебя никто не тронет. Главное, не выходи отсюда, иначе тебя могут вернуть в тюрьму.

— Не волнуйся, я буду делать всё как надо. — Эсмеральда ласково погладила его по руке. — А ты как?

— Мне было грустно без тебя, — признался он. — Без твоих танцев площадь стала серой. Твоя красота и жизнерадостность освещают всё вокруг.

Эсмеральда заулыбалась и попробовала сделать несколько танцевальных движений. Без нарядного платья и бубна ей было непривычно, но Квазимодо смотрел так, словно ничего красивее в жизни не видел.

— Ты правда считаешь меня необычной?

— Ну конечно. Ты очень хорошая. От тебя веет теплом.

Она признательно улыбнулась.

— Ну что же, теперь я здесь. И, думаю, у нас будет время пообщаться. Вы с Пьером — мои настоящие друзья, ваш поступок это доказал.

— Ну что ты, не стоит благодарности! — смущённо пробормотал Квазимодо и ушёл к своим колоколам — настало время звонить к вечерней службе. А Эсмеральда снова отправилась гулять по собору.

Фролло возвратился в собор поздно. С делами в приходе он покончил быстрее, чем ожидал, и ещё успел погулять по вечернему Парижу. Как ни пытался он отвлечь себя приходскими заботами или алхимическими изысканиями, в голову упорно лезли мысли о Эсмеральде. Против воли он размышлял, как могла бы сложиться жизнь, если бы она не была цыганкой, а он — священником. Но если себя Клод ещё мог с грехом пополам представить мирянином, уважаемым преподавателем колледжа, то вообразить Эсмеральду в роли почтенной матери семейства, одетую в благопристойное платье, с убранными под чепец роскошными косами... Нет, на это его воображения не хватало.

— Она прелестна, но мне нельзя любить, — думал он. — А теперь она далеко, и я смогу зажить спокойно. Всё будет как прежде.

Почти убедив себя в этом, архидьякон наконец направился к собору. У входа, как всегда, тусклый свет лампы освещал молитвенник. Клод склонился над ним, с почти спокойной душой прочитал молитву и перекрестился.

Идти в келью, однако, почему-то не хотелось, и он, раздумывая, брёл по собору. Часы уже пробили полночь, поэтому в храме было безлюдно. Клод неспешно шёл, наслаждаясь тишиной и покоем, как вдруг подле колонн мелькнул смутно знакомый белый силуэт. Фролло оторопело замер, не веря своим глазам. Он что, бредит? Но нет, это действительно была Эсмеральда. Она стояла в потоке лунного света, хрупкая и почти прозрачная, и смотрела на него. Строгое, чуть отстранённое лицо, внимательный взгляд зелёных глаз, холодная полуулыбка...

— Здравствуйте, Клод, — просто сказала она, не сводя взгляда с застывшего архидьякона, и голос её прозвучал перезвоном хрустальных колокольчиков.

Фролло никак не мог прийти в себя:

— Ты тут? Но почему?

— Меня спасли!

— Кто же?

— Тот, кому я небезразлична. Вы предлагали мне спасение за любовь, совсем не интересуясь моими чувствами. А есть люди, способные сделать это бескорыстно.

Священник на мгновение задумался. Из всех, кого он знал, на подобное бескорыстие был способен лишь один человек...

— Квазимодо?

— Да, — кивнула девушка, и изумрудный лёд в её глазах на миг сменился тёплым светом. — Он добрый. А вы — бессердечный и себялюбивый. — Это не так! — с жаром воскликнул Клод. — Я просто люблю тебя, и...

— Я вам уже говорила, что это не любовь.

— А что же, по-твоему?

— Одержимость. Вы больны.

— Прости меня, девушка!

Эсмеральда только тихо вздохнула.

— Я могла бы вас простить, но, боюсь, тогда это бы вас ничему не научило. Вы должны понять, в чём именно не правы.

— Но что плохого в том, что я люблю тебя?

— Это не то, что вы думаете. Вы не любите меня.

— Что ты такое говоришь?! — Фролло постепенно впадал в одержимость. — Я люблю тебя больше жизни! Одно твоё слово, и я...

Девушка неслышно прошла мимо него, слегка задев краем своего белого одеяния, и, обернувшись, тихо произнесла:

— Идите спать. И подумайте над всем, что я сказала.

И, словно призрак, растаяла в полумраке галереи. Клод молчал, не в силах вымолвить ни слова. Когда Эсмеральда скрылась из виду, он поплелся в свою келью и попытался заснуть, но сон к нему не шёл. Он не мог не думать о словах цыганки, и, как ни горько ему было это признавать, она действительно была права.

Квазимодо тем временем проводил Эсмеральду в келью прилегающего к собору монастыря, который соединялся с самим собором Красными Вратами. Он сказал, что тут ей будет безопаснее, и она всецело ему доверяла.

Эсмеральда, уставшая за день, хотела сразу лечь спать, но Квазимодо её остановил:

— Постой, сначала я принесу поесть.

Пробравшись в свою каморку, он взял всю еду, оставленную утром архидьяконом, и свой тюфяк. Вернувшись в келью Эсмеральды, горбун разостлал тюфяк на каменном полу.

— Так тебе будет удобнее спать.

Она тепло улыбнулась:

— Спасибо большое.

— Хозяину лучше не напоминать лишний раз о тебе, — пояснил звонарь, вынимая из корзинки припасы, — поэтому тебе придётся есть мою еду. Если попрошу что-то для тебя, он может рассердиться.

— Но ты не останешься из-за меня голодным? — испугалась она.

— Нет, не переживай. В чём в чём, а в жадности моего господина не упрекнёшь — он всегда хорошо меня кормил.

— Не стоило так, — вздохнула Эсмеральда. — Но всё равно спасибо. Давай поделим.

Они постарались поделить еду пополам, но Квазимодо всё равно подсовывал своей гостье лучшие кусочки.

После ужина, ещё раз поблагодарив звонаря за заботу, Эсмеральда устроилась на тюфяке и почти сразу же заснула. Квазимодо ещё какое-то время молча сидел рядом, любуясь ею, а потом осторожно, чтобы не разбудить, пошёл к себе. Лёжа на холодном каменном полу, он ещё долго вспоминал безмятежное лицо спящей девушки и чувствовал себя абсолютно счастливым. Он может защищать её, заботиться о ней — это ли не счастье? Ему не было жалко ни тюфяка, ни провизии, ни даже благосклонности хозяина — ради Эсмеральды он, не задумываясь, пожертвовал всем.

ГЛАВА 26 Эсмеральда живет в соборе

Ночь для Клода прошла беспокойно, а утром, как назло, нужно было встать пораньше. Было воскресенье, день, когда они с Жеаном гуляли, и обычно Фролло позволял себе прийти к брату немного попозже, давая ему выспаться. Но сегодня был особенный день — день рождения Жеана, о котором Клод, несмотря на все свои тревобления, не забыл. Ему хотелось порадовать брата и подарить ему что-нибудь, и ещё предстояло поломать голову над тем, как выбрать такой подарок, чтобы он одновременно был полезным и понравился юному шалопаю.

Впрочем, сейчас архидьякона даже обрадовала необходимость идти за подарком в какую-нибудь лавку, которые он обычно ненавидел из-за тесноты и толчеи. Сам того не осознавая, он стремился как можно скорее вырваться из собора, чтобы больше не видеть Эсмеральду. И так он всю ночь размышлял над её словами, и размышления это были не самые приятные. Неужели он и правда болен, одержим, жалок? Думать так было неприятно, тем более для гордого потомка рода Фролло. Лучше погулять с братом по Парижу, это хоть как-то отвлечёт от подобных мыслей.

Но перед тем, как отправиться за подарком, он зашёл к Квазимодо. Услышав шаги приёмного отца, тот обернулся, но в его взгляде вместо обычной почтительности с долей страха сквозила необычайная решимость, как будто он был драконом из варварских мифов, охраняющим сокровища.

— Зачем ты её спас? — без обиняков спросил священник, подпустив в голос холодной угрозы. Обычно такой тон заставлял собеседника задрожать и склониться, но Квазимодо остался стоять прямо.

— Отец, она моя подруга. Я был обязан это сделать.

Клод вспомнил, с какой теплотой цыганка вчера отзывалась о его воспитаннике, и ему стало завидно.

— О чём ты вообще думал, приводя её в собор? Здесь столько ценностей, она в любой момент может что-нибудь украсть! Цыгане ведь воры, если ты забыл.

— Эсмеральда не такая! — упрямо возразил звонарь.

Фролло промолчал. Спорить с горбуном было трудно, так что он просто махнул рукой и пошёл собираться.

Квазимодо, прозвонив к утрени, пробрался в келью Эсмеральды. Она ещё спала, и звонарь только вздохнул — как же бедняжка устала, раз даже колокола не разбудили её! Он постоял немного на пороге, любясь умиротворённым во сне лицом и едва проступающей под широкой рубашкой фигуркой. Эта несвежая, бахромившаяся по краям рубашка и поджатые босые ноги девушки напомнили Квазимодо, что надо кое-куда заглянуть. Осторожно, боясь потревожить спящую, он вышел из кельи и отправился на улицу.

Эсмеральда проснулась довольно поздно. Она умылась из небольшого тазика, распутала пальцами волосы, немного потанцевала, чтобы размяться — несмотря на великодушно одолженный Квазимодо тюфяк, спать на каменном полу всё равно было довольно жёстко. Выглянув из кельи, девушка перед самым входом вдруг заметила клетку с птицами. Она сразу поняла, кто её принёс, и улыбнулась от нахлынувшей благодарности. «Такой прекрасный подарок. Он действительно заботится обо мне!» — подумала она. Птицы, дремавшие в тени, как только на клетку упал луч солнца, начали щебетать, и сама Эсмеральда тоже запела вместе с ними.

Но, повернувшись ко входу в келью, девушка вздрогнула и чуть не закричала. Как раз над её кельей висело страшное изваяние, то ли человек, то ли животное, жутко скалившее зубастую пасть. Вчера вечером в темноте она его не заметила, но теперь оно её напугало. Эсмеральда занесла клетку с птицами в келью и решила прогуляться по собору, где-нибудь подальше от страшной горгульи.

На колокольне она нашла Квазимодо и приветливо поздоровалась с ним:

— Доброе утро! Спасибо тебе за чудесных птичек.

— Не стоит, — смущённо улыбнулся звонарь. — Послушай их, они очень красиво поют, хотя и не так, как ты. Может быть, они развеют твою грусть.

— Да, мне они очень понравились, — подтвердила девушка. — Но есть одна вещь, которая пугает меня.

— Какая? Покажи мне. Здесь ты не должна ничего бояться.

— Идём.

Обеспокоенный Квазимодо последовал за ней. Эсмеральда подвела его к своей келье и показала на изваяние:

— Вот, смотри, какая ужасная физиономия! Боюсь, я сегодня не засну, если буду думать, что оно висит прямо над входом.

Квазимодо посмотрел на статую с какой-то странной печалью.

— Неужели оно страшное, как я?

— Нет, что ты! — возмутилась Эсмеральда. — Ты совсем не страшный, у тебя добрые глаза. А вот у него взгляд такой, как будто оно хочет меня съесть. Портит такой красивый вид!

Квазимодо тут же притащил откуда-то молоток, вскарабкался по стене и разбил изваяние. Эсмеральда, пнув ногой зубастую голову, вздохнула с облегчением.

— Спасибо тебе! — искренне поблагодарила она звонаря. А затем, повинувшись внезапному порыву, обняла его за шею и легко коснулась губами щеки.

Квазимодо покраснел и сжался от неожиданности, но тут же робко улыбнулся. Впрочем, он почти сразу ушёл, сказав девушке, что у него есть для неё ещё один подарок.

Эсмеральда ещё долго гуляла по собору, наблюдала за католической мессой, слушала величественную органную музыку, с интересом рассматривала облачение священников, среди которых, на её счастье, не было Фролло. Когда каменные стены начали на неё давить, она снова поднялась на колокольню, чтобы полюбоваться видом на город. Она думала обо всём, но мыслей о Фебе у неё больше не появлялось, хотя ещё недавно она и предположить не могла, что капитан может так легко исчезнуть из её сердца.

Уже вечерело, когда в одной из галерей цыганка внезапно столкнулась с возвращающимся Клодом. Он прошёл мимо, ничего не сказав, но посмотрел на неё таким пронизывающе холодным взглядом, что ей стало страшно. Она даже подумала, что стоит предупредить звонаря о том, какие намерения вынашивает его хозяин.

— Квазимодо, твой наставник очень зол на что-то, — сказала Эсмеральда, когда горбун вечером принёс ей ужин. — И, кажется, дело во мне. Он безумно влюблён и даже приходил ко мне в тюрьму, предлагая спасение в обмен на любовь. И теперь меня беспокоит, что он совсем рядом с моим убежищем.

— Не бойся, я не позволю ему тебя тронуть. — Квазимодо успокаивающе дотронулся до её плеча. Его руки были тёплыми и уверенными, но всё же девушка видела, как потрясла его эта новость. — А я, пожалуй, теперь буду ночевать поблизости. Если что, зови.

С этой же ночи он стал спать на пороге её кельи. У Эсмеральды сжималось сердце, когда она смотрела, как он устраивается на холодном камне, но тюфяк был слишком узким, чтобы на нём было удобно спать вдвоём. Днём Квазимодо тоже почти всё время был с ней, отлучаясь только для того, чтобы взять у приёмного отца еду или выполнить свои прямые обязанности звонаря.

Впрочем, архидьякона они больше не встречали. Он и сам старался избегать встречи с цыганкой. Каждое утро он ходил давать уроки брату, но всё остальное время проводил в своей келье. Все думали, что он опять занялся алхимическими опытами, но это было не совсем верно. Так получилось, что окна этой кельи весьма удобно выходили на убежище Эсмеральды, и Клод почти сразу её заметил. И, невидимый с другой стороны, он каждый день подолгу смотрел в окно, прислонившись к стеклу. Это было куда спокойнее, чем встречаться с глазу на глаз.

Квазимодо и Эсмеральда стали почти неразлучны. Было забавно и трогательно наблюдать, как звонарь, почти всю жизнь проведший в соборе и плохо умеющий общаться с людьми, заботится о своей подруге. Клетка с птицами оказалась первым, но не последним его подарком — через несколько дней он принёс ей букет в красивой, хотя и отколотой с одного боку вазе. Но девушка всё равно обрадовалась:

— Ты просто чудо! Мне так приятно видеть эти цветы — я же выросла на природе, и мне непривычно, что вокруг нет зелени. Собор красивый, но всё же каменный и мёртвый, а цветы — живые.

Горбун слушал её и тепло, искренне улыбался. Он ещё не встречал в жизни никого, кто так радовался бы его заботе. Ему приходилось помогать Фролло, но от того благодарности ожидать не приходилось. А Эсмеральда приходила в восторг от любой мелочи, и это наполняло душу теплом. Это она, а не он, настоящее чудо.

Кстати, обещанным подарком от Квазимодо оказалась одежда. В тот же день, когда цыганка столкнулась с Клодом, звонарь принёс вместе с ужином свёрток и отдал ей со словами:

— Вот, я взял это в монастыре. Туда прихожане иногда отдают одежду и обувь для благотворительности, и я попросил подобрать что-нибудь для тебя.

Эсмеральда в нетерпении развернула свёрток. Там было платье, конечно, невзрачное, но всё же настоящее платье, а не та грубая рубашка, которую она носила ещё с тюрьмы. Туфли, тяжёлые и грубые, были не совсем по размеру, но она была рада любым.

— Спасибо! — уже в который раз поблагодарила она друга. — Мне страшно надоела эта рубашка, в платье будет гораздо уютнее. И босиком ходить я уже устала. Эти туфли просто спасение!

Когда Квазимодо ушёл, она быстро переоделась и обула туфли. В платье из грубой шерсти сразу стало даже немного жарко, но тепло было и на душе. И всё благодаря её другу.

ГЛАВА 27 Красные ворота

Эсмеральда продолжала жить в соборе, и ей там даже нравилось. Квазимодо действительно был интересным собеседником, нежным и заботливым другом. Впрочем, за это недолгое время он стал для девушки чем-то большим, чем просто друг. Кажется, с самой смерти родителей у неё не было настолько близкого человека.

Каждый вечер, когда заканчивалась служба и Квазимодо до утра был свободен от своих обязанностей, они гуляли по собору, любуясь вечерними видами. Клод видел их из окна своей кельи, и от такого зрелища ему становилось не по себе. Как ни убеждал он себя в том, что красивой девушке просто не может быть интересен уродливый горбун, ревность не утихала.

Фролло исправно давал уроки Жеану, но даже они не помогали унять бушующее пламя. Наконец наступил день, когда он, чувствуя, что не в силах совладать с собой, не пошёл к брату, а остался у себя. Однако обеспокоенный Жеан явился к нему сам:

— Открой, братец Клод, это я!

— Я занят, занимаюсь исследованиями, — буркнул священник. — Приходи завтра, и я проверю всё, что тебе задал.

Жеан ушёл и действительно весь день провёл за книгами, надеясь на вознаграждение. К тому же в последнее время учёба начинала ему нравиться, и он даже ощущал тот азарт исследователя, о котором говорил брат. Хотя ему, так долго гордившемуся своей репутацией повесы, признать это было трудно.

В этот вечер Фролло, измученный бесконечными мыслями о Эсмеральде, решил лечь пораньше. Но стоило ему закрыть глаза, перед его мысленным взором снова встала она: смущённая и покрасневшая в объятиях капитана, танцующая босиком, бледная и печальная, но несгибаемая на суде, наконец, в белом одеянии и с холодной полуулыбкой, какой он встретил её уже здесь, в соборе.

Клод чувствовал, что сходит с ума. Он должен был поговорить с ней, убедить помочь ему, иначе он окончательно утратит самообладание...

Он встал с постели, надел подрясник и принялся искать у себя в келье запасной ключ от Красных Врат, так как монастырь на ночь уже закрыли. После долгих поисков ключ наконец обнаружился в столе, среди хозяйственных счетов и алхимических трактатов, и Фролло поспешил в монастырь.

Он тихо прокрался по коридору и осторожно, чтобы не привлечь Квазимодо, попытался отпереть Красные Врата. Но старый замок предательски заскрежетал, и архидьякон уже приготовился отступать... Однако именно в эту ночь звонарь, введённый в заблуждение затворничеством приёмного отца, решился отлучиться, чтобы починить один из своих колоколов, и Клод беспрепятственно проник в келью Эсмеральды.

Девушка спала. В небольшое оконце падал лунный свет, и священник какое-то время молча любовался ею. Рядом с тюфяком аккуратно стояли туфли, слишком грубые и неудобные для таких маленьких ножек. Клод попытался подойти поближе, но от звука его шагов цыганка вздрогнула и проснулась:

— Кто здесь?

— Это я, девушка. Прошу, не гони меня, я должен поговорить с тобой!

Эсмеральда, узнав его, отодвинулась подальше, вжавшись в стену. Внезапное появление архидьякона напугало её, особенно когда она заметила, что Квазимодо рядом нет. Но мужчина, стоявший перед ней, выглядел таким несчастным и смотрел на неё с такой мольбой, что доброе сердце плясуньи дрогнуло, и она решила дать ему выговориться.

— Я слушаю вас, — сказала она как можно мягче.

— Моя просьба остаётся неизменной, — заговорил Фролло, и его взгляд снова стал наливаясь знакомым девушке безумием. — Я не могу думать ни о чём другом, не могу спать, не могу работать. Будь со мной, люби меня! Только тогда я вернусь к жизни.

Эсмеральда встала. Теперь священник, хоть и оставался выше неё, уже не подавлял своим ростом, и ей легче было ему возражать.

— Я же уже всё вам объяснила. Вы не любите меня.

— Сжался надо мной, умоляю!

Клод упал перед ней на колени, схватил её руку и прижался к ней губами. Эсмеральда смотрела на него с возрастающим ужасом и пыталась отнять свою руку, но не могла — он был сильнее.

— Ты даже не представляешь, как сильно я тебя люблю! — говорил Клод, продолжая покрывать руку девушки поцелуями. — Я готов целовать твои руки, твои стопы и даже землю, по которой ты ходишь. Я готов уехать с тобой хоть на край света!

— Но я не хочу уезжать с вами! — воскликнула цыганка, наконец вырвав свою ладонь из его цепких рук. — Я не люблю вас, поймите наконец!

— Но почему ты добра ко всем и так жестока ко мне?

— Это вы ко мне жестоки! Я раз за разом объясняю вам, почему не могу быть с вами, но вы словно не слышите меня! Чем я заслужила такую пытку?

— Но я же тебя люблю! Как, как ты можешь быть равнодушна к такой неистовой любви?!

— Это не любовь!

— Делай со мной всё что хочешь, хоть бей! Но люби меня!

Клод снова протянул к девушке руки и попытался её обнять. Но он забыл, что его любовь выросла в таборе и волей-неволей должна была научиться защищать себя, а занятия танцами послужили неплохой физической подготовкой. Один взмах изящной босой ножкой — и священник упал навзничь, задыхаясь от боли в ушибленной руке. Но её прикосновение, пусть даже такое неласковое, подарило ему целый букет непередаваемых эмоций. Он чувствовал, что готов расплакаться от счастья.

— О, это просто божественно! — прошептал он, как только снова смог нормально дышать. — Даже удар твоей ножки — бальзам на сердце.

Клод осторожно встал, придерживая пострадавшую руку. Эсмеральда, забившись в угол, смотрела оттуда растерянно и даже испуганно — она не хотела бить так сильно. Она даже не подумала убежать, когда священник приблизился к ней, и опомнилась лишь тогда, когда он наклонился и попытался поцеловать её в щеку.

— На помощь! — закричала Эсмеральда, отталкивая его.

— Не кричи, а то хуже будет! — прошипел опьянённый Фролло и прижал её к себе, зарывшись лицом в распущенные волосы.

Но на крик девушки уже прибежал Квазимодо. Он одним ударом повалил архидьякона на пол и аккуратно зафиксировал его, стараясь не причинять боли, но и не давая вырваться.

— Не трогай её! — потребовал горбун. — Она слабее тебя.

— Но я её люблю! — возразил Клод.

Звонарь выволок Фролло из кельи и только там отпустил. Убедившись, что проход к Эсмеральде надёжно загораживает массивная фигура воспитанника, священник ушёл, бормоча ругательства.

Квазимодо смотрел ему вслед, внутренне разрываясь между детской привязанностью и новой любовью. В сегодняшнем случае правда была не на стороне Фролло, поэтому он твёрдо знал, что сделал всё правильно, но сердце всё равно тоскливо ныло.

От нерадостных размышлений его отвлекло ласковое прикосновение девичьей руки. Он обернулся.

— Спасибо тебе за помощь, — сказала Эсмеральда, тепло улыбаясь ему.

— Не за что. Я обещал защищать тебя, и я это делаю.

— Ты мой герой! — воскликнула девушка и снова коснулась губами его щеки.

И на этот раз Квазимодо даже позволил себе обнять её в ответ.

Архидьякон снова провёл ночь без сна, размышляя о разговоре с цыганкой. Осознание, что девушка не так слаба и может дать сдачи, несколько отрезвило его, и теперь он мог рассуждать более разумно.

Итогом этих размышлений стало то, что следующим вечером, когда Эсмеральда, как обычно, прогуливалась перед сном, Клод снова заглянул к ней. Увидев, как она испуганно сжалась, он поспешил её успокоить:

— Нет, не бойся, я больше не причиню тебе вреда. Напротив, я хотел попросить у тебя прощения. Я сделал это в порыве чувств и обещаю, что больше такого не повторится. Но я не хочу лгать — я нигде не могу деться от своей любви.

Девушка вздохнула свободнее и даже улыбнулась ему:

— Хорошо, что вы осознали это. Я вас прощаю, мне не за что вас ненавидеть.

— Но по моей вине погиб твой капитан.

— Феб жив. Я видела его на площади.

— Жив? — У Фролло, которого до сих пор мучили кошмары об аресте, камень с души свалился. — Раз так, то я действительно рад за него, хотя он и прескверный человек. Ещё раз прошу — прости меня.

Он упал к её ногам, но больше ничего не делал, только протягивал руки в немой мольбе. Его губы дрожали, а выделявшиеся на исхудавшем лице тёмные глаза блестели от слёз.

— Пожалуйста, не надо, — попросила цыганка, помогая ему подняться. — Я не сержусь на вас и искренне желаю вам исцелиться. А теперь, прошу вас, возвращайтесь к себе.

Фролло не смог ничего ответить и ушёл как можно быстрее, опасаясь, что может снова причинить ей боль. Когда её тонкие пальчики сквозь сутану коснулись его руки, по всему его телу снова разлился нестерпимый жар, лишая рассудка. Он окончательно убедился, что одержим, и пока эта девушка так близко, в соборе, он не сможет избавиться от этой одержимости. Значит, надо искать какой-то выход из этого положения.

Это была действительно сложная задача, и аналитический ум Фролло снова заработал в полную силу. Одновременно с этим Клод попытался вернуть прежний распорядок жизни, с трудом припоминая, каким он был до появления Эсмеральды: стал читать больше церковных книг, участвовать в службах, посещать приходы с проверками. И снова каждое утро навещал Жеана, давая ему уроки и восстанавливая чуть было не порванную родственную связь.

Теперь его дни были так насыщены, что вечером он засыпал, едва добравшись до кровати. Но, несмотря на занятость, Клод всё равно чувствовал в груди неприятный холодок одиночества.

ГЛАВА 28 Из меди в золото

Эсмеральда жила в соборе уже почти два месяца. Не привыкшая долго оставаться на одном месте, она давно устала бы от однообразия, если бы не Квазимодо, показывавший ей всё новые и новые уголки в соборе, который знал как свои пять пальцев. Ещё одним способом, помогавшим побороть скуку, было написание стихов — это занятие нравилось девушке всё больше и больше. Она писала о том, что видела вокруг — о пробуждающейся весенней природе, о каменных горгульях, которые уже не пугали её, а забавляли, о людской суете на площади, которая отсюда, сверху, казалась такой смешной и ненужной. Когда в голове стало рождаться слишком много строчек, чтобы их легко было запомнить, она попросила у своего друга бумагу и перо. Квазимодо, ничего не спрашивая, получил у одного из священников письменные принадлежности и принёс ей. Ему, конечно, было интересно, зачем вдруг цыганке понадобилась бумага, но расспрашивать её он считал нетактичным.

Однако Эсмеральда вскоре сама заметила его интерес и рассказала о своём увлечении. Теперь, когда рядом не было Пьера, всегда готового помочь и подсказать, она нуждалась в благодарном слушателе. К этому времени она уже настолько сблизилась со звонарём, что не стеснялась открыть ему эту маленькую тайну.

Квазимодо, услышав её стихи, пришёл в восторг. «Это просто великолепно!» — совершенно искренне говорил он, и Эсмеральде было очень приятно такое восхищение. Возможно, звонарь не так хорошо разбирался в стихосложении, как Гренгуар, но его умение слушать и чистосердечный отклик на услышанное были для неё не менее ценны.

Иногда, гуляя в одиночестве, цыганка видела внизу, на площади, Феба и Флёр-де-Лис. Она уже знала, что через месяц они поженятся, но не испытывала по этому поводу разочарования или грусти. Она всё ещё находила капитана красивым, но невольно сравнивала его с вазой, в которой Квазимодо в один из первых дней в соборе принёс ей цветы: ваза была очень красивой, но треснутой с одного боку, вода незаметно вытекла, и букет завял. Тогда звонарь принёс ей горшок, пусть неказистый с виду, но надёжный, и цветы в нём стояли долго. Так и с Фебом — несмотря на красоту, он был пуст внутри, и бедную розуЭсмеральду ждала бы незавидная участь, если бы не помощь Квазимодо, преданного друга с чистой душой. Девушка была рада, что всё сложилось именно так, но, несмотря ни на что, искренне желала бывшему возлюбленному счастья.

И её пожелания имели все основания сбыться, ибо Феб день ото дня всё больше привязывался к своей невесте. Она баловала его угощениями, окружала заботой и уютом, и капитан даже начинал подумывать, не оставить ли ему утомительную службу и посвятить себя семье. Флёр-де-Лис полностью поддерживала его.

— Ты всё равно будешь моим храбрым рыцарем, даже если перестанешь носить расшитый мундир! — говорила она и добавляла, прильнув золотистой головкой к его плечу: — Как я тебя люблю! Скоро мы поженимся и будем счастливы.

— И я тебя. Ты прекрасна, словно ангел!

— День нашей свадьбы будет для нас самым счастливым!

Капитан улыбался в ответ, и эти слова и улыбка были искренними. Кажется, впервые в жизни он полюбил кого-то по-настоящему и был этому очень рад.

Жеан окончательно наладил отношения с Жоффруа. Теперь они вместе с Робеном Пуспеном часто у него бывали, и вместо того, чтобы отвлекать, хвалили за рвение к учёбе. Отличник Жоффруа даже иногда помогал другу решать задачки, которые задавал Клод.

— Это ты хорошо сделал, что взялся за ум, — говорил Жоффруа, когда после занятий приятели закусывали разносолами, которые по-прежнему исправно поставлял старший Фролло. — И брат твой молодец, что наконец занялся тобой. Раньше ты, помнится, жаловался, что он совсем тебя не замечает.

— Как оказалось, чтобы привлечь его внимание, достаточно научиться рассуждать об алхимии, — смеялся в ответ Жеан, но тут же становился серьёзным: — Конечно, Клод порой очень строг ко мне, но я всё равно его люблю. Мне жаль, что в последнее время у него какие-то неприятности. Он не рассказывает об этом, но я замечаю, что он плохо выглядит...

— Он просто не хочет тебя расстраивать, — утешал его Робен. — Главное, не огорчай его больше, и всё наладится, вот увидишь.

Жеана стал больше привлекать собор. Заглядывая к брату за книгами, он потом подолгу ходил по коридорам и любовался архитектурой, о которой теперь благодаря Клоду знал намного больше, чем раньше. Сам Клод, однако, почемуто пока не хотел составлять ему компанию, ссылаясь на неотложные дела, и сидел сычом в своей келье.

И Жеан понял, почему, когда однажды наткнулся в одной из галерей на Эсмеральду. Сначала он даже не узнал цыганскую плясунью в простом строгом платье и с заплетёнными в косы роскошными кудрями, но она сама окликнула его по имени:

— Здравствуйте, Жеан!

— Здравствуй, Эсмеральда, — смутился юноша. Ему стыдно было вспоминать, как он когда-то насмехался над ней из-за босых ног. — Как поживаешь?

— Хорошо, — улыбнулась девушка, и он вздохнул с облегчением. — Я уже не впервые вижу вас здесь. Вы навещаете брата?

— Да, он даёт мне уроки.

— И вы делаете успехи?

— Да! По крайней мере, Клод меня хвалит, а заслужить его похвалу не так просто.

— Поздравляю!

Они ещё прогулялись немного по галерее, и Жеан рассказал своей спутнице несколько интересных историй о соборе, услышанных от брата. Он с радостью убедился, что девушка оказалась не злопамятной и простила ему старые насмешки. С тех пор они подружились, и теперь всякий раз, когда Фролло младший отправлялся побродить по собору, Эсмеральда с удовольствием составляла ему компанию. Юноша оказался интересным собеседником — уроки с Клодом не прошли даром. Квазимодо, иногда присоединявшийся к ним, только радовался за своего приёмного отца.

Фролло тем временем пребывал в отчаянии. После объяснения с Эсмеральдой он как мог избегал её, не желая причинять боль, но мысли о ней его не отпускали. Ища, чем же себя занять, он вспомнил об алхимии, которая в прежние времена единственная могла его отвлечь. Но после последней крупной неудачи его исследовательский пыл угас, и дело не двигалось. Вернуть к жизни Фролло-учёного смог один удивительный случай.

Как-то утром, когда Клод разбирал бумаги, к нему постучали. Думая, что пришёл Жеан, он тут же отпер дверь...

Но на пороге стоял незнакомый мужчина. Капюшон его плаща был откинут, однако черты лица оказались такими блёклыми и невыразительными, что архидьякон, вообще-то обладавший хорошей памятью, даже не смог припомнить, видел ли он его когда-нибудь раньше.

— Мэтр Клод, я хочу с вами поговорить.

— О чём же?

— Об алхимии. Жак Шармолу рассказал мне о ваших успехах в этой науке.

«Чёрт, ну зачем он разболтал?» — подумал про себя архидьякон, а вслух спросил:

— Что именно вас интересует?

— Получение золота, — сказал незнакомец. — Я готов показать вам свой метод и поделиться с вами, разумеется, не бесплатно.

В душе Фролло впервые за последние несколько месяцев вспыхнул огонёк исследовательского азарта.

— Я дам столько, сколько нужно.

— Сто су.

Это была большая сумма, но архидьякон, горя нетерпением, тут же отсыпал ему монет.

Странный посетитель тут же начал распоряжаться: взял тигель, высыпал туда какой-то белый порошок и развёл его водой. Затем он попросил у Клода медную монетку, пояснив:

— Сейчас она станет золотой.

Монетка тоже отправилась в тигель. А незнакомец достал из принесённого с собой мешка кусочки какого-то металла и высыпал туда же, так что они полностью покрыли монету. После чего он поставил тигель на огонь и стал нагревать странную смесь. Клод, наблюдая за этим, только хмыкал, но глаза его горели.

Когда раствор закипел, незнакомец небрежно выплеснул его в специальную ёмкость. На дне осталась только монета, но теперь она казалась серебряной.

— Осталось только нагреть монету, и она станет золотой, — пояснил гость в ответ на недоумевающий взгляд Фролло.

Он снова стал греть тигель без воды. Вскоре монета заискрилась золотым блеском.

Клод схватил щипцы и извлёк монету на свет. Она действительно выглядела как золотая, но почему-то он не доверял такому превращению. Согласно учёным книгам, полученное золото должно было быть жидким, из которого можно выплавить слиток, а здесь — обычный медяк, только будто покрытый позолотой... Стоп!

«А может, она только снаружи золотая?» — запоздало спохватился Фролло. Предчувствуя недоброе, он схватил нож и принялся скоблить им монету. И действительно, под золотистым слоем оказалась медь.

— Вы меня обманули! — вскричал Клод, в гневе отшвыривая несчастный медяк. — Это не золото! Верните день...

Он обернулся и замер с на полуслове. Таинственного незнакомца уже и след простыл. Пока священник разглядывал монету, он незаметно скрылся вместе с деньгами.

Фролло кинулся было на лестницу, надеясь догнать обманщика, но в башне было тихо, что могло означать только одно — тот уже покинул собор и затерялся в уличной толпе. Клод вернулся в келью и, едва закрыв дверь, сполз по ней вниз, усевшись прямо на пол. Ноги его не держали — то ли оттого, что он впервые после стольких дней затворничества пробежался, то ли от горя и обиды.

Клод понимал, что вернуть сто су вряд ли удастся — особых примет похититель не имел, и найти его будет крайне трудно. Подумать только, он был настолько потрясён возможностью увидеть рукотворное золото, что даже не спросил, как зовут гостя! Шармолу, даже если его спросить, вряд ли

что-то припомнит — слишком многих людей каждый день приходится принимать судье, он не смог бы запомнить их всех, даже будь моложе и здоровее. Да и кто вообще сказал, что наглец действительно узнал о Фролло от Шармолу, а не просто прикрылся именем судьи, зная о его дружбе с архидьяконом! В любом случае, рассказывать об этом визите мессиру Жаку Клод не собирался — ему было слишком стыдно.

«Неужели меня так просто обмануть? — сокрушался он. — Зачем я дал ему денег? Надо было сразу догадаться, что он шарлатан!»

От этого удара Фролло не мог оправиться два последующих дня. Его угнетала мысль, что даже в алхимии он невезуч и жалок, как и в любви.

ГЛАВА 29 Идея Гренгуара

Уже и третий месяц пребывания Эсмеральды в соборе подходил к концу. В компании Квазимодо дни проходили незаметно, но всё же иногда звонарь замечал, какие грустные взгляды бросает его подруга на площадь, хотя и старается, чтобы он этого не замечал. Когда однажды он всё-таки решился прямо её спросить, она призналась:

— Я очень скучаю по Двору Чудес, по Гренгуару, по Джали. Как они все там без меня? Клопен, наверное, с ума сходит от тревоги, и Пьер тоже... И по танцам, конечно, тоже скучаю. В этом смысл моей жизни.

— Не волнуйся, — успокоил её Квазимодо, — я много раз говорил с Пьером на площади. Твои друзья знают, что ты в безопасности и у тебя всё хорошо. Даже Джали уже перестала убегать на твои поиски и скоро, по уверениям нашего поэта, сама выучится танцевать не хуже тебя.

Эсмеральда рассмеялась:

— Как я рада! Я видела вас из окна. Спасибо, что рассказываешь друзьям обо мне.

Она осторожно обняла Квазимодо. Звонарь задумался на мгновение, но потом всё-таки решился:

— Я давно хотел тебе сказать, что я... я... Я люблю тебя, Эсмеральда.

Девушка смутилась, но всё же ответила:

— Я знаю, ты это давно доказал своими поступками. Ты относился ко мне лучше всех. Никто не помогал мне так, как ты!

Они обнялись, и Эсмеральда снова его расцеловала. Он понял, что она давно догадывалась о его чувствах, и раз она всё это время не отталкивала его, значит, у него есть надежда на взаимность.

— Ты очень добр ко мне, — сказала цыганка. — Только искренне любящий может так выражать свою любовь.

А Фролло тем временем всё больше отдалялся от мира. Он почти не выходил из кельи, погружившись в раздумья. Только уроки с Жеаном хоть как-то его отвлекали.

Раздумывая над словами Эсмеральды, архидьякон пришёл к выводу, что она говорила много правильных вещей, о которых он, при всей своей образованности, даже не задумывался. Клод начал уделять внимание брату и Квазимодо — единственным близким людям, которые у него остались. Занимался делами собора, усердно молился по ночам, вместо того чтобы вспоминать соблазнительные цыганские танцы. Постепенно он начинал чувствовать, что удавка запретной любви, несколько месяцев почти не дававшая ему дышать, понемногу ослабевает.

А встреча с алхимиком-шарлатаном, как ни странно, снова пробудила в нём азарт исследователя. Ведь, если разобраться, его больше всего напугало и уязвило даже не то, что кто-то узнал о его занятиях алхимией, а то, что стало известно, как он ещё далек от получения золота. Чтобы над ним, Клодом Фролло, беззастенчиво потешались подобные проходимцы?! Ну уж нет! Он добудет настоящее, подлинное золото, без всяких дешёвых трюков!

Через несколько дней подобных размышлений Фролло неожиданно обнаружил себя сначала пролистывающим старинный рукописный фолиант, а затем сидящим за столом и смешивающим различные препараты. С этого дня началось его возрождение как учёного. Ему даже было не особенно жалко денег, что он отдал обманщику.

Подгоняемый уязвлённым самолюбием, Клод работал и работал, и постепенно уроки с Жеаном, чтение церковных книг и алхимия заняли весь его день. О Эсмеральде он вспоминал всё реже, и чаще с теплом и признательностью, чем с обжигающей страстью. Он по-прежнему считал её красавицей, но эта красота больше не причиняла ему таких страданий.

Жеан тоже радовал своего брата. У него действительно проснулся интерес к учёбе, хотя он, в отличие от Клода, больше интересовался историей и риторикой, чем алхимией. Его друзья — Робен Пуспен и Жоффруа — поддерживали его в этом. Более того, у Жеана даже появились приятели из числа бывших однокашников, с которыми он ранее не общался. Но как-то раз, забежав к Клоду за книгами, Жеан встретил на площади Луи, одного из учеников колледжа Торши.

— Ба, да это же Жеан Мельник! — поприветствовал Луи.

— Да, это я. Давно не виделись.

— Как твои дела? Небось по кабакам бегаешь?

— Нет, я учусь! — возмутился Жеан.

— Где же?

— Меня учит мой брат, Клод Фролло. И говорит, что я делаю успехи!

Теперь Луи посмотрел на него с уважением:

— Надо же, сам мэтр Фролло! Да тебе повезло, приятель! Я сам бы не отказался взять у него несколько уроков алхимии, но он больше не берёт учеников.

Жеан пообещал улучшить минутку и уговорить брата возобновить преподавание, и молодые люди постепенно разговорились. И потом, встречаясь на улице, тоже с удовольствием общались. Жеан Фролло постепенно зарабатывал среди школяров репутацию не беспутного гуляки, а вполне толкового юноши с некоторыми связями.

Гренгуар очень скучал по Эсмеральде. Квазимодо, спускаясь иногда на площадь, передавал ему приветы от девушки и уверял, что с ней всё в порядке, но Пьеру всё равно не хватало его милой и умной подруги. С возвращением Джали ему стало повеселее, но умная козочка тоже тосковала по своей хозяйке и даже новые фокусы поначалу разучивала не так охотно.

С тех пор как звонарь стал не отлучаясь охранять Эсмеральду, Гренгуар за неимением других достойных собеседников сблизился с Клопом. Как оказалось, цыганка была права: жесток он только к чужакам, а так очень добр и разговорчив.

Почти каждый вечер Пьер заглядывал к королю нищих, и за бутылкой вполне приличного вина они обсуждали парижские новости, каждый раз, конечно, сворачивая на разговоры о Эсмеральде. Клопен много рассказывал о детстве цыганки, даже такие случаи, которых сама она уже не помнила.

— Она мне с самого детства как сестра. Никогда не забуду, как она готовила мне отвары целебных трав, когда я напоролся на нож в пьяной драке, а ведь была совсем ещё девочкой! — вздыхал он. — Я, конечно, рад, что она нашла убежище в соборе, но нам всем её очень не хватает.

Другие бродяги тоже присоединялись ко мнению своего короля. Почти ни дня не проходило без того, чтобы в каморку Гренгуара не постучался кто-нибудь из обитателей Двора Чудес с одним вопросом — не слышно ли чего-нибудь о Эсмеральде? Поэт не уставал поражаться, как эти грубые с виду люди проявляют самое искреннее участие к бедной девушке. Их жестокие лица освещались мягкими улыбками, когда Пьер пересказывал немногочисленные новости, услышанные от Квазимодо. Один из бродяг, уходя, грустно заметил:

— Казалось бы, всего одна девица, но без неё весь Двор Чудес кажется пустым! Скорей бы она вернулась, не проживёт же она всю жизнь в этом соборе?

Этим вопросом уже начал задаваться и сам поэт, но пока ничего толкового ему в голову не приходило. Каждый вечер они вдвоём с Клопеном строили планы, как вызволить Эсмеральду из собора, не подвергая её опасности снова попасть в тюрьму, но пока безрезультатно.

Однажды, прогуливаясь с такими мыслями по площади, Гренгуар впервые за долгое время встретил Фролло. Выглядел архидьякон неважно: он похудел и ещё больше полысел, под глазами залегли тени, а лицо избороздили почти незаметные прежде морщины. Ещё более суровое, чем обычно, выражение лица священника не вызвало желания побеседовать, но Пьер на это всё же решился, надеясь, что тот пустит его наконец в собор к цыганке.

— Здравствуйте, учитель! — сказал поэт как можно приветливее. — Как ваше здоровье?

— Благодарю, мэтр Гренгуар, я здоров. Не обращайтесь на мой вид, просто я снова занялся алхимией. А вы почему такой грустный? Неужели скучаете по вашей, хм, жене?

Пьер обрадовался такой перемене темы:

— Да, вы правы, я действительно скучаю по Эсмеральде. Она же моя лучшая подруга, да и зарабатываю я без неё меньше. Нельзя ли мне навестить её?

— Нет, просто так нельзя, — строго сказал Фролло, но тут же подошёл поближе и заговорил почти шёпотом: — Но у меня есть идея. Видите ли, собор не может быть вечным убежищем. Она должна уйти отсюда, но тогда её снова схватят. Я предлагаю вам ей помочь.

— Как?

— Из собора выпускают только тех, кто входил туда. Я провожу вас к ней. Вы войдёте, оденете её платье, а она — ваш камзол. Так она сможет покинуть собор.

— А я что же, должен буду остаться?

— Увы. Это будет ваша плата за то, что девушка спасла вам жизнь.

— Простите, учитель, но мне не по душе ваша затея, — возразил Гренгуар. — Вы сами говорите, что собор вечным убежищем быть не может. А значит, меня когда-нибудь да арестуют — если не за

убийство Шатопера, который, кстати, вполне себе жив и даже собирается жениться, так за содействие побегу убийцы. Если позволите, я постараюсь придумать план, который нам обоим не угрожал бы тюрьмой.

— Попробуйте, мэтр, быть может, вам улыбнется удача. Прощайте!

Архидьякон ушёл ещё более недовольным, чем до этого разговора. А Гренгуар снова отправился бродить по площади, ломая голову, как помочь подруге. По дороге он привычно кивал знакомым бродягам — в этот час, как раз после вечерней мессы, их тут собиралось довольно много в надежде на подаяние.

От размышлений его неожиданно отвлёк шум. Какой-то крестьянин повздорил с одним из нищих, и на защиту товарища тут же собралась целая толпа бродяг. Зачинщик спора в ужасе поспешил унести ноги, а Пьера вдруг осенила блестящая идея: да ведь бродяги — это сила! Их очень много, и они так привязаны к Эсмеральде... Если их раззадорить, то они просто возьмут собор штурмом и заберут оттуда цыганку, и даже королевская конница не сможет им помешать! Пьер даже подпрыгнул от восторга и бросился на поиски Клопена, чтобы поскорее поделиться с ним своим замечательным планом.

ГЛАВА 30 Штурм собора

Гренгуар всю ночь думал о своём плане. Вечером он с Клопеном так и не поговорил, но ранним утром уже явился к нему.

— У меня есть идея, как помочь Эсмеральде! — с порога выпалил поэт.

— Я слушаю, — кивнул Клопен.

— Мы можем её спасти, если бродяги возьмут штурмом собор! И мы выведем её оттуда, а потом спрячем. Я уверен, всё получится!

Клопен задумался.

— Это довольно рискованная затея, — сказал он наконец. — Нужно всё хорошенько обдумать. Вечером в десять часов я жду вас в кабаке в подвале старой башни. Там и обговорим детали.

Пьер ушёл. Он просто лопался от гордости при мысли, что именно он, которого называли шутком гороховым и сочинителем пустых виршей, смог придумать этот план, до которого не додумался даже опытный в организации побегов король Алтынный! Поэт не мог дождаться вечера. Сегодня его подруга будет спасена!

Кабак, о котором говорил Клопен, находился в подвале старой заброшенной башни, которую давно облюбовали бродяги. Это было не очень большое помещение, вмещавшее только несколько столов вокруг большого костра, на котором готовили пунш. Однако благодаря своей неприметности это место было идеальным как для попоек, так и для совещаний.

Незадолго до десяти часов в кабаке стали собираться бродяги из числа тех, кто занимал какой-либо ответственный пост в сложной, хотя и негласной иерархии Двора Чудес — Клопен предупредил их заранее. Сам он сидел в центре зала на особом высоком стуле и оглядывал собравшихся, словно

полководец, делающий смотр своему войску. По правую руку от него, как автор идеи, расположился довольный собой Гренгуар.

Когда издалека донёсся звон соборных колоколов, означающий, что уже наступило десять часов, король Алтынный заговорил:

— Братья мои, я обращаюсь к вам! Одна из наших сестёр, плясунья Эсмеральда, избежала казни, но теперь находится в заточении в соборе Богоматери. А архидьякон собора, который столько зла причинил нашему племени, грозит её выдать! Разве мы позволим поступить так с кем-либо из нас?! Мы должны спасти девушку!

— Как её муж по вашим же законам, я требую этого! — вставил поэт. Бродяги возмущённо загалдели.

— Слушайте меня, братья! — продолжил Клопен, когда шум стих. — Сегодня ночью мы будем штурмовать собор. Тащите лестницы и верёвки! Не пейте слишком много, вы нужны мне сильными и проворными. Ровно в полночь мы выступаем!

Со всех сторон раздались крики:

— Штурмовать собор! Штурмовать!

Чей-то хриплый голос заметил:

— А ведь там и пограбить можно!

Остальные поддержали идею гоготом и свистом. Клопен начал было наводить порядок, но отвлёкся на парочку бродяг, которые резались в карты в дальнем углу, но что-то не поделили.

— Ты жулик! — кричал один на другого. — Я тебя поколочу!

Клопен подскочил к ним и не глядя заехал одному в ухо, другому в глаз.

— Молчать! — рявкнул он. — До выступления осталось чуть больше часа, а вы тут драку устраиваете! Заняться нечем? Так я найду вам дело!

Он раздавал ещё какие-то указания, но в эти детали Гренгуар уже не вникал — он, повелитель муз, совершенно не разбирался в тактике и стратегии. Поэт просто сидел у огня, наблюдая за суматохой вокруг и подбирая в уме первые строчки грандиозной оды, посвящённой освобождению Эсмеральды, пока его грубо не толкнули в плечо. Клопен вручил ему чёрный плащ — в такие конспирации ради были одеты все участвующие в штурме — и велел поторапливаться, ибо скоро полночь.

Выйдя из подвала, Пьер был поражён пугающим, но в то же время даже величественным зрелищем: площадь перед башней заполонило множество фигур в чёрных плащах, деловито снующих туда-сюда. Участники совещания в кабаке привели своих «подчинённых», и казалось, что здесь собрался весь Двор Чудес. По команде Клопена «Стройся, Арго!» бродяги не хуже королевских солдат образовали колонну и замерли в ожидании дальнейших приказаний.

— Вперёд! — скомандовал Клопен.

Движение началось.

Эсмеральда уже давно спала, а Квазимодо всё бродил возле её кельи. После неожиданного визита Фролло он удвоил бдительность и теперь ночью обычно бодрствовал, ненадолго задрёмывая только под утро. Шум у главного портала привлёк внимание звонаря, и он выглянул с колокольни.

Зрелище ему открылось устрашающее: толпа людей с факелами в руках ломилась в главные ворота собора, выкрикивая какие-то угрозы. Квазимодо с такой высоты разобрал только слово «Открывайте!» и решил, что Эсмеральде грозит опасность. Он быстро отыскал кусок старой балки и сбросил его на площадь, но тот, к счастью, никого не задел.

Внизу Клопен, едва увернувшись, возмущённо выругался.

— Чёрт, попы обороняются! Грабить их, грабить! — закричал он, топая ногами.

— Нам нужен таран! — крикнул кто-то.

— А это бревно чем не таран! Выбивай ворота!

Несколько человек схватили балку и нацелились на ворота собора, но крепкие двери не дрогнули.

— Они не поддаются! А ну ещё раз, взяли!

— Давайте вместе!

Шум разбудил Эсмеральду. Не обнаружив рядом звонаря, она оделась и отправилась на колокольню, уже зная, что его всегда можно найти там.

Квазимодо, обычно спокойный и уверенный, сейчас выглядел растерянным. Увидев цыганку, он испуганно схватил её за руку:

— Иди к себе! Кто-то сюда ломится, здесь небезопасно.

— Тогда я не брошу тебя! — твёрдо сказала девушка и, мягко отняв свою руку, глянула вниз.

А там ворота портала скрипели под напором бродяг, но не поддавались. Наконец Клопен велел прекратить бесплодные попытки и закричал что есть силы:

— Эй, вы, там, в соборе! Я Клопен Труйльфу, король Алтынный, повелитель братства Арго! Мы пришли забрать Эсмеральду! Справедливости, мы хотим справедливости!

— Справедливости! — подхватили остальные бродяги.

— Ты слышишь? — забеспокоился Квазимодо. — Прячься в монастыре! А я сейчас закипачу воды и...

— Нет, ты что? Это мои друзья, они пришли спасти меня!

Не сразу, но Эсмеральде удалось убедить звонаря, что бродяги не причинят ей вреда, и он открыл портал, прежде через дверь получив уверения Клопена, что его подданные не войдут в собор и ничего там не тронут.

Порог переступили только сам король Алтынный и Пьер Гренгуар. Эсмеральда тут же обняла обоих.

— Бежим отсюда! — скомандовал Пьер, как только девушка отпустила его.

— Я без него не пойду! — сказала Эсмеральда, указывая на Квазимодо.

Клопен без долгих расспросов вручил обоим чёрные плащи.

В это время послышался топот ног и цокот копыт — это ехали стражники ночного дозора. Клопен поручил Пьеру проводить цыганку и звонаря во Двор Чудес, а сам остался организовывать отступление бродяг. Пока Квазимодо запирали вход, — не мог же он оставить родной собор открытым! — Эсмеральда пыталась рассмотреть офицеров. Ей показалось, или отряд действительно возглавлял Феб? Но прежде чем она успела хорошенько разглядеть командира, поэт и звонарь с двух сторон потянули её за руки. Вскоре троица покинула опасное место и скрылась в лабиринте парижских улиц.

Как ни старался Клопен, увести с площади сразу такое большое количество людей было невозможно. Завязалась перестрелка, несколько бродяг были схвачены. Под конец стрелки ворвались в собор. Первым, кого они там встретили, был Фролло.

— Где цыганка? — спросил командир отряда, успевший поговорить с одним из пленных. — Мы должны её арестовать.

— Я не знаю.

Клод действительно этого не знал, хотя и догадывался. Из окна своей башни архидьякон тоже наблюдал за штурмом и понял, чем всё кончилось. В какой-то момент в его сердце вспыхнула старая ревность, но это чувство угасло так же быстро, как и появилось. Девушка теперь уедет, а он сможет вернуться к нормальной жизни. Стало быть, это судьба.

Солдаты обшарили весь собор, но ничего не нашли. Фролло благословил их всех на прощание и, постаравшись внушить командиру, что ведьма просто испарилась, выпроводил гостей из собора.

К тому моменту, как обыск в соборе закончился, Эсмеральда, Квазимодо и Гренгуар были уже далеко.

По совету Клопена они решили не задерживаться во Дворе Чудес, который после сегодняшнего наверняка обыщут, и вообще уехать из Парижа. Пришлось поломать голову над тем, куда именно ехать — и Квазимодо, и Пьер были коренными парижанами и не очень хорошо себе представляли, что вообще находится за городскими стенами. Спор разрешила Эсмеральда, заявив, что хочет уехать в Реймс — в детстве она провела там несколько лет и считала этот город родным. На том и порешили.

Клопен на прощание подарил сестре ещё крепкую цыганскую кибитку и старого мула, и, как только открылись городские ворота, четвёрка (Джали, разумеется, отправилась с хозяевами) покинула Париж.

В дороге Эсмеральда и Пьер никак не могли наговориться. Он отчитывался об успехах Джали, а она пересказала ему всю свою жизнь соборе и, конечно, не забыла о любви к Квазимодо. Поэт был

искренне рад, что девушка наконец нашла себе пару и что ею оказался не Феб. Он успел подружиться со звонарём и был уверен, что он станет для его подруги надёжной опорой.

Когда солнце было уже высоко, они остановились на постоялом дворе, чтобы перекусить и дать мулу отдохнуть. Пьер пошёл заказывать еду, а Квазимодо, до этого отсыпавшийся в кибитке, вылез размяться и подышать свежим воздухом.

— Как ты? — спросила Эсмеральда, беря его под руку.

— Всё в порядке, не волнуйся, — успокаивающе улыбнулся он. — Главное, что ты в безопасности.

— Я тебя люблю! — сказала девушка и поцеловала его.

Лицо Квазимодо преобразила счастливая улыбка.

— Я тоже люблю тебя. Мы будем вместе?

— Конечно, да!

Они долго стояли, обнявшись, и наслаждались покоем и близостью друг к другу. Впереди ждали утомительные хлопоты, связанные с обустройством на новом месте, но всё худшее было позади. Крепче сжимая руку любимого, Эсмеральда действительно чувствовала себя счастливой.

ГЛАВА 31 Эпилог

Гренгуар, Квазимодо и Эсмеральда ещё долго ехали по полям и лесам. До Реймса они добрались только на следующий день.

— Все преграды позади, — сказала девушка горбуну, когда они проезжали через городские ворота. — Теперь никто не помешает нам быть вместе.

— Это так! — подтвердил Квазимодо и, помолчав, добавил: — Спасибо тебе за всё! Без тебя я бы никогда не узнал того счастья, которое чувствую сейчас.

— Это я тебе благодарна! Если бы не ты, я бы сейчас или оставалась в темнице, или меня бы вообще повесили.

— А как же твой капитан? — робко поинтересовался звонарь. — Ты не жалеешь, что променяла красивого мужчину на такого уродца, как я?

Но Эсмеральда продолжала всё так же безмятежно улыбаться и только погрозила ему хорошеньким пальчиком:

— Милый Квазимодо, если ты будешь так о себе говорить, я очень расстроюсь. А что до Феба, то я давно о нём забыла. Такие люди не стоят того, чтобы их помнили.

Они обнялись и поцеловались.

— Я тоже ничуть не жалею о том, что всё сложилось именно так, — вставил Гренгуар. — Я даже рад, что моя пьеса тогда провалилась, ведь иначе я бы не нашёл свою музу! Верно я говорю, Джали?

— Я тоже рада, что ты стал моим другом! — ответила Эсмеральда. Козочка радостно заблеяла.

Теперь надо было налаживать жизнь на новом месте. Довольно быстро им удалось снять две вполне приличные комнаты — в одной из них поселился поэт, а в другой звонарь с цыганкой.

В один прекрасный день Квазимодо и Эсмеральда вместе вошли в храм, держась за руки, и подошли к алтарю. Единственными, но самыми желанными гостями на этой свадьбе были Гренгуар и Джали.

После литургии священник спросил у молодожёнов:

— Пришли ли вы в храм добровольно, и является ли ваше желание вступить в церковный брак искренним и свободным?

— Да! — в один голос сказали Эсмеральда и Квазимодо.

— Сохраните ли вы верность друг другу?

— Да!

— Имеете ли вы намерение с любовью и благодарностью принимать детей, которых пошлёт вам Бог, и воспитывать их согласно учению церкви?

— Да!

Затем жених и невеста подали друг другу руки, которые священник тут же связал ленточкой, произнесли клятвы и дали обет верности. Священник прочитал «Отче наш» и благословил молодых.

— Я ждала этого дня всю жизнь! — сказала Эсмеральда. — Квазимодо, мы теперь вместе навеки! Ты счастлив?

— Конечно! Ты — лучшее, что только могло со мной случиться.

Под торжественные звуки органа, стихотворные поздравления Пьера и радостное бление Джали счастливые молодожёны покинули собор.

Клод Фролло, оставшись один, стал постепенно охладевать к Эсмеральде. Религия и брат теперь занимали всё его время и мысли, не оставляя места ни для чего другого. Но всё же иногда он вспоминал слова цыганки и соглашался с ними — это действительно была разрушительная любовь, которая никому не принесла бы счастья. Теперь архидьякон, хотя и не мог назвать себя безмятежно счастливым, был вполне доволен своей жизнью и благодарен Эсмеральде за то, что она не позволила ему совершить роковую ошибку.

То, что вместе с цыганкой уехал и Квазимодо, конечно, расстроило Клода, но не возбудило в нём ревности. Первое время архидьякон скучал по воспитаннику, который был для него одним из немногих близких людей. Но в то же время он желал Квазимодо счастья и не делал попыток его вернуть, а к новому звонарю старался не сильно придирается.

Через несколько дней после того, как цыганка и звонарь исчезли из собора, Фролло обвенчал молодого капитана Феба де Шатопера с благородной девицей Флёр-де-Лис де Гонделорье. Их брак можно было назвать вполне счастливым: офицер наконец получил обещанное приданое, а девушка искренне любила своего суженого и была готова для него на всё. Впрочем, справедливости ради следует сказать, что женитьба пошла Шатоперу на пользу — он перестал вести разгульный образ жизни и к жене относился с нежностью и уважением, а если и позволял себе иногда маленькие развлечения на стороне, Флёр-де-Лис об этом не знала и была счастлива.

А брак Квазимодо и Эсмеральды, заключённый в Реймсе почти в это же время, оказался не менее удачным. Молодая семья не бедствовала: цыганка сразу по приезде купила новое платье и красивые туфли и в этом наряде начала выступать рядом с Реймским Собором Богоматери. Её танцы, очаровывавшие даже искушённую парижскую публику, приводили в полный восторг почтенных жителей Реймса. Впрочем, иногда она присоединялась к Гренгуару, читавшему на той же площади стихи, и рассказывала свои собственные, а чаще даже пела их на знакомые мелодии. Квазимодо тоже иногда выступал на площади — годы работы в соборе, где ему приходилось с риском для жизни лазать по колокольне, сделали из него неплохого акробата, не говоря уж о том, что его необычная внешность сама по себе привлекала зрителей. Но всё же Эсмеральда иногда замечала, с какой тоской её муж смотрит на собор, особенно когда там звонили к мессе.

После венчания Квазимодо часто заглядывал в храм и любовался им — он был очень похож на парижский собор Богоматери. Поэтому, когда Эсмеральда однажды предложила ему прогуляться по собору вместе, он не усмотрел в этом ничего необычного. Но на входе их встретил священник, как будто заранее поджидавший молодую пару, и сообщил Квазимодо, что старый звонарь Реймского собора хочет удалиться на покой и он сам был бы очень рад, если бы горбун занял его место. Конечно, Квазимодо был счастлив принять это предложение. По радостной улыбке Эсмеральды он понял, что именно она устроила это назначение, и ещё долго не уставал благодарить жену за такой

замечательный подарок. С этого дня он считал себя абсолютно счастливым человеком — у него было и любимое дело, и любимая женщина.

Часто под вечер к супругам заглядывал Пьер Гренгуар, не забывавший ни о Джасти, ни о цыганке, которую иногда по-прежнему в шутку называл «жёнущкой». Квазимодо не обижался и не ревновал — он доверял и жене, и другу. У самого Пьера дела после переезда пошли в гору — в провинциальном городе он оказался единственным хорошим поэтом, и его творчество пользовалось небывалым спросом. Пьесы Гренгуара ставили на каждый праздник, и уже через несколько лет он стал очень известным поэтом и в самом Реймсе, и в его окрестностях.

Эсмеральда, возможно, иногда скучала по рукоплесканиям столичной публики и по друзьям из Двора Чудес, но ей достаточно было бросить взгляд на радостного Квазимодо, чтобы все сожаления рассеялись. Она была рада, что смогла разглядеть душевную красоту этого человека, и именно это сделало её счастливой.

КОНЕЦ